

ISSN 2305-5146

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

*ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА*

Серия:

**«Лингвистика и межкультурная
коммуникация»**

- Лингвистика
- Методика преподавания языков
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- концептология

УДК 800 : 37

ББК 81

ISSN 2305-5146

Редакционный совет Научного вестника Воронежского ГАСУ:

Борисов Ю.М., д-р техн. наук, проф.;
Проскурин Д.К., канд. физ.-мат. наук, доц.;
Рудаков О.Б., д-р хим. наук, проф.;
Суровцев И.С., д-р техн. наук, проф.

Редакционная коллегия серии:

Ковалева Л.В. - д-р фил. наук, проф., зав. кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ (главный редактор);
Лапынина Н.Н. - канд. фил. наук, проф. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ (зам. главного редактора), Почетный работник высшего профессионального образования РФ, член РОПРЯЛ;
Кольцова Л.М. - д-р фил. наук, проф., зав. кафедрой русского языка ВГУ, член РОПРЯЛ;
Клобукова Л.П. - д-р пед. наук, проф., зав. кафедрой русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ им. Ломоносова, действительный академик Международной академии наук педагогического образования, вице-президент РОПРЯЛ;
Томтогтох Гомбо – д-р Ph.D, проф., ведущий проф. отделения азиатских языков Института прикладной лингвистики Монгольского Государственного Университета науки и технологии (МГУНТ), член МАПРЯЛ, член ученого совета МГУНТ, член Ученого совета по защите докторских (Ph.D) диссертаций лингвистических наук;
Огядыкова Л.Б. - д-р фил. наук, проф. кафедры русского языка и общего языкознания Калмыцкого государственного университета;
Белякова С.М. - д-р фил. наук, проф. кафедры общего языкознания Тюменского государственного университета;
Коростылева Н.Н. – д-р социологических наук, профессор кафедры государственной службы и кадровой политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации;
Намакштанская И.Е. – канд. фил. наук, проф., зав. кафедрой прикладной лингвистики и этнологии ДонНАСА;
Бугакова Н.Б. – канд. фил. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ;
Воронова Т.А. – канд. фил. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ;
Сулемина О.В. – канд. фил. наук, ст. преп. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ (отв.секретарь).

В серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Научного вестника опубликованы результаты научных исследований учёных, докторантов, аспирантов и соискателей по проблемам лингвистики, методики преподавания языков, литературоведения, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, концептологии и т.д.

Серия предназначена для научных работников, специалистов-практиков, аспирантов, соискателей, студентов, а также может быть интересна всем тем, кто интересуется проблемами современной лингвистической науки, межкультурной коммуникации, литературоведением и методикой преподавания языков в вузе и школе.

Адрес редакции:
394006, г. Воронеж, ул.20-летия Октября,
д. 84, комн. 5203
тел: (473) 271-50-48

© Воронежский ГАСУ, 2013

<i>Ковалева Л.В. Вступительный текст к сборнику статей</i>	4
--	---

Лингвистика

Карасёва Т.В. Лексические диалектные черты в речи жительницы города Елец Липецкой области	6
Казанцева А.М. Языковая игра в рекламе для детей.....	16
Мифтахова А.Н. Общие наименования лица мужского пола в мужских форумах Рунета.....	21
Мурзина Н.Ю. Способы трансформации сравнительных конструкций на страницах региональных СМИ	26
Сатарова Л.И. Метафорические модели рекламы образовательных услуг.....	31
Фирсова М.А. Языковая агрессия как специфический элемент речевого имиджа Михаила Леонтьева....	35
Чубур Т.А. Семное описание семантики слов, номинирующих парцеллу «образованный» лексико-семантического поля «культурный человек».....	40

Методика преподавания языков

Власова Н.А. Социокультурные аспекты изучения русского языка и культуры речи в неязыковом вузе..	47
Дурова Е.Н. Синонимические синтаксические конструкции в практике преподавания грамматики РКИ	51
Жидкова Ю.Б. Речевая адаптация в лингвострановедческом аспекте на начальном этапе обучения русскому языку иностранцев.....	55
Потёмкина Е.В. Прецедентный текст как единица формирования когнитивного уровня вторичной языковой личности.....	61
Ревякина Т.Л. Совершенствование преподавания РКИ как основное условие подготовки военных специалистов высокого уровня.....	68

Аспекты изучения художественного текста

Ружицкий И.В. О языке Достоевского.....	73
Перцева Е.Н. Лингвистическая типология портрета героинь Достоевского. Портретные характеристики «кротких женщин».....	80
Скуридина С.А. Провинциальный хронотоп в романе «Братья Карамазовы».....	84
Сулемина О.В. Универсальная категория «страшного» и ее вариативность в лирике А.С. Пушкина.....	93
Вязовская В.В. Имена «Демикотоновой книги».....	97

Лингвокультурология

Воронова Т.А. Италия и итальянцы в поэзии Арсения Тарковского.....	102
Тамерьян Т.Ю. Многозначные стереотипы комплексной аксиологии.....	106
Новикова Е.С. Русский язык в контексте современности	110

Межкультурная коммуникация

Старухина А.А. Особенности перевода сленговой лексики.....	115
Олюнина В.М. К вопросу о функциональной специфике названий американских кинофильмов.....	119

Концептология

Бугакова Н.Б. К вопросу о способах вербализации концепта «икона» в романе И.С. Шмелева «Пути небесные».....	124
Морозова Н.С. Образ первого снега в поэтической модели мира.....	130
Ядрихинская Е.А. Лексико-семантическое макрополе «l'homme» (человек) индивидуально-авторской	

картины мира А. Камю.....	136
Суханова Т.В. Лексическая репрезентация концепта «женщина» в рассказах Т. Толстой.....	140

**Вступительное слово главного редактора серии
«Лингвистика и межкультурная коммуникация»**

Предлагаем вниманию читателей очередной, девятый, выпуск серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Научного вестника Воронежского государственного архитектурно-строительного университета, подготовленный к изданию коллективом кафедры русского языка и межкультурной коммуникации. Данный выпуск содержит статьи, посвященные актуальным проблемам современных теоретических и практических лингвистических исследований.

Необходимо отметить, что авторами данного выпуска являются доктора, кандидаты наук, старшие преподаватели российских вузов, а также молодые ученые (аспиранты, соискатели). Данный выпуск серии содержит 26 научных работ.

Серия состоит из шести разделов: I - «Лингвистика», II - «Методика преподавания языков», III - «Аспекты изучения художественного текста» IV - «Лингвокультурология», V- «Межкультурная коммуникация», VI - «Концептология».

В разделе «Лингвистика» (7 статей) представлены результаты исследований в области современного языкознания. В них обсуждаются актуальные проблемы семного описания лексем (Чубур Т.А.), метафорические модели в языке (Сатарова Л.И.), диалектные особенности речи (Карасёва Т.В.), проблемы ономастики (Мифтахова А.Н., Фирсова М.А.), особенности сравнительных конструкций (Мурзина Н.Ю.), а также языковые игры (Казанцева А.М.)

Во втором разделе - «Методика преподавания языков» - представлены пять работ, в которых рассматриваются проблемы совершенствования качества обучения русскому языку как иностранному в техническом вузе (Ревякина Т.Л., Дурова Е.Н.), социокультурные аспекты преподавания русского языка как иностранного (Власова Н.А., Жидкова Ю.Б., Потёмкина Е.В.)

В разделе «Аспекты изучения художественного текста» содержатся статьи, посвященные изучению языка писателей. Это работы Ружицкого И.В., Перцевой Е.Н., Скуридиной С.А., исследовавших язык Ф.М. Достоевского. Статья Сулеминой О.В. посвящена языку А.С. Пушкина.

Статьи Вороновой Т.А., Темерьян Т.Ю. и Новиковой Е.С. представляют раздел «Лингвокультурология», в котором анализируются проблемы языка и культуры в контексте современности.

Пятый раздел - «Межкультурная коммуникация» - включает работы, посвященные особенностям перевода и функционирования языка в современном мире.

Шестой раздел - «Концептология» - посвящен анализу различных видов концептов, их структуры, становлению и развитию когнитивной лингвистики, проблемам индивидуально-авторской картины мира писателей. Данный раздел представлен работами Ядрихинской Е.А., Бугаковой Н.Б., Сухановой Т.В., Морозовой Н.С.

Содержащиеся в девятом выпуске серии научные работы охватывают широкий спектр актуальных проблем современной лингвистики, лингвокультурологии, методики и межкультурной коммуникации и изучения языка художественных текстов.

Думаем, что данная серия будет интересной и полезной для специалистов-филологов, лингвокультурологов, преподавателей русского языка как иностранного, литературоведов, аспирантов.

Главный редактор серии
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой русского языка и
межкультурной коммуникации
Воронежского ГАСУ,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Ковалева Л.В.

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 81'282.2

*Воронежский государственный университет
Кандидат филологических наук,
доцент кафедры славянской филологии
Карасёва Т. В.
Россия, г. Воронеж, тел. 89515406737;
e-mail: t.v.karasyova@mail.ru*

*Voronezh State University
The chair of slavonic philology
Senior lecturer Karaseva T. V.
Russia, Voronezh, 89515406737;
e-mail: t.v.karasyova@mail.ru*

Т.В. Карасёва

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ ЧЕРТЫ В РЕЧИ ЖИТЕЛЬНИЦЫ ГОРОДА ЕЛЕЦ ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ

Статья посвящена описанию стойко сохраняющихся лексических диалектных черт в речи одного городского жителя.

Ключевые слова: диалектная лексика, речь города, Елец.

T.V. Karaseva

LEXICAL DIALECTAL FEATURES IN SPEECH OF THE RESIDENT OF CITY YELETS OF LIPETSK REGION

The article is devoted to description of lexical dialectal features which fixedly persist in the speech of the city resident.

Key words: dialectal vocabulary, speech of town, Yelets.

Источником материала для нашей статьи послужили записи живой речи информанта, сделанные нами в 2004–2012 гг., и его личные письма приблизительно 2004–2008 гг. (примеры из них даны с сохранением орфографии и пунктуации автора и обозначены звёздочкой). Рягузова (в девичестве Сапрыкина) Антонина Дмитриевна, 1930 г.р., родилась и окончила 5 классов в селе Черкаassy Елецкого района Липецкой области. В 1953 г. переехала в г. Елец, где проработала 5 лет на кирпичном и 30 лет на цементном заводах. Таким образом, информант уже почти 60 лет постоянно проживает в г. Ельце, однако в его речи стойко сохраняются фонетические, грамматические и лексические диалектные особенности.

Последние, ставшие предметом внимания в настоящей статье, могут быть рассмотрены в составе тематических и «частеречных» групп слов:

1) характеристика человека:

а) по внешности: ***быстроходкий*** «человек, который быстро ходит» (*Быстраходкий – быстра ходить чилавек*), «человек, который всё быстро делает» (*Быстраходкий – всё рас-рас, и всё*), ***лазолугный*** «с большими глазами или глазами навькате; лупоглазый» (ср.: *Глаз*

– прозвище такого человека), *глушняг* «недослышащий человек», *крыгбзик* «малорослый человек», *малюгагвый* «малорослый», *петелюгчка* «малорослая женщина» (*Питилючка* – малинькая ростам), *растопырка* «человек, который ходит, растопырив ноги» (*Ходить, раскарячилась – растапырка. Ходить, как растапырка – ниуклюжая, можыт, там ы мужык бываить какой*);

б) по характеру и поведению: *боегологвушка* «беззаботный человек», *брехогвка* и *трепохвогстка* «лгунья» (*Трипахвоска – эта бриховка*), *выпивугха** «алкоголик», *долбагк* «человек, повторяющий одно и то же», *копотугха* и *копугшка* «женщина-копуша» (*Капатуха – капатца, а у ней ничиво ни палучаитца. Капушка – ничиво ни делаить, ничиво ни умеить делаить. Кто «капушка», хто «капатуха» – хто как, адно и то жы*), *кредигтный* «жадный», *кудыгиный* «дельный» и *никудыгиный* «не дельный» (*Этат нукудышнаи, а какой кудышнаи – этат усё делаить, мужык-та: эта ни женскаи дегла*), *лизоблюгдка* «женщина, привередливая в еде; сладкоежка» (*Лизаблютка – эта любить только слаткае ест*), *непосегда* «человек, который не задерживается на одном месте» (*Вы на меня не обижайтесь, что я уехала быстро <...> и простите меня не поседу**), «ловкий человек» (*Нипаседа – эта такии вот шустрыи, визде: и туда, и суда – визде ана управилась*), *неуклюгжий* «неумелый» (*А вот стала не уклюжая что зделаю устала**), *нягнька* «старшая сестра» (*Да, называли старшую систру или там ана какай-нить ротствиница – вот как у нас была Шура Дризгалавская... Ана, бывал, а мы иё звали «нянька»*), *почётный* «уважаемый» (*Епихванавы на все Чиркасы пачётными были*), *рукоделгльник* «умелец» (*Витя он рукодельник как мой Коля покойный**), *сагмовнушиггельный* «чувствительный» (*Но она очень сомовнушительная что-ли на неё уж не повыс голоса обидиться**), *толкугшка* «бестолковый человек»;

в) по семейным отношениям: *дегва* и *дегвка* «девушка» (*Ани замуш ни выхадилы – девы. Девки нашли у кампьютыри*), *дитё* и *дитёнок* «ребёнок» (*Он там будить жыть, ни будить – эта ни важна, а дитё – эта самаи главнаи: эта симья твая. И штобы дитёнак твой был здаровый, дай Госпади*), *другожегнец* «второбрачный» (*Мущина жегнитца – ну, другой рас жынился – эта другажениц, эта как па-диривенски гаварили; типерь па десить рас женятца*), *инкубатторский* «одинокый», *кажелегтки* «погодки» (*Кажылетки – эта када раждаютца друх за другам: вот, как я у тритцатам гаду, а тётъ Нина – ана с тритцать первава*), *нягнька* «старшая сестра», *сродгник* «родственник» (*Привет... и всем сродникам**) – наряду с родственник (*Хорошо поменули радителей и родствиников всех**);

г) по профессии и занятию: *балалагйка* и *шалдыг-балдыг* «неработающий человек» (*Нигде ни работал – шалды-балды*), *благодигтель* «человек, оказывающий помощь пожилым» (*У нас моложе нас здес и уже имеют благодигтелей которые ухаживают за пристореломи**), *гунник* «старьёвщик» (*Гунник-та нам свисток даст за гуни, то шарики надувныи и канхветы, завёрнутыи у бумашку, ризинку карандашычную. «А, гунник едит!» – усе тощут: валинки, галошы, сапаги разарватыи*), *домосегд* «человек, который не работает и находится дома» (*Работают, а вы домоседы ждёте их с работы**), *катыгль* «рабочий, катающий вагонетки» (*Аформи иё катыгль*), *клагльщик* «каменщик», *тюрегмщик* «заключённый» (*Всю жызьнь у тюрме прасидел – тюремщик*), *хожгаглка* «женщина – социальный работник, оказывающая помощь пожилым» (*Из райсобеса наймите хожгалку она всё вам приготовит и купит и принесёт**);

2) названия одежды и обуви:

гунги «плохая одежда» (*Гуни – кухвайка вся рватая, например*), *гунягвый* «плохо или грязно одетый», *мелестигновый* «саиновый» (*Рубаха милестинаява*), *обрягда* «одежда» (*А тут иё абрыда такая была. Ихнии абрыды все старыи были*), *одежда* «одежда», *плюгшка* «плюшевый жакет», *увобратгья* «одеться», *увобратгый* «одетый», *шу-*

гайка «жакет свободного покроя на пуговицах»; **армяшки** «тонкие самодельные галоши» (Армяшки надивали тонкие, ризинавыи на валинки, када сыра. Ани паглубжы, чем

галошы, мении красивыи, красныи или чёрныи. Самадельныи – атливали сами мужьки из любой ризины), **чугни** «вязаная обувь» (Их вяжуть иш шерсти: сначала прядуть – патолшы пряжа. Есть машынки такии – нагой качаитца – заткнёш, хоть на тубаретку привяжыш и вяжыш чуни. Как сийчас наски, патследники, а чуни патолшы, завязывали, и женцины визали. Усягда, как убирають уражай, и в этих у чунях – ани как лапти, только лапти плитутца, из рагожы, а эти-та вяжутца спицами, а патом йих тряпка-ми, какии паплатней, апшывають, штоп ани падольшы насилысь). По сведению информанта, в с. Черкасы мужская рубашка довоенного покроя делалась с планкой, которая шла спереди от воротничка, была вышита зелёными или синими нитками и имела пуговицы; почти всегда она подпоясывалась поясом, плетённым из разных ниток, с **бахногр-чиками**;

3) названия еды:

а) продуктов питания: **мукаг отсевагя** «просеянная мука», **мясо телёнка** «телятина» (Привезли мясо телёнка они зарезоли и мы нажарили*), **поклевагнка** «мука из пшеницы-стеклянки» (Пакливанка – очинь белая-белая: блистела пышница – ат этава атличались), **отжымки от масла** «сыворожка от масла» (Атжымки – эта када вот масла збиваиш, а эта, бувала, называли – кислаи малако вот такая, с картошками, бувала, иё ели – вот эта атжымки. Тада веть иё-та у махотках били: бувала, када бьёш, бьёш – аткроиш, а там уже камок масла, ну, и аттуда вытаскивають, маслу прамывають, а эти вот атжымки ели), **продугкця** «продукт», **снагдьба** «приправа», **ягкорь** «мука, отделённая от отрубей». Как указывает информант, в старину «масла [подсолнечного] досыта ни дадут паесть – лиш бы запах был!»;

б) кушаний: **блиныг с картогшек** и **оладушки из картогх** «картофельные оладьи» (Блины становии на тесту, тесту делаиш из муки – а тада-та муки не была, картошки тёрли марозавыи, эта тёрли. Замишають, пасодють – эта как блины. Скавараду мажыть рыбьим жырам и – в ришато. Трут картошки на тёрки, а патом туда мучицы, яичка и содицы, и вот тибе назывались «аладушки ис картох»), **драгники** и **телелюгки** «картофельные оладьи» (Вот эта то жы самаи, хто как называл йих: хто драники, а хто тилилюшки – усякаски называли), **жаворогнка** «булочка в виде жаворонка к религиозному празднику памяти сорока мучеников (22 марта)» (Тесту паднатрём, раскатаиш, хвост – зупчиками. В жаваронка клали вытапки ат сливачнава масла. Жавароньки – эта на Соракы, празник такой, пастом, назывались Соракы, вот жавароньки пикли. А у них запикали питак там, хоть десить капеек. Хто найдётъ – значить, эта щаслива (усякаськи гаварять) будить жыть харашо. Раскатають вот так, а патом делали галовку, и гласьки, и грибишочик, а тут хвостик. Ну, вот знаиш как: накатаиш, а патом у сирётку пиривертываиш и делаиш, и там два хвоста; эту калясачку-та изделаиш, в адно и другои: с этой старане изделаиш хвостик, аттапыриш – вот так паложыш, а суда – галовку и гласьки, носик изделаиш – вот тибе и жаваронка), **комогчки из чечевитки** «кушанье из пареной чечевицы в виде шариков» (Сварють чичивику – ана упаритца. Вытаскивають иё ис печки – ана ахладитца нимношка, штоп ищё тёплая была, ссыпають у ступу. Ступа диривянная, талкачом талкуть, штоп памяхчи, пасалить па вкусу и – патсолничнаи масла, талкут, штоп ана тянулася. О, патянулася – как харашо! – штоп иё у камки скамывать. Ды у диревни – яйцо, яйцы. Делали в пост. Руками бирём и закатываим, размер – как яйцо куринаи, и у миску, целую миску наложым и ядим. Так жы делали из гароха), **лелюгха** «непропечённый хлеб» (Ну, што испикла? Настоящая лилюха! Брось пог палу – пакотитца и ни разабьётца. Хлеп ыспикуть, бувала, – ну, апять, какии никудышныи – вот, ы сырой, называитца: «Ну, што изделала? Лилюха!» – сырой там, мажытца, лепитца), **легсенки** «изделия из теста в виде лесенки» (выпекаются также в г.

Елец) (Лесинки – када умрёт чилавек: три ступеньки, малинькии и бальшыи, спичками накальваю, штоп диржалась пирикладышы, а патом вынимают. Эта всё присказки – как бутта покойник на лесинки вазбирётца – какии тупыи люди! Ангил-хранитиль бирёт душу и литить с нею! Иныи на сорок дней и у церкву паставят на кануни лесинку, раздають, на кладбищи становют. Ну, раньшы, када харанили, на сорок дней пикли – лесинка называитца, пикли. Щас-та эта пачти никто ни пичёт – издадут, вазмут батон этими, рунцами, вирхушку-та срежут – эта уш хто паставит. Ну, инагда некатарыи и пикуть лесинку, хоть и ни палучаитца харашо, но и заказывают – када у пикарни заказуць, у каво есть каму), **обжираловка** «большое количество вкусной еды» (Пока пусть хотя желудки отдохнуть от обжираловки*), **патапки** «кушанье из кусочков хлеба в заваренном и заквашенном тесте» (Станавили теста, заваривали тесту кипятком, заквашивалась гуца, и, штобы пабыстрей кисла, патапки клали: кусочки хлеба кубиками харашыи хазяйки резали – ниряхи кидали кусками. Патом пастаять нимножка – и уже гатовы: мош, час, и уже гатовы. Теста – пак-пак – пузырики, паэтам у же укисла: кислым, душыстым пахнет, калагить у нос. Патапки утопли у тести. И эти патапачки вытаскивают на тарелачки, у блюда, вмести с тестам, диривяннай лошкой, штобы ни испортилась теста, и ели вмести с тестам. Паставатя питания. Хлеп мяккий, разбухаить – тёплыи наложыи и еш), **растрёпки** «кушанье из кислого теста из ржаной муки» (Хлеп пикли из ржатнай, а растрёпки – ис пашаничнай, прастой размол. Из ржатнай муки прастова размола чириз ришато, штобы астались толька отруби самыи крупныи. Тада дражжсей не была – заквашивали гуцу, што квас делают. Эту гуцу падбивают пабилей, как мукой. Ани ночью киснут, а утрам мисила. Што ни большыи месиш, растрёпки рыхлей. Растрепиш, штоп рыхлей были ани, падбиваиш на стале. Ложут на стале – ани расходютца. И малако туда увальёш, и сахарку. Месять да тех пор, пакагмист кулак атскакиваить ат теста. Тада стаять час посли замеса, и падымаитца кверху. Штобы ани ни убижали, завязывают вирёвкой или шпагатам. Патом ано асядит, вытаскивают на стол, кусочик бирут в руку и начинают трипать, штобы мука забралась у растрёпку – мука насыпана на стале – нескалька нибальшыих, тониньких, жыткаватых. Пикёш. На разогретую скаварату, на таган становят. На скаваротки палижжали с адной стараны, с другой – дапикають у устыи. В устыи паставиш и павёртываиш, штоб ыспиклись. Дапикли – ешти, хоть ана и с сырцом. Старыи люди скажут: «Сыра гарячо ни бываит!». С ними у празники обедали. Усягда эта празничныи – растрёпки. Ели щ цами мясныи, жырныи – запах на всю избуг: «Ой, разваняла на всю избуг!» Кунали в малако – эта празничнаи называли. У крушку или у чашку наливали нам радитили, пакунаиш – и у рот. Как хлеп круглый, так вот ы растрёпки), **саламата** «каша из поджаренной и запаренной муки» (Разжжыгаиш скаваротку, на ниё насыпаиш муки – канешна, харашо авсянай – и жариш эту муку, штобы ана ни згарела, мишаиш, мишаиш ложычкай эту муку нескалька рас. Белая мука становитца, как кипячгиная малако цьет. Кипятим воду. Када нимношка иё патсолиш, сахарку – у вадичку, и в кипячёнай ваде разводиш эту муку. Ссыпаиш иё в гаршочик типерь, бирёш эту вадичку, каторую пригатовила, и сначала вадичка штобы ни так гарячия, а то завогритца, камками будит. И вот иё патихоничку завариваиш, завариваиш пагуци. Густа заварили и паставили – папаритца сколька ана там, час или палтара стаит. У печку – нимношка навозу, и стаит, а патом накладают и йидят. Саламата – патому ишта мажытца на рту. Для пастат. Вазьмёш в рот, на зубах палягскаиш и праглатил), **суслик** «продолговатый коржик на коричневой патоке с украшениями» (Суслики – на патки каржы: натёртаи теста, малако, мука, масла. Усики прилепливали ис теста, гласьки – дырачки. И патка бываить белая, патка бываить каричнивая, и вот ис каричнивай патки вот эти суслики: патки нальют – тада вить сахару-та не была – и вот муку делают, и замешывают, и натирають. Натрут йих, как вот пирашки-та прадалгаватыи, так ы эти – сажали у печку и выпикали. Вот эта суслик – натёртыи ани. Вещь эта ни очинь вкусна-та: патка пахнет – хто йих, эта ат

голоду только), **толчёная картошка** «картофельное пюре», **шагнеки** «шанежки» (*Картошки талкётъ варёныи сильна-сильна, вливаит малако, масла, яйца, муку, замешываит теста на малаке, яйцах. Тесту натёрла – соглицу сыпит, раскатываит, как логшиу, только патолшы, ложыт картошки и сверху закрываит – теста снизу и сверху – и запикаит. Палучаютца прадалгаватыи пирашки* (эти изделия выпекаются в с. Романово Березняговского района Пермской области, где проживает родная сестра информанта). Отметим также названия поминального стола – **погмин** и **трапеза** (*Мы трапезу сделали и поменули хорошо*. И каждый гот нада делать трапезу – хоть сваих пазвать, пять-шесть чилавек, и уже трапеза называитца, помин*);

4) бытовая лексика:

вертушка «юла», **воглна** «овечья шерсть» (*Волна – эта отвцу када астригёш – волна, ни шерсть, а волна*), **гогрница** «холодная комната» (*Побелил в горнице стены и будеть жить там*. Захадили – тут с адной старане тут изба называлась, а чирис сенцы... кагминная ... эта вот называлась горьница, халодная. Ну, да, бувала, муку, рош – палучали што – муку ссыпали, рош там, увсе там: и ситы, и ришоты, ды и всё, што ни нужна, – всё у горьницу, но ани нужныи дила, только ни всигда. У комнаты-та там, у избе-та прибирутца, а тут, у горьницу у халодную усё складывають. Ну, а летам и спали там*), **деругэка** «постилка, связанная из порванных тряпок» (*Тада вить кавров не была, мы стилили на пастелю, на печку лажылись спать: пастелють саломы, вот эту дирушку раскладывають, и спать. Дирушка называлась – ис тряпак: рвуть, эта, ну, из ношыных, но эт какии крепкии, и вот тебе вяжуть, вяжуть ие – вот эта называитца «дирушка». И адивались, хто стилил – бувал, на укладку пастелиш. А хто и вывизить – дирушка называитца, ува всю комнату пастелять... И адивались дирушками – какая пачищи, палучьшы – и адивались, и патстилили пат себе на кирпичи*), **каменушка** «однокомнатная каменная изба» (*Ну, каминушка – эта какии бедныи, ис каминьёв делали: там адну избушычку изделають, комнатку адну да сенцы – вот «каминушка» называитца*), «холодная комната; горница (?)» (*Это где чирез коидор коменушка там он облюбовал себе место**), **камигн**, **камигнка** «печь-буржуйка» (*Вот делали камин – изделали и топять, и типло штоп была ув избе. Там ани жылезныи, прадалгаватыи, а хто круглую делаить, хто изделаить ис чугуна, выдалбить эту, дно-та, ну, и делають, печку-та изделають, там кирпичики паложат, и на ниё эту, чугунку и каласки, и вот тебе эту. Туда хоть угаль есть или драва паттопять, и тада купатца штоп патиплей была. Избу-та печкай, а печку-та навозам тапили – халадно, а эта буржуйка-та, ана типло даёт ува всю комнату, штоп хоть искупатца-та*), **махогтка** «глиняный кувшин без ручки», **обологнок** «толстая толкушка» (*Какая хорошая – эта талкушка... Вот изделал абалонак – ни паднять, ни павирнуть: то акуратная, а то толстая, здаровая – абалонак*), **пагнцирь** «памперс», **подкладушка** «прокладка», **помегстье** «крестьянская усадьба» (*Гарасёк – сасет на паместью*), **попогна** «домотканое одеяло из овечьей шерсти» (*А папона – энта ана такая, из воглы, тожы так жы ткастая, на больших ткали, и папона – одивались. Папона – эта связанная ана, крючком вяжуть иё, папону, ну, так же на эти, на укладки йих лажыли, ды и адивались, и стилили на печки*), **рубегль** «стиральная доска», **рундугк** «деревянный ящик для хранения зерна» («Рундук» называлси – там пышница и рош насыпана была – эта када за трудадни-та давали, хоть на чём, а веть палучали и туда ссыпали, биригли. Ящики такии, на два раздиляются: пышницу нада в адну, рош – у другую, и «рундук» называлси. Он большой, как кровать, например, из дерива и зделан с крышкой – аткидная крышка закрывалась), **ругшалка** «крупоружка» (*Ну, эта рушалка, кагда рушают што-нибуть*), **ситто** и **решетог** (*Сита частаи, а ришато – пакрупней*), **скагла** «скалка», **сундугк** – поменьше, чем **укладка** «большой сундук, в который укладывали самые дорогие вещи» (*Как сундук укладка – усё там: и матирьял, мош, лажыть, и какии палучшы адиватца у празник – всё лажыли у укладку. Сундук паменьшы, а укладка длинная*), **толкагч** «пест»;

5) сельскохозяйственная лексика:

брукучий «бодливый», **закуйт** и **закутка** «хлев» (*Закутка для авец, закутка для парсят – ани нибольшыи и накрытыи. Накрывааии – знааии, салома была. Иде карова, иде эти, тада были и лаиадя в старину-та – ну, какии пабагато, а какии бедныи – хоть карову диржали, и то слава тебе Господи, но парсят диржали, авец, кос – и всё у закутьки, каждаму закутка. Пат сараи картошки – он аткрытай, а эта закутка, ана закывааитца на замок, и закывааитца на замок вот на такой, на жылезнай, а вить заго-ниии и закроиш на запор. Такой изделан – скопка, и закывааитца. Крыша, стены и дверь – эта вот закутка. Стены ис каменыв сложаны и из глины, на навози, и закывааитца), **картогика-рассыпугха** «сорт рассыпчатого картофеля», **кочетогк** «петушок» (*Свистки были, как качиток*), **опугпочки** и **опугпушки** «маленькие огурцы» (*Узяла да сабрала, де-ти асобинна: большыи-та вить ни будут апупушки збирать, а сё эта малинькии када – называаитца эта агурчики, апупачки*), **паханигна** «борозда на поле», **пеленаг** «солома, которая спускается с крыши закута» (*Пилина – карнис ис саломы, штобы па ниму стика-ла вада, пиривязывали*), **старногвка** «ровная пшеница, связанная длинной косой и использующаяся для перевязывания снопов» (*Читыри снапа калосьями кверху, штобы сох-ли, в види шалаша, накланённыи друх к другу*), **слагдкавя свеклаг** «сахарная свёкла», **сор** «сорняки (собр.)» (*Палот надо сор уже и тяпать**), **тачагнка** «вид телеги» (*То тилега разлатая, а то чуток пашырышы, штобы ни вываливалась. Тачанка-та – сядиш там ха-рашо, книзу ни упадеш, ничиво, а эта разлатая, тилега, и сидиш на ней и держышся за край, штоп ни свалитца*), **черегишник** «чернослив». По сообщению информанта, в качестве корма для скота в с. Черкаасы употреблялись варёный картофель, мытая и рубленая кормовая свёкла, капустные и свекольные листья, жмых от сахарной свёклы, который брали с завода, а также **лизугн** – соль для коров, коз, овец и даже кур (!). Кроме того, «в видро с холодной вадой ложат салому, штобы лошать пила панимногу»;*

6) прочая лексика:

брехняг «ложь», **говоругишки** и **ссагчки** «вид грибов (какой?)» (*Высыпають рядоч-кими, сладинькии. Иде карова нассала или лошать, ани там растут. Ну, наверна, как ссачки, вот эти гаварушки: ани рядочкими, иде там пысають овцы или каровы, памёт – ани на этом мести и растут, гаварушки. Йих рвали и ели*), **дражнегнье / дразнегнье** «прозвище» (*Например, Сита. Гардюхин – а он Бутав. У народи усякии дразнегья и усё*), **желлагние** «всё хорошее» (*Я бы тебя желала, счастья, здоровья, желания, твоих мечта-ний, что бы у тебя благополучно было всегда**. *Што здоровья, што жылания – адно и то жы, што жылания: «жылаю харошыва всиво»*), **колдобагина** «колдобина», **погхоть** «прихоть», **сапухаг** «сажа» (*Эта када печку тогпить, а ис трубы – сапуха. Значить, нада иё чистить, а то загаритца. Ана хужы залы: зала-та – ана пыльцо такая, а эта сажа чёрная*), **Согроки** «религиозный праздник памяти Сорока мучеников (22 марта)» (*Птицы кагда-та прилитають, жавароньки, – эта у марти, посныи дни, Сораки*), **спогрость** «скорость» (*Нет спораста, как раньшы: рас, два – и стол накрыла*), **табагчка** «табачная фабрика» (*На табачку работать иди*), **толкагчики** «вид грибов (какой?)» (*Талкачики – эта грибы. Ну, ани белинькии, талкачики, иде бирёски – щас падбирёзавками там назы-вают. Ну, ани тожы такии круглинькии, белинькии или ани большыи бувають, как кия-пягчинаи малако, эти талкачики – клёпушкам, как курятина*), **толкугчка** «вещевой рынок» (*Ходили на базары, на толкучки**), **требухаг** «живот» (*Лиш бы трибуха пална была. Ну, да вот жывот – наложуть туда усиво – раздуитца трибуха здаровая. Вот эти – многа йидять и бизабразна – вот эта трибуха пална*), **угологк** «дом (?)» (*Здоровье вам мои хорошии на долгие, долгие годы, успехов каждой в своём уголку**), **часть** «часть имущества родителей в качестве приданого» (*Тагда вить ани аддилялись, брали часть*);

7) прилагательные:

блажнойг «изнеженный» (*Бывал, скажут: «Блажная!»*), **горемыгчныйг** «несчаст-ный», **магсленыйг** «родившийся во время Масленицы» (*Он масляный радилси – на Масли-*

ницу) **невдагвый** «неудачливый» (*Есть такие невдавы: изделаить кой-как, абалонак – ни паднять, ни павирнуть*), **разлагтый** «разломанный» (*Разлатая – разломаная: харошая тилега – ана харошая, новая, а эта разлатая, старая*);

8) глаголы:

благгоустрогитесья «зажить хорошо» (*Они все благоустроились**. *Благаустроиньи – жывьуть харашо, всё у них харашо, канешна, на вкусу всё*), **брехатъ / сбрехатъ** «лгать», «лгать» (*Я вить брехать ни умею. Я никада ни збришу ни аднаво слова*), **вещеватъ / повецеватъ** «говорить, свистеть (о нечистой силе)» (*Павищивать – эта када ничистая сила павищуить чилавеку, нихарошыи слова. Ну, эта када чилавек спить, и наваливайтца, и там што-нибудь вищуить, свистить, вищуить – павищивании*), **владатъ** «работать, функционировать» (*А как жы упал – нага ни владала*), **выгвезти** «связать» (*А хто и вывизить – дирушка называйтца*), **выгвернуть** «произнести (особым образом)» (*Хто как вывирнуть*), **выкладыватъ** «рассказывать» (*И я радость и горя всё вам выкладываю**), **выдеглыватъ** и **выкобегливатъ** «выступать (перед публикой)» (*Артисты будут пирид нами выкабеливать. Смишныи люди есть – што-нибудь придумывають. Эта вот чилавек такой бываить съмишной, выделяваить, выкабеливаить – вот, хоть на свадьби или там иде: «Да он вот смишной, всё выкабеливаить штой-та, выделяваить или ана там – ча-стушки паётъ, ды разные, паганьи, плахии*), **голоситъ** «кричать, плакать» (*Я галашу: ничиво ни палучайтца! Умести, из адной миски, есть ни хачу и галашу*), **жыгатъ** «быстро ездить» (*Жыгаить – ну, раньшы так гаварили, хоть на лошади: «Да вот, запрѣх и жыгал хадил, идей-та растрипала лошадь или што*), **заколбатситъ** «сказать чепуху» (*Ана как што-та закалбасит*), **заколебатъ** «замучить», **запрегчъ** «запрячь» (*Да вот, запрѣх и жыгаггл*), **засветитъ** «зажечь (?); сжечь для освещения внутренности печи (?)» (*В пичи салома – штобы засвитить, а навос – штобы гарел и жар был*), **застыгъ** «замёрзнуть» (*А ноги застынут у меня**), **знагъся** «общаться» (*Ну, ишио с вами ана-та зналась*), **играгъся** «резвиться» (*Им [козлятам] играгъся нужно**), **истрепатъ** «надорвать (о здоровье)» (*А я когда себя всю истрепала, а тепер хочу что бы я была здорова**), **кричатъ** «плакать», **лактагъ** «лакать» (*Лактатъ малако*), **набитъ** «(знач.?) (о шерсти)» (*Я вогну набила и начила прясть*), **одугматъся** «прийти в себя» (*Что бы я не много одумолась дома стены помогают**), **отбиватъ** «отрывать (от дел)», **перебитъ** «знач. (?) (о шерсти)» (*Нада вогну пирибить, и валинки нада валять, и там и наски визать, и усѣ на свети*), **плантовагъ** «вмешиваться в разговор» (*Ана вить любить плантавать, любить указы-вать: иде бы кто ни разгаваривал, ана вот ана, язычница*), **плодитъся** «заводить детей» (*У нас наши внуки плодятся**), **повѣртыватъ** «поворачивать», **полягскагъ** «подержать во рту» (*У каво зубы харошыи, грызут, а у каво зубов нету, паляскаю и прагладу. А раньшы мама, бувал: «Паляскай и глатай! Зачем ты, глазалупая сабака, на зубы?»*), **понимагъ** «знать» (*И не понимала отдыха**), **почигститъ** «помыть» (*Я уже окна почистила на кухне, всё протѣрла, осталось на балконе убрать помыть**), **придугматъ** «решить» (*И не придумаеш как себя вести**), **прихватитъ** «застать» (*А с работы уволили молоко наливал ребѣнка надо кормить а его деректор прихватил и выгнал**), **провеститъ** «выдержать» (*Я Успенский пост легко провела**), **пропахатъ** «проработать» (*Сколько молодых лет я на неё продохала**), **пропитъся** «перестать пить (об алкогольных напитках)», **раскладыватъся** «ложиться, располагаться» (*Ув избе-та и жарка, и симья-та балышая, и тожы раскладывались, и там у нас кровать стаяла*), **раскосмагтитъся** «стать лохматым» (*Он раскасмагтитъся*), **растогргнутъся** «распасться» (*В токие годы семья расторглась**), **ругшатъся** «ломаться, разрушаться» (*Диривьят ламаютьца, ругшаютьца*), **ругшитъ / разругшитъ** «молоть» (*Например, просу ругшають на мельницы – палучайтца пышно. Разругшаиш – и пикли хлел и пышки*), **серчатъ / осерчатъ** «сердиться» (*Ани жыли умести, часть [часть имущества родителей в качестве приданого] – жырибѣнка, а атец ни аддал, и сирчали тожы за этава за жырибѣнка. Батюшка асирчал: ни дали што нужна – и назвал так*), **скагмыватъ** «делать комом», **топтагъся** «ходить мало, медленно (?)» (*По-*

*тихоньку топчусь для себя всё делаю сома**), *трепать / растрепать* «покалечить или убить пассажира (о лошади)» (*Ана [лошадь] кинитца и бижыть, и бижыть – ну, и гаварять: «Растрипала лошадь». Чилавек там у бальницу или савсем умрёт, патаму шта вить ана литить, как бешыная. Ды есть и трепить, если он сидить пьяный, а ана как што-нибудь напугаитца – как палитить, а он саскочить, и вот тебе и разбилси: растрипала лошадь и убила чилавека*), *угрогхат* «разбить», *упрагвит* «сделать» (*Я уборку сделала после них и стирку произвела всё управила**), *уработаться* «устать от работы» (*Да пака ана ишио маладая, ишио у сили – што ана, уработалась што ль?*), *устрадавать* «создавать» (*Сами себе праблемы устрадавають**), *чередигть / начередигть* «проказничать» (*Апять што-та начиридил, што он иво выгнал*);

9) наречия:

беспрекословно «беспрепятственно» (*Куда она хотела туда и ездила с тобой безприкословно**), *добрег* «очень, слишком» (*Девачка, дабре ты худинькая, малинькая! Хто их [семейные реликвии] сабирал – дабре нугжны!*), *докугда* «до каких пор» (*Написала, дакуда там прабуду*), *откровегтно* «открыто» (*Я и соседок угостила своих мы очень дружно живём и откровенно**), *посёравну* «всё равно», *по-тигхому* «потихоньку, незаметно, тайно», *по умуг* «с умом» (*Я очень рада за вас что всё делаете по умуг**), *тигхо* «медленно» (*Капатуха – эта када ана капаитца, очинь тиха усё делать*), *трёско* «о состоянии тряски», *усягкоски* «по-всякому» (*У нас сасетка и институты кончила, радила, а патом замуш вышла – усякаськи бываить*), *тудаг* «там» (*Я туда ни разу ни была: далёка вить ат нас*), *уперёд* «раньше» (*Горьница – эта как я упирёт тебе гаварила – чирис сенцы, халодная*), *чигсто* «чётко» (*Купили мне телевизер цветной за 4 тысячи мне очень понравился чисто показывает и крупные люди на экране**);

10) союзы:

ай «или» (*Харашо палучаить ай када как?*), *коль* «если, раз» (*Коль домой привезли значить забуду все болячки**), *покагмест* «пока» (*Пакамест ана спит, я и в магазин схажу. Ну, пускай пакамест я жыва, пусть так*);

11) фразологизмы:

блинами крыша покрыта «о чём-либо, что нужно стеречь» (*Што там у тебе, блинами крыша што й накрыта, што ты бижыши дамой-та?*), *буря погудугчая* «сильная буря» (*Падымитца бурия, как панисётъ вот – аш клубам, бываить и такое, и унисётъ*), *занесла / зашла бурия погудугчая* «о засидевшемся госте» (*Ну, бывають жєнщины такии: зайдуть, сядут, да и сидят, ад дилов людей адбивають и сами ничиво ни делают, вот ы гаварять: «Во, зашла бурия пагудучая, и сидить, и сидить. Ни мне дилаг ни даётъ делать и сама сидить – хоть выганяй, а стыдна»*), *быть у честиг* «быть в почёте» (*Епихвановы были у чисти и багатыи, умныи*), *в голову ничего не лезет* «о состоянии крайнего волнения» (*В голову ничего не лезит я так переживаю**), *во святой час сказать* «чтобы не сглазить» (*Пока вроде бы нормально во святой час скозать, ато злажу**), *войти в года* «повзрослеть» (*Я уже у гада вашла – былла шыснатцать или симнатцать*), *глухой как толкушка* «о слабослышащем человеке» (*Глухая как талкушка: хоть гавари, хоть нет – ана фсё вить ни слышыт*), *года подошли* «время пришло» (*Он уи старай, што и гаварить-та: гада падашли иво памирать*), *голова забита* «думать о ком- или чём-либо» (*Где ты раньше был, чем была голова забита**), *дух радуется* «душа радуется» (*Такие кросивые унитазы ваны и краны всё блестить дух радуется**), *жить как на курортах* «жить припеваючи» (*Пока живу в тишине и в покое всё у меня есть необходимое и я очень давольна, живу просто как на курортах**), *жить по порядку* «жить хорошо, нормально, как следует» (*Пока вот все по порядку живём в тишине и покое**), *залезть в пьянку* «начать пить» (*А кто в пьянку залез то уже не вытощит его оттуда**), *как баба плохая* «укор мужчине», *как глаз во лбу* «о человеке, которому уделяют большое внимание» (*Ты у неё была как глаз волбу такая есть пословица**), *как одна капля воды* «как две капли воды» (*Он пахош, Ваня, на ниво, как адна капля вады*), *как похуже* «худший»

(Папона – из волны: как пахужы адбировали и эта, на такии, пагрубеи какава волна), **как сапелка** «о неработающей руке» (Из армии пришол – рука как сапелка, нирабочия. Ну, вот прализованыи бывають – рука ни работаить, и гаварять: «Как сапелка рука»), **команду давать** «командовать» (Приехоли в Черкассы и я начела команду довать каму что делать), **куда деть** (кого?) «что поделать» (Куда иво деншии, када он визде пил?), **лепить на стену** «о большом количестве денег» (А куда денги – што, их липить на стену?), **на всё время** «всему своё время» (Зиму я не люблю день быстро проходить ночи длинные но на всё время*), **на общем уровне** «обычно, нормально» (Всё было на общем уровне, дружно оргонизовано*), **на пропасть на погибель** «напрасно» (Я на первой недели поговела причестилась и всё на пропость на погибель*), **напустить дурь** «притвориться» (Почему дурь на себя напустил ты что не можеш зготовит и помыть*), **не дышать, а улыбаться** «души не чаять» (Папа их любить одеваает обуваает что захотять и он на них не дышит, а улыбается*), **некуда деть** (кого?) «о ком- или чём-либо, ни на что не годном» (А ани здаровыи и гардятца этим, а деть их некуда всё равно: ани хужы, чем мы, малинькии), «о тяжело больном человеке» (Прализваный чилавек лижыть никудышнай, некуда деть йиво), **один одного** «мал мала меньше» (Астались адин аднаво), **поговорить** (с кем?) – **ума набраться** «об умном человеке» (Умница никого необидит поговорить с ней ума набраться*), **подай Бог ноги** «о возможности уйти, уехать» (Ана вышла и – падай Бох ноги! Мы-та када ездили туда – только падай Бох ноги аттуда уехать), **пойти ножками** «начать ходить (о ребёнке)» (Твая уже скоро пайдёт ношками), **попало говно на зугбы** «о многократном повторении одного и того же», **последний прыжок** «последний рывок» (А Таничка онят сремонтот занимається, но я думаю это последний прыжок?*), **по третьему родуг** «троюродный» (Эти тётки – па третьему раду радня, но ни тётки), **прийти в нормальную обстановку** «войти в колею» (Я не могу прити в нормальную обстановку*), **прикладать имёна** «давать прозвища» (У нас вон Галаванотва – ана вон как угодна, бывала: Акулина имёны прикладаить па-всякаму), **проваляться как неваляшка** «пролежать много времени», **пустить на самокат** «пустить на самотёк» (Пустила всё на самакат), **пьяный в щепотигну** «пьяный вдрызг», **рвать на жопе волосаг** «кусать локти», **родительский глаз** «родительский присмотр» (А вед он взрослый парен за ним радительский глаз нужен*), **с боку припёку овсяной блин** «дальний родственник», **с мозгами не в порядке** «с головой не в порядке» (Бояться её остовлять одну, что-то у неё с мозгами не в порядке*), **семейный очаг** «семья» (Люди имеют машину для семейного очага*), **сотрясение головы** «сотрясение мозга» (У него сотрисение головы*), **травку потоптать** «пожить» (Говорит мы ещё стобой травку потопчим*), **трясти жопой** «бездельничать» (Приехал у сило и всё время жопай трёс... никада ни работал, как люди работали), **умочка дельного не услышишь** «умного слова не услышишь» (Ни кокого умочка дельного от него не услышишь*), **хуже быть некуда** «хуже некуда».

Отметим также сообщённые информантом ономастические сведения по с. Черкасы:

названия частей села: *Гагидина* (ныне Садовая), *Зассаттовка*, *Затон*, *Конегц*, *Кукушкина* (здесь много куковало кукушек), *Ливатра*, *Рогова*, *Тулугтовка*, *Цветочная* (некоторые из них совпадают с официальными названиями улиц: Елецкая, Заречная, Затон, Колхозная, Комсомольская, Механизаторов, Набережная, Нагорная, Октябрьская, Полевая, Рабочая, Садовая, Советская, Цветочная, Школьная (3); фамилии **пог двору** (**по двору**) «по подворью» (У дивенях вот так, пог дварам звали): *Голованотвы* / *Голованыг* (Бутовы), *Гомаротвы*, *Гордюгхины* (Бутовы), *Дёмины*, *Кочанотвы*, *Крючокотвы* / *Крючкиг* (Сапрыкины), *Кулешотвы* / *Кулеш*, *Логикины* / *Логшины* (Ляпины), *Полюгхины*, *Селивёрстовы*, *Тихоновы*, *Шкугтовы* (Сапрыкины), *Царигцыны* (Бутовы); прозвища: *Берёзка* / *Березняк* (Ана радила ад дяди Хведи – он высокий был, и празвали иё Валька-Бирёска), *Гарасёк* (от *Герасим* (?)), *Кетренский* (интеллигентный мужчина, в галстукe, но очень

вредный – отовсюда выгоняли: «Везде ты временный»), *Лисугха* (от *Елизавета*), *Пудигха* (дала попу только пуд зерна).

Приведём также (в орфографической записи) зафиксированные в речи А. Д. Рягузовой **выражения**: пословицы и поговорки: *В гостях хорошо, но а дома лучше; Вместе тесно, а порознь скучно; Господь им навстречу; День прошёл, и слава Богу (за всё); Дома стены помогают; Жду ответа, как соловей лета; Козатми сену травить – лучше пусть овцы поедят* («*Эта плоха чилавек есть: чем давать, шtbody чтобы выбрасывать, ни хочить чилавек есть – лучше ни давай, лучше пусть козы паидят или овцы*»); *Кто с горя с ума сходит, а кто с жиру бесится; Лёг – свернулся, встал – потряхнулся; Мал золотник, да дорог; Подкрепи тебя Господи; Старость не младость; У каждой избушки свои горюшки; Что было, видели, а что будет, увидим*; жизненные наблюдения: *Вином жизнь не наладишь; Вместе жить очень тяжело и молодым, и старым; Вот я опять как в капкане: то вылезу, то снова зацеплюсь; Гордость губит человека; За день всё можно сварить и быка изжарить; Когда дети живут дружно, тихо, тогда и мать спокойно дышит, а когда дети нарушили свой покой, и родителям нет покоя даже покойным; Кто не может торговать, тому хоть сумку вешай на плечо и иди проси, да никто не подаст; Курение – от нечистой силы; Молодость – это наше счастье; Мужчина горе своё в водке топит и сам незаметно потопает; Никому не докажешь, пока сама не поймёшь; Работа – это наша радость; Самое дорогое у человека – душа, доброта и ласка, самое красивое, ни с чем не сравнимое; Сколько ни живи, а умирать всем, только не в одно время, а никому не хочется; Старому человеку уже не хочется ничего роскошного, а тишины и покоя; Старость – тяжёлое дело; Старые бестолковые и всё хотят по-своему делать; Тепло, чисто и сыт – что нужно для старого человека?; У каждого свой уголок любимый, без которого мы жить не можем; У каждого человека свой нрав и вкус; Что Господу угодно, то и будет; Чужое [горе] мы не замечаем, а своё всегда к сердцу.*

Как видно, речь жительницы города Ельца А. Д. Рягузовой отличается большим богатством и разнообразием лексических диалектных черт, что, безусловно, потребует дальнейшего исследования.

Библиографический список

1. Названия улиц села Черкассы Липецкой области. URL: <http://lip-cherkassy.narod.ru/ulictsy.html> (дата обращения: 06.05.2012).
2. Павлова А. В. Отношения синонимии в полудиалектной речи городского жителя // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сб. науч. тр. Вологда: Легия, 2010. Ч. 5. С.111-115.
3. Черенкова А. Д. Опыт анализа полудиалекта // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: материалы VI межд. науч.-практ. конф. (Воронеж, 29-30 октября 2011 г.). Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. пед. ун-та, 2011. С. 98-106.

References

1. Street names of Cherkassy village of Lipetsk Region. URL: <http://lip-cherkassy.narod.ru/ulictsy.html> (date of opening: 06.05.2012).
2. Pavlova A. V. Synonymy Relations in Collapsing Speech of City Resident // Word and the Text in the Cultural Consciousness of the Era : the Selection of Scientific Works. Vologda : Legiya, 2010. Part 5. P. 111-115.
3. Cherenkova A. D. Experience of the Analysis of a Half-Dialect // Problems of studying of a live russian word on a boundary of millenia : the materials of VI international scientific and practical conference (Voronezh, 2011, October, 29-30th). Voronezh : Publishing House of Voronezh State Pedagogical University, 2011. P. 98-106.

УДК 81'33.2

*Казанский (Поволжский) федеральный университет
Институт филологии и искусств
Аспирант кафедры русского языка
как иностранного Казанцева А.М.
Россия, г. Казань, тел. +7 9509 693849;
e-mail: aida.kazanceva@mail.ru*

*Kazan (Volga Region) Federal University
Institute of Philology and Arts
The chair of Russian as a foreign language
Graduate student Kazantseva A. M.
Russia, Kazan, tel. +7 9509 693849
E-mail: aida.kazanceva@mail.ru*

А.М. Казанцева

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В РЕКЛАМЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ

В статье рассматривается прием языковой игры, который очень часто используется в рекламных текстах для детей. В частности, как один из компонентов языковой игры анализируются лексические окказионализмы, способы их словообразования.

Ключевые слова: языковая игра, реклама для детей, окказионализмы, словообразование, контаминация.

А.М. Kazantseva

LANGUAGE GAME IN ADVERTISEMENT FOR CHILDREN

The article deals with the language game, which is very often used in advertising texts for children. Particularly as one of the components of the language game, lexical occasionalisms are under analysis and methods of derivation.

Keywords: language game, advertising to children, occasionalism, word formation, contamination.

Современный рекламный текст характеризуется повышенной экспрессивностью. Одно из средств ее достижения – языковая игра.

Для детей игра – это способ познать окружающий мир, найти в нем свое место, «репетиция» будущих социальных ролей. Игра близка сознанию ребенка, особенно дошкольников и младших школьников, так как они воспринимают жизнь через игру. Поэтому очевидно, что в текстах, и в рекламных в том числе, детей привлекает игра языковая, словесная.

Копирайтеры (создатели рекламных текстов) активно используют приемы языковой игры, учитывая специфику детского восприятия для достижения главной цели рекламы – привлечения внимания адресата к тому или иному виду товара или услуги и побуждение его сделать выбор в пользу рекламируемого товара или услуги.

Переход копирайтеров к тексту-игре — один из наиболее естественных способов создания интересного для ребенка-реципиента материала, стремление установить диалог, что так важно в работе с детской аудиторией. Благодаря игровым элементам текстовая ситуация выглядит по-новому, что, безусловно, важно для ребенка. Ведь новое связано с уходом от наскучивших формулировок, однообразия, легче поддается запоминанию.

В результате благодаря языковой игре формируется новая, преобразованная реальность. Ребенку всегда интересно уйти от реальности в сказку, создать свой мир, отличающийся от мира взрослых. В этой иной реальности царит языковая вседозволенность: полное отсутствие норм сочетаемости слов, нарушение стандартизированных моделей словообразования, морфологии и грамматики.

В частности, прибегая к языковой игре, копирайтеры активно, и порой довольно удачно, конструируют окказионализмы, которые создаются «на случай» и «для случая». Это очень важный элемент языковой игры, без которого не обходится составление современных рекламных текстов.

Самую многочисленную группу в рассматриваемых нами рекламных текстах для детей составляют так называемые лексические, или словообразовательные, окказионализмы. Рассмотрим несколько групп, которые нам удалось выделить по способам словообразования.

Способ суффиксального словообразования.

Суффиксация — наиболее универсальный способ словотворчества, который действует в различных сферах (в том числе и в рекламе).

1) «- *Что-то новенькое?*

- *А что это хрустит?*

- *Хрустяшки от «Растишки»! Хрусти на здоровье!»*

Образование существительного *хрустяшка* происходит по образцу слов *неваляшка*, *вкусняшка*, преобладающих в основном в детском лексиконе.

2) «*Juicy fruit. Цени сочняк!*».

Существительные с таким суффиксом характерны для речи молодежи, сравним с жаргонизмами *крутяк*, *точняк*. Появление такого слова в рекламе, несомненно, привлечет внимание целевой подростковой аудитории тем, что оно так близко их восприятию, с легкостью понимается и воспринимается как «родное».

3) «*Московский картофель. Включи похрустиста*».

Новое слово по морфологическим признакам напоминает существительное, обозначающее профессию, род деятельности человека. По примеру *автомобилист*, *специалист* «Включи похрустиста» может означать «стань тем, кто хрустит».

4) «*Лимонад «Краш». КРАШные апельсины: узнай сам!*»

Неологизм *крашный* фонетически созвучен с цветовым определителем зрелости фрукта - прилагательным *красный* и напоминает детское шепелявое произношение этого слова (учтен интерес целевой группы воздействия - детей). Также можно услышать созвучие с популярным жаргонизмом *классный*. Кроме того, графическое выделение названия компании - один из «плюсов» этого окказионализма.

5) «*Сникерсни в своем формате!*»

В качестве окказионального мотивирующего слова использовано название продукта. Примечательно, что рекламисты используют не нейтральные *съешь* или *перекуси*, а более сильное *сникерсни*, которое к тому же способствует повышению запоминаемости торговой марки [1].

6) «*Ммм, как шоколадно!*»

Наречие *шоколадно* образовано по весьма продуктивной модели от относительного прилагательного *шоколадный* с нарушением нормы словообразования наречий от качественных прилагательных. По такой же модели образовано наречие *хрустно* в рекламе тортов «Причуда».

Способ префиксального словообразования.

Исследуя материал, мы пришли к выводу, что префиксация как способ словообразования в чистом виде (без суффиксации) встречается редко, и все же можно выделить некоторые приставки, которые наиболее распространены в рекламных текстах.

Самой активной, по нашему мнению, является приставка *супер-*, при помощи которой в рекламных текстах создается огромное количество слов. Видимо, это связано с современной тенденцией к повышенной эмоциональности и экспрессивности.

Приставка *super-* сегодня несет в себе чаще положительное значение, выражая значение «сверх, над». И редко в современной речи можно услышать *суперплохо*, чаще *суперхорошо*. Это свойство и использует реклама, так как задача ее подразумевает «расхваливание» товара, превозношение его над другими товарами в линейке.

Отметим, что эта приставка способна «приклеиваться» практически к любому слову, будь то существительное или прилагательное, русское слово или иноязычное:

«**Супер - упаковка** — веселая тусовка! «M&M's».

«Получи свой **суперприз!**»

«Сникерс». **Суперпитательный батончик**».

«Встречайте! **Супергруппа** «Миль Попс!»»

Интерес вызывает слоган конфет «M&M's»: «**Супер-нупер перемена!**»

Образовано составное слово *супер-нупер* при помощи экспрессивного словообразовательного приема, который уже давно привлекает внимание исследователей, но по-разному ими называется: «фокус-покус прием», «повтор-отзвучие», «эхо-конструкция». Суть его заключается в том, что «какое-либо слово повторяется с изменением начального звука или группы звуков, например, «страсти-мордасти», «шашлык-машлык», «мастер-ломастер» [2].

Также в примерах рекламы для детей встречается иноязычная приставка *экстра-*, передаваемая латиницей:

«Игра «Угадай, кто «Extra» - это **extra-удовольствие!**»

«Угадай, кто «Extra» - масса новых лиц для **extra-игр**, смешные звуки для **extra-смеха** и таймер для **extra-веселья**. Играй!»

Если обратиться к словарю, то значение приставки объясняется так: «Экстра... - выходящий за пределы обычного» [3]. Опять же связано это со стремлением рекламы к усилению и выделению позитивных свойств рекламируемого объекта. Приставка *экстра-* по своему лексическому значению близка приставке *супер-*. А передача ее латиницей повторяет брендовое название товара в рекламном тексте, что сближает их и проводит параллель между ними.

Следует отметить, что приставка *экстра-* способна появляться и как самостоятельное слово. Хотя энциклопедический словарь очень точно определяет: «Экстра... - (от лат. extra - сверх - вне) приставка, означающая: сверх, вне, дополнительно» (4), примеры окказионального употребления этой лексемы встречаются, причем лексическое значение не меняется:

«Сделай **экстра!** «Твикс экстра».

Способ конфиксального словообразования.

Способ конфиксального словообразования, при котором слово образуется путем одновременного присоединения к основе суффикса и приставки, встречается в рекламных текстах довольно часто.

1) «А давайте **зашоколадим!** «Здрайверы». Шоколадное молоко».

Глагол *зашоколадить* образован от существительного *шоколад* при помощи частотного конфикса *за...ить*.

2) «Хрустят. Все будет **охрустенно!**»

«Хрустят. Живи **охрустенно!**»

По аналогии с конфиксальными жаргонизмами «обалденно, офигенно» и др. образован окказионализм *охрустенно*, который не только привлекает внимание своей необычностью, но и вызывает ассоциации с наименованием рекламируемого продукта.

Способ словосложения.

Для словообразовательной модели стяжения, смешения используется термин «контаминация» (С.Ж. Нухов, О.С. Ахманова, М.М. Маковский, Е.А. Земская). Термин восходит к латинскому «contaminatio», что означает «соединяю», «смешиваю». Так, в «Словаре лингви-

стических терминов» О.С. Ахмановой контаминация определяется как «взаимодействие языковых единиц, соприкасающихся либо в ассоциативном, либо в синтагматическом ряду, приводящее к их семантическому или формальному изменению или к образованию новой (третьей) языковой единицы» [5].

Чаще всего в результате стяжения возникает новая речевая единица, напоминающая по ряду признаков узуальное слово, но не идентичное с ним.

В рекламном словотворчестве этот способ образования слов также находит свое применение — используется для усиления выразительности рекламного сообщения. Рассмотрим некоторые примеры:

1) «*Frutissimo. Фруктоворот удовольствий*».

Возникшая контаминанта помогает рекламе донести до покупателя главную особенность товара - «разнообразие фруктов в одной упаковке»; добиться этого при помощи одного очень яркого слова и помогает контаминация.

2) «*Tusk. Хрустящий соленый снэк*».

Хрустящий и *тающий* – именно так на первый взгляд понимается это слово. Описание свойств рекламируемого снека, уместившееся в одно слово при помощи контаминации. Но если заглянуть в толковые словари, обнаружится, что *хрустящий* – причастие, образованное от глагола *хрустать* (Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова, Новый словарь русского языка под редакцией Т.Ф. Ефремовой). Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля так описывает значение этого слова: «ХРУСТАТЬ что, новг. вят. грызть, раскусывать, громко жамкать, жевать так, что хрустит, хрускать, хрупать пск.» [6]. Оказывается, что реклама использует диалектизм, который известен далеко не каждому носителю языка, в связи с этим реципиент для понимания делит незнакомое слово на части, на что и рассчитывают создатели рекламы.

3) «*Фруктастический вкус. Fruit-tella*».

Слово *фрукт* проникает в слово *фантастический* и вытесняет из последнего начальную часть. В результате получается окказионализм со значением «фантастически (или необыкновенно) фруктовый».

Также в рекламных текстах прослеживается следующая схема словосложения, или контаминации: уже известное, существующее в языке слово + слово-наименование рекламируемого товара.

1) *Займись спортом, собери здрайвосипед целиком! (подарки от «Здрайверов»)*.

В данном рекламном тексте произведена замена первой части слова *велосипед* названием рекламируемой марки, при этом значение слова легко угадывается, тем более, что окказионализм сопровождается визуальным рядом.

2) «*Если твиксоеды загнали Вас в угол и бежать некуда, не сдавайтесь! Атакуйте первыми!*»

Твиксоеды – соединение названия батончика «Твикс» и узуального корня -ед-, по модели слов *самоед, короед*. Значение угадывается легко – «любители батончика «Твикс».

3) «*Проведем экспериментос! «Ментос»*»

Модель сложения с усечением: *эксперимент* + «*Ментос*», усечение повторяющейся финали первого слова и начала второго *мент*.

Следует также сказать о таких рекламных окказионализмах, которые не используют узуальных корней, а образуются от названия рекламируемого предмета (имени собственного, часто иноязычного) при помощи стандартных словообразовательных аффиксов. Догадаться о смысле таких слов порой непросто, но так как реклама обычно указывает на положительные качества товара, то, вероятно, такие слова несут в себе только позитивную оценку:

«*Coca-Cola. Живи на кока-кольной стороне*».

«*Пепси. Пепсячного дня*».

«*Дирольно чисто и свежо. Дирол*».

Иногда же имена собственные, наименования рекламируемых товаров включаются в речь и без каких-либо изменений. В таких случаях окказиональной становится вся фраза целиком:

«Тюнс (леденцы). Сделай на Тюнс больше».

«Все будет Соса-Кола!»

Заметим, что некоторые окказионализмы могут прижиться в языке, утратив игровую сущность. Так, *сочняк, хрустяшки, шоколадно, хрустно, хрустающий* имеют право на существование и в других текстах. « В каждом языке ... существуют своего рода «потенциальные слова», т.е. слова, которых фактически нет, но которые могли быть, если бы этого захотела историческая случайность» [7].

Окказиональные же существительные *здрайвосипед, похрустист, твиксоед*, прилагательные *крашный, кока-кольный, пепсячный* и глагол в повелительном наклонении *сникерсни* более ограничены в сфере употребления, так как построены на названиях торговых марок. Подобные окказионализмы в тексте рекламы не только создают эффект эха и выполняют функцию рефрена, в трансформированном виде повторяя название марки, но и создают уникальный (а поэтому особенно притягательный) мир, попасть в который могут только потребители данного товара.

Библиографический список

1. Курганова Е.Б. Игровой аспект в современном рекламном тексте. Учебное пособие. Воронеж, 2004. С. 25.
2. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. - М.: Языки русской культуры, 1999. С. 168-169.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус.яз., 1987. С. 288.
4. Большой энциклопедический словарь (БЭС). URL: <http://www.slovopedia.com/2/221-16.html> (дата обращения 05.10.2012).
5. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. М.: Советская Энциклопедия, 1969. 358 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Спб., 1863-1866.
7. Винокур Г.О. Маяковский - новатор языка. М., 1943. С. 4.

References

1. Kurganov E.B. Aspect of the game in today's advertising text. Textbook. Voronezh, 2004. P.25.
2. Sannikov V.Z. Russian language in the mirror of the language game. Moscow: Languages of Russian Culture, 1999. P.168-169.
3. Odjegov S.I. Russian Dictionary. Moscow: Rus.yaz., 1987. P.288.
4. Great Encyclopaedic Dictionary. - <http://www.slovopedia.com/2/221-16.html>
5. Akhmanova O.S. Glossary of linguistic terms. 2nd ed. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1969.
6. Dal V.I. Explanatory Dictionary of the Russian Language: 4 volumes. Spb., 1863-1866.
7. Vinokur G.O. Mayakovsky - innovative language. Moscow, 1943. P.4.

УДК 811.161.1'27

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Кандидат филологических наук, ассистент
кафедры русского языка как иностранного
Мифтахова А.Н.
Россия. г. Казань, тел. +7(843)268-58-77;
e-mail: almiftahova@mail.ru*

*Kazan (Volga Region) Federal University
The chair of the Russian language as a foreign
language,
PhD, assistant lecturer Miftakhova A.N.
Russia, Kazan, tel. +7(843)268-58-77;
e-mail: almiftahova@mail.ru*

А.Н. Мифтахова

ОБЩИЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦА МУЖСКОГО ПОЛА В МУЖСКИХ ФОРУМАХ РУНЕТА

В данной статье рассматриваются особенности функционирования лексем, входящих в лексико-семантическую группу «Общие наименования лица мужского пола», на материале мужских форумов русскоязычного Интернета.

Ключевые слова: Интернет-дискурс, концепт, общие наименования лица мужского пола, мужские форумы, гендер.

A.N. Miftakhova

GENERAL NAMES OF THE MALE IN THE MAN'S FORUMS RUNET

The purpose of this article is to give analysis of the general names of the male in the Russian Man's Internet-forums.

Key words: Internet discourse, concept, words meaning males, male forums, gender.

В настоящее время Интернет является одним из самых популярных средств массовой коммуникации. Огромное количество веб-форумов, социальных сетей, чатов дает массу неограниченных возможностей для общения людей разного возраста, с различными интересами. Именно поэтому исследование Интернет-дискурса, в котором проявляется новая форма речи – «естественная и ситуативно обусловленная разговорная речь в ее письменном выражении» [2], представляет собой актуальную задачу для лингвистики.

В виртуальном мире образу современного мужчины в различных жизненных ситуациях посвящена большая часть обсуждаемых в форумах тем. Научный интерес вызывает репрезентация концепта МУЖЧИНА в виртуальном пространстве русскоязычного Интернет. Данную работу мы ограничиваем рассмотрением лексем, входящих в лексико-семантическую группу "Общие наименования лица мужского пола" на основании общего инвариантного значения «лицо, противоположное женщине по полу, мужчина» [3]. Материалом исследования послужили тексты мужских сообщений (2500) русскоязычных форумов Sexparod (501 310 пользователей), Форум волчат (25 889), Поговорим (15 948), Мужской клуб (12 002), Den.lv (11 338), MaxiChat (2 213).

Лексико-семантическая группа «Общие наименования лица мужского пола» представлена лексемами **мужчина** (755), **мужик** (591), **дядька** (11), **дядя** (10), **мужичок**, **мужчинка** (8), **дяденька** (4).

Всего 7 слов, 1387 апелляций. Хотя количество лексем невелико, большое количество словоупотреблений указывает на их актуальность для пользователей мужских форумов.

Как в количественном отношении, так и по функциональному статусу ключевыми среди указанных слов являются лексемы *мужчина* и *мужик*.

Наиболее часто встречается лексема **мужчина**. С данным словом в его основном значении связано представление о лице мужского пола, сильном, взрослом, отличающемся смелостью, умом, ответственностью, имеющем присутствие духа в опасности, душевную стойкость, уважающем семейные ценности. В форумах «портрет» *мужчины* наиболее подробно рассматривается в следующем сообщении:

«А если серьезно, мужчина – это тот, кто готов защищать родину и слабого, любить и приласкать женщину, наказать виноватого... ну и построить дом, посадить дерево, воспитать ребенка. Мужчина - это не просто гора мускулов, а человеческое существо, способное мыслить и принимать решения, брать ответственность на себя и спрашивать это с других. Может, ли мужчина быть слабым? Может только возле мамкиной груди».

Сравним с полученными А.В.Кирилиной данными о том, что русский мужчина видит себя в первую очередь умным, с широкий натурой/душой, добрым. Внешне – это сильный, крепкий, отличающийся выносливостью, не особенно следящий за внешностью человек. К положительным качествам характера мужчины относят: способность противостоять лишениям судьбы, твердость, непритязательность в быту, великодушие, патриотизм, способность целиком отдаться работе или празднику, удаля, терпение, ответственность [1]. В мужских форумах эти реакции сохраняются:

«Я – мужчина, поэтому, если сказал – то за свои слова отвечаю. И клясться мне нет нужды».

«Если мужчина знает, чего хочет, если верит и стремится – все получится».

По мнению пользователей Интернета, мужскими являются также характеристики, соотносимые с позициями власти и управления: стремление к лидерству, амбициозность, властность, ответственность, объективность, сила, умение принимать решения, ум, реализм. Мужчина подчеркивает свою роль как представителя сильного пола, стремится утвердить свое главенствующее положение в обществе, акцентируя внимание на умении зарабатывать деньги, обеспечивать семью и защищать, оберегать любимую женщину:

«Мужчина должен уметь зарабатывать деньги, чтобы дать возможность своей женщине почувствовать себя королевой».

«Мужчина - Хранитель дома, обеспечивающий семью, любящий семью и все делающий для родителей и семьи! ИМХО».

«Мужчина должен быть мужчиной. Опора, поддержка, защита – главное. А всего остального – у кого как».

Обращает на себя внимание тот факт, что в мужских форумах неоднократно подчеркивается большая искушенность мужского пола в вопросах секса. Настоящий мужчина должен обладать женщиной, чтобы укоренилось стереотипное представление о нем как о потребителе женской сексуальности. Женщина обязательно должна быть красивой, тогда усиливается степень признака мужественности. Это форма доказательства себе и другим: если я обладаю женщиной, значит, я не женщина [5], например:

«Я понял, что серьезные отношения построить можно, если после знакомства начать действовать как мужчина, т.е. постоянно проявляя сексуальный интерес в сторону избранницы».

«Да, мужчины – это мужчины, нам подавай красивых».

Положительные характеристики *мужчины* усиливают лексемы *настоящий* и *нормальный*, которые обозначают истинность признака:

«Настоящий мужчина всё делает правильно! Даже если это не так».

«Никогда не наступит тот момент, когда настоящий мужчина будет слабым».

«Для нормального мужчины чувство собственности естественно, наши инстинкты никуда от нас не денутся, и мужчина будет ревностно защищать и оберегать все, что он считает своим и все что дорого ему».

Сочетаясь с лексемами *каждый*, *ни один*, слово *мужчина* может реализовать признаки, относящиеся ко всем лицам мужского пола:

«Ни один мужчина не устоит перед соблазном женщины, которая его хочет».

«Каждый мужчина подсознательно пытается изменить свою вторую половинку под себя».

По результатам исследований реакций на стимул «русский мужчина» А.В. Кирилина отмечает, что мужчины признают в себе такие отрицательные черты, как буйный характер, жестокость, малодушие, нерешительность, бравирование грубой силой, бесшабашность. Кроме этого, мужчина имеет слабость к спиртному в силу стародавних традиций, «не дурак выпить»; и хотя он часто задавлен женщиной, может всегда вильнуть на сторону [1]. Но наблюдения за функционированием лексемы *мужчина* позволили установить, что за данным словом в мужском виртуальном мире закрепляются преимущественно положительные характеристики:

«Мужчина, настоящий мужчина никогда не поднимет руку на женщину».

«Мужчина должен быть настойчив, но не упрям. Мужчина должен любить и боготворить женщину, но не опускаться до уровня тряпки. Мужчина должен делать попытки к пониманию женщины, хотя это часто бывает очень сложно. Ну и т.д.».

Слово *мужик* в мужских форумах предстает как синоним *мужчины*. В настоящее время в речи представителей сильного пола не реализуются фиксируемые словарями негативные оттенки лексемы («мужик» – грубый, невоспитанный, невежественный человек), и слово приобретает положительную коннотативную окраску. Стереотипные характеристики современной российской маскулинности, с точки зрения мужчин, сочетаются в одной категории – *мужик*. В настоящее время самодостаточность, целостность мужского статуса отразились в оценке всего, что связано с «мужи́ком», как настоящего, полного, здорового, достигшего высшей степени развития. Отсюда – закрепление мужества, стойкости, выносливости, а главное – силы как признаков, маркирующих «му́жикский» статус [4]. Главным в определении мужского статуса является сила, под которой имеется в виду не только физическая сила, но и моральная, сексуальная, социальная (лидерство, право) [6]. С этой точки зрения *мужик* в мужских форумах прежде всего маркируется как человек, сексуально состоявшийся:

«Просто я умный нормальный мужик, перед которым не стоит вопрос, заниматься сексом или нет».

«Один говорил, что все мужики гуляют, всегда, поэтому он не исключение».

«Обойтись мужик может без чего угодно... на то он и мужик, а вот женщина есть неотъемлемая часть его бытия».

Главенство в семье и выполнение связанных с этим экономических и идеологических обязанностей – один из важных мужских признаков [4]. Поэтому в форумах *мужик* – это настоящий глава семьи, добытчик, хозяин жизни:

«Мужик должен делать предложение однозначно, он же должен быть главой семьи. Мужик на то и мужик, чтобы зарабатывать и обеспечивать семью и чтоб она ни в чем не нуждалась, когда у меня будет жена, я не дам ей работать, пусть занимается собой, детьми, домом, я же мужик».

«Как представитель мужского пола категорически считаю, что больше должен зарабатывать мужик. Иначе она на нем ездить будет».

Перед *мужи́ком* открыты все дороги, и для него нет ничего запретного или сложного. Он является воплощением ума, ответственности, справедливости, силы, основательности, внешность для него не важна:

«Мужик должен быть сильным, решительным, смелым. То есть нормальным мужиком в хорошем смысле слова. А внешность не главное».

Если слово употребляется в качестве обращения, то максимально актуализируется лексикографически не зафиксированный положительный смысл «надежный», «свой». Лексема *мужик* является универсальным кодом для вхождения в мужской коллектив, ключом к коммуникации среди мужчин. Как считает О. Шабурова, всякое закрытое мужское пространство строится на такой коммуникативной интонации, вне зависимости от сфер. Во всех экстремальных ситуациях мужской жизни это обращение является универсальным культурным кодом [5]:

«Спасибо, мужики, сегодня попробую куда-нибудь пригласить её».

«Мужики, прошу вашего совета».

В Интернет много внимания уделяется обсуждению образа *мужчины* и *мужика*. *Мужчина* и *мужик* для пользователей мужского пола выступают своего рода синонимами, но часто за словом *мужчина* закрепляется значение «человек мужского пола», не обладающий какими-либо характеристиками, тогда как *мужик* – воплощение лучших мужских качеств, например:

«Мужик – это высшая эволюционная стадия мужчины, внизу которой стоит трепло, слабак и тряпка. Каждый з...ец мечтает стать настоящим мужиком, ведь они деликатны и бескомпромиссны, суровы и свирепы, жестоки и беспощадны».

«Мужчина – это особь мужского пола, а мужик – тот, на кого можно положиться, основательный, хозяйственный, крепко стоящий на ногах, человек твердых жизненных позиций. Мужик – это тот, кто уже хоть чего-то добился в жизни и имеет какие-то определенные принципы».

«Мужчина – это нечто вроде обращения. То есть в возрастании по возрасту идет: мальчик – молодой человек – мужчина. А мужик – это уважительное. У нас на поверкеержант всегда говорил: «Надо быть мужиком. Девки любят настоящих мужиков, а не ту квашню, что я вижу перед собой».

Слово *мужичок* имеет уменьшительно-ласкательный оттенок и употребляется в значении «мужчина вообще»:

«Знаю одного мужичка такого крепкого, который в финальные соревнования по борьбе вышел».

С отрицательным коннотативным значением данное слово в сообщениях мужчин не зафиксировано.

Лексема *мужчинка* в языке мужских форумов употребляется с целью показать несоответствие лица мужского пола эталону мужественности и этим самым его принизить, например:

«Прекращая принимать решения самостоятельно – перестаешь быть мужчиной и становишься мужчинкой».

Слова *дядя*, *дядька*, *дяденька* образуют синонимичный ряд и обозначают взрослого мужчину. Интересен тот факт, что существительные *дядя* и *дяденька* употребляются в основном с оттенком иронии, когда субъектом речи выступает взрослый представитель мужского пола:

«Мы с тобой взрослые дядя и тетя и прекрасно понимаем, что для сходить налево далеко и надолго ездить не надо».

«А вы, правда, дяденька честный? А то последний раз, как я еврейке одной доверился, так до сих пор по уши в нее ... влюблен».

«Девочки тянутся ко мне, ко взрослому дяденьке».

«Какой вы дяденька серьезный, однако».

Слово *дядька* может характеризоваться как положительной, так и отрицательной оценкой. Лексема в мужских сообщениях может употребляться в значении «взрослый мужчина вообще», когда речь идет о незнакомом человеке:

«Иностраный дядька строит тут завод, который нам же свою продукцию и продает».

«Да ладно, не парься. Некоторые дядьки вообще лет до 50 пешком ходят, потом одумываются, что машина нужна... и потом за руль боятся садиться...был у нас в автошколе один такой дядя...45 лет, а за руль боялся садиться, как будто его за самолет сажают».

Также данное слово употребляется с оттенком иронии, если акцентируется внимание на таких качествах, как «большой рост», «крупное телосложение»:

«Я бы этому большому толстому дядьке с большими ушами уши-то пооткручивал».

Иногда лексемы дядя и дядька могут выступать в качестве обращения:

«Читай молча, дядя».

«Дядя, а чего не по-русски пишешь?»

«Дядька, не заставляй тебя пацаном называть – ведешь себя как капризный ребенок».

Таким образом, данная лексико-семантическая группа детально представлена в мужских форумах, что свидетельствует о наличии у носителей языка широкого и точного представления о человеке мужского пола.

Библиографический список

1. Кирилина А.В. Гендерные компоненты этнических представлений (по результатам пилотажного исследования) // Гендерный фактор в языке и коммуникации. Иваново, 1999. С. 46 – 53.
2. Кондрашов П.Е. Компьютерный дискурс, социолингвистический аспект: Дис. ...канд. филол. наук. Краснодар, 2004. 181 с.
3. Малый академический словарь - словарь русского языка в 4 т. / под. ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1999. 463 с.
4. Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре: иллюстрированная энциклопедия / Д.А.Баранов, О.Г.Баранова, Т.А.Зими́на и др. СПб.: Искусство, 2005. 688 с.
5. Шабурова О. Мужик не суетится или пиво с характером // О муже(N)ственности: сб.ст. / сост. С. А. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С.532 – 555.
6. Щепанская Т.Б. Сила (коммуникативные и репродуктивные аспекты мужской магии) // Мужской сборник. Мужчина в традиционной культуре. Социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор / сост. И.А. Морозов, отв. ред. С.П. Бушкевич. М.: Лабиринт, 2001. Вып. 1. С. 71 – 94.

References

1. Kirilina A.V. Gender components of ethnic representations (by results of flight research) // The Gender factor in language and communication. Ivanovo, 1999. P. 46-53.
2. Kondrashov P.E. Computer discourse, sotsiolingvistichesky aspect. Krasnodar, 2004. 181p.
3. The small Academy dictionary - Russian dictionary in 4 t. / under A.P.Evgenyeva's edition. M: Russian language, 1999. 463 p.
4. Men and women. Man's and female in Russian traditional culture: illustrated encyclopedia / D.A.Baranov, O.G.Baranova, T.A.Zimina, etc. SPb.: Art, 2005. 688 p.
5. Shaburova O. Man doesn't fuss or beer with character // О муже(N)ственности/ composer S.A.Ushakin. M: New literary review, 2002. P. 532-555.
6. Shchepanskaya T.B. Force (communicative and reproductive aspects of man's magic) //Man's collection. The man in traditional culture. Social and professional statuses and roles. Force and power. Man's attributes and behavior forms. Man's folklore / composer I.A.Morozov, edition S. P. Bushkevich. M: Labyrinth, 2001. Vyp. 1. P. 71-94.

УДК 82.56

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка и методики преподавания Мурзина Н.Ю.
Россия. г. Казань, тел. +79274208175;
e-mail: italmas-85@mail.ru

Kazan (Volga Region) Federal University
The chair of the Russian language and teaching technique, PhD, assistant lecturer
Murzina N.Y.
Russia, Kazan, tel. +79274208175;
e-mail: italmas-85@mail.ru

Н.Ю. Мурзина

СПОСОБЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ НА СТРАНИЦАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ

Данная статья посвящена изучению сравнительных конструкций на материале региональной прессы. Особое внимание уделяется окказиональным и индивидуально-авторским сравнительным конструкциям как средству создания выразительности в публицистике.

Ключевые слова: сравнение, объект, эталон, сравнительные конструкции в публицистике, окказиональные конструкции.

N.Y. Murzina

THE WAYS OF TRANSFORMATION OF COMPARATIVE CONSTRUCTIONS ON PAGES OF REGIONAL MASS MEDIA

This article is devoted to studying of comparative constructions on a material of the regional press. The particular attention is given to the occasional and individual author's comparative constructions as a means for expressiveness in journalism.

Keywords: comparison, object, standard and foundation of comparison, comparative constructions in publicistic texts, occasional constructions.

Одним из ведущих методологических принципов в современной лингвистике является антропоцентризм, который выводит на первый план человека. По определению Е.С. Кубряковой, антропоцентризм как особый тип исследования заключается в том, что научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функции для развития человеческой личности и ее усовершенствования. Человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений [4].

Язык — это зеркало окружающего мира, он отражает действительность и создает свою картину мира, специфичную и уникальную для каждого языка и, соответственно, для речевого коллектива, пользующегося данным языком. Разные народы видят мир под своим углом зрения, в призме национального понимания. Для полиэтнической среды, диалога культур характерна стереоскопичность зрения, объемность мышления. Таким образом, можно говорить об обогащении и полифонии русской модели мира, выражаемой в языке, в условиях полиэтнической среды.

Языковая картина мира находит свое отражение в первую очередь в метафорах и сравнениях, являющихся одним из распространенных средств создания выразительности в публицистике.

В данной работе мы рассматриваем особенности сравнительных конструкций, используемых на страницах газет, которые издаются в Республике Татарстан.

Публицистический стиль речи представляет собой функциональную разновидность литературного языка и широко применяется в различных сферах общественной жизни: в газетах и журналах, на телевидении и радио, в публичных политических выступлениях, в деятельности партий и общественных объединений. Важнейшие функции публицистического стиля — это информативность и воздействие на реципиента. Информационная функция текстов, относящихся к этому стилю, состоит в том, что их авторы имеют целью информировать как можно более широкий круг читателей, зрителей, слушателей о значимых для общества проблемах и о взглядах авторов на эти проблемы.

Функция воздействия является для публицистического стиля системообразующей, так как именно она выделяет этот стиль среди других разновидностей литературного языка. Хотя эта функция характерна также для официально-делового и разговорного стиля, однако именно в публицистических текстах она активно влияет на отбор языковых средств. Язык газеты представляет собой сочетание элементов книжного и разговорного языка.

Языковая подвижность, проницаемость для новых явлений — одна из особенностей публицистического стиля. Язык СМИ находится под сильным влиянием разговорной речи, что в значительной степени обусловлено и ориентированностью на массовую аудиторию. Характерным является использование языковых средств, свойственных для сферы неофициального повседневного общения. В тех публицистических жанрах, где реализуется функция передачи авторской точки зрения на описываемые события, могут встречаться также разговорные, просторечные слова и выражения.

Современные журналисты для большей выразительности весьма часто обращаются к русской фразеологии, устойчивым сравнительным конструкциям. Причиной этого можно назвать их узнаваемость большинством реципиентов.

В некоторых случаях устойчивые выражения сознательно трансформируются в силу определенных причин. Такого рода употребление устойчивых выражений называется окказиональным. В этом случае устойчивое выражение претерпевает некоторые лексическое, семантическое или стилистическое видоизменение. Окказиональное выражение начинает восприниматься не как оригинальный авторский оборот речи, а именно как обновленный фразеологизм. Эффект высказывания строится на контрасте узуального и окказионального фразеологизмов.

Значение окказиональной единицы представляет собой сочетание индивидуально ощущаемых автором содержательных ассоциаций. Кроме того, она вбирает в себя особенности культуры, истории и менталитета носителей данного языка. Окказионализм привносит в семантику текста дополнительную фактуальную и концептуальную информацию, меняется (расширяется или сужается) объем информативности самой единицы.

Вслед за А.В. Куниным можно выделить 3 основных типа окказионального изменения исходной формы фразеологической единицы:

- вклинивание в состав фразеологических единиц слов, словосочетаний и предложений, но без изменения значения фразеологической единицы, а лишь его уточнения;
- добавление переменных компонентов к началу или концу фразеологической единицы без каких-либо других изменений лексического состава фразеологизмов;
- деформация различных типов с изменением лексического состава или структуры фразеологической единицы.

Примером конструкции, где имеет место окказиональное изменение устойчивого выражения, может служить следующее предложение, извлеченное из газеты «Вечерняя Казань» за 2005 г.: *Первой на нее пожаловалась болгарка Катерина Малеева в 1992 г., заявив судье, что Селеш «орет, как резаная свинья».* Сравнение «орать как резаный» отмечено в словаре сравнений К.С. Горбачевича в ряду таких, как «орать как оглашенный, как на базаре, как на мальчика» и имеет значение «громко кричать, браниться». В рассматриваемом нами примере добавлен новый компонент «свинья». Отметим, что добавки, соотносимые с метафорическим

фреймом (человек-животное, растение), несут в себе в той или иной степени оценку. В данном примере сравнение несет в себе негативную оценку.

В следующем примере из газеты «Молодежь Татарстана» за 2007 г. также имеет место вклинивание дополнительной лексемы: *Мы словно спустились с небес на грешную землю*. Сравнение также передает психическое состояние человека, состояние разочарования. Автор вклинивает в модель фразеологизма новую лексему «грешную», тем самым усиливает образность сравнительной конструкции. Кроме того, использование данного прилагательного усиливает оппозицию «небо – земля». Использование союза ирреальной модальности привносит в предложение дополнительную образность.

Очень интересным представляется использование в качестве заголовка к статье об автомобильном наезде на ворота в газете «Восточный экспресс» за 2008 г. сравнительной конструкции *«Как таран на новые ворота»*. Здесь вполне прозрачно авторское преобразование фразеологизма «смотреть как баран на новые ворота». Традиционное, отмеченное в словарях сравнение имеет значение «смотреть тупо – непонимающе» – характеристика поведения и свойства лица одновременно, хотя ситуативного, а не постоянного. В данном же случае, благодаря замене лексического состава, окказиональное выражение особым образом прогнозирует содержание статьи, что может быть воспринято в буквальном смысле, а использование фразеологической модели привносит комический эффект.

В примере, извлеченном из газеты «Восточный экспресс» за 2008 г., *На праздник как на работу*, легко угадывается конструкция **на работу как на праздник**. Иная лексическая наполняемость фразеологической модели также ведет к возникновению комического эффекта.

На страницах той же газеты нами отмечен и следующий пример: *На ногах, как на крыльях!* («Восточный экспресс» 2008 г.). Данная сравнительная конструкция является окказиональным преобразованием выражения «летать, словно на крыльях», имеющего семантику «хорошее самочувствие» – состояние окрыленности, ощущение радости, легкости. Эта конструкция отмечена в словаре в ряду таких, как *парить как орел, радоваться как ребенок* [2]. Изменение лексической наполняемости фразеологической единицы (пропущено основание сравнения «летать», зато присутствует лексема «на ногах», которая конкретизирует значение окказионализма) ведет к сужению ее значения. Данный пример является заголовком к статье о варикозе и включает в себе имплицитно содержание статьи. Автор, используя фразеологическую модель и наполняя ее новым содержанием, рассчитывает на интуицию читателей.

В сравнении *Здесь вкалывают, как папа Карло* (статья про Дом Кукол в газете «Восточный экспресс» за 2008 г.), имеет место сравнение артистов театра, а точнее, их деятельности со сказочным персонажем (папа Карло – в качестве эталона сравнения выступает прецедентное имя), что помогает ярче представить изображаемую картину. Именно апелляция к опыту читателей при сравнении делает информацию, представленную в газетной статье, более доступной для понимания широкого круга людей. В данном случае можно также говорить об окказиональном преобразовании фразеологизма. В рассмотренном выше примере происходит изменение лексической наполняемости фразеологизма **пахать как лошадь**. Обращение в качестве эталона к прецедентному имени (папа Карло) и использование его в сочетании с глаголом вкалывать, имеющим разговорную окраску, привносит дополнительную образность в сравнительную конструкцию. Кроме того, данная конструкция является заголовком к статье о кукольном театре. Прецедентное имя «папа Карло» предвосхищает содержание статьи. Таким образом, сравнительная конструкция не только привносит яркость, образность, но и выполняет функцию прогнозирования содержания дальнейшего контекста.

В следующем примере из газеты «Молодежь Татарстана» за 2007 г. имеет место замена одного из компонентов устойчивого сравнения: *Но никто ничего ждать не собирался, молодожены думали, что их чувства прочны, как цемент*. В словаре сравнений отмечены следующие сравнительные обороты: «прочный, как из стали, бетона, железобетона, как камен-

ный» [1]. Автор по аналогии заменяет один из компонентов - «как цемент». В связи с этим сравнение получает новизну и выразительность.

Интересным представляется пример, извлеченный из газеты «Жизнь» за 2009 г.: *Но тоска от этого не меньше. Она как змея, которая грызет сердце, отравляя душу.* В данном примере угадывается сравнение *точить как червь* (или как вариант - *точить как ржа железа*). Употребленное в предложении сравнение является окказиональным преобразованием именно этого сравнительного оборота. Отвлеченное понятие сравнивается с животным, таким образом, ситуация представляется читателю более наглядно и реалистично. Создается иллюзия реальности. Читательское внимание заостряется и в силу того, что окказиональное выражение вызывает и определенные фоновые знания, тем самым активизируя мыслительную деятельность реципиента.

В ходе нашего исследования, кроме различного рода трансформаций устойчивых сравнительных конструкций, мы выявили и многочисленные яркие индивидуально-авторские сравнения. Очень интересным представляется следующий пример, представленный в газете «Вечерняя Казань» за 2005 г.: *Но уходит недалеко: старики снова обтекают его кругом — тесно, телом к телу. Так брызги ртути, разбитые на миг, стремятся вновь слиться в цельную каплю, в которой они чувствуют себя непобедимой металлической силой.* Перед нами своеобразный текст-сравнение. Развернутое сравнение создает очень яркий образ. Примечательно то, что данное сравнение используется в тексте о политических событиях. Порой человеку, несведущему в той или иной области, трудно разобраться в разного рода терминах, и в силу этого текст не представляет для него интереса. Используя в своей статье сравнение, понятное широкому кругу читателей, автор обеспечивает интерес к предмету речи.

В примере, извлеченном нами из газеты «Восточный экспресс» за 2008 г., мы видим обращение к прецедентному имени в качестве эталона сравнения: *Средь шумного бала, словно шекспировский король Ричард, взывал к людям состоятельный поклонник, требуя, правда, не «коня, полцарства за коня!», а просто обещал любые(!) деньги за фотографии с концерта.*

Объектом сравнения в данном примере является «поклонник», эталон — «шекспировский король Ричард», прецедентное имя. Основанием сравнения является глагол «взывал», обозначающий поведение человека. Данное сравнение выражает физическое состояние на фоне психического. Использование прецедентного имени привносит дополнительную образность, и в то же время требует от читателя знания некоторых культурных реалий, ценностей, хотя сама по себе образность сравнений — качество, заложенное в них генетически, а экспрессия сравнений основывается на яркости и индивидуальности, зримости и актуальности образов, лежащих в их основе.

Использование в качестве эталона сравнения прецедентных имен, имен или фамилий людей искусства, кумиров широкого круга читающей аудитории, является часто встречающимся приемом. В газете «Вечерняя Казань» за 2005 г.: *Он, бедный, Салавату все завидовал, а теперь — сам как Салават. Две дочери и сын теперь у него, как у Салавата* (об Айдаре Галимове – певце татарской эстрады) один деятель искусства сравнивается с другим. Татарский певец Салават является кумиром многих жителей нашей республики и, соответственно, представляет собой для них некий эталон, образец для подражания. Автор отражает в статье народное мнение.

В силу некоторых исторических и политических событий в значении некоторых имен собственных и нарицательных начинает ярко выделяться положительная или отрицательная семантика. Примером может служить предложение со страниц газеты «Вечерняя Казань» за 2005 г.: *Что же вы делаете, вы что, как чеченцы, вы же нормальные ребята* (статья о допросе обвиняемой). Сравнение «как чеченцы» в данном контексте обладает резкой отрицательной семантикой. Автор рассказывает о допросе обвиняемой и жестоких, бесчеловечных методах, применяемых при этом. В основе этого сравнения, как нам представляется, эмоциональное воздействие на реципиента, являющееся возможным в силу имевших место в исто-

рии страны событий. Апелляция к знаниям читателя является основной составляющей использования данного сравнения.

Неожиданные сопоставления особенно экспрессивны. Причем иногда сравнения позволяют не только представить ситуацию наглядно, сделать ее доступной для читателя, но и передают ту или иную оценку предмета речи автором. Например, автор статьи в газете «Восточный экспресс» за 2007 г. сравнивает женщину с книгой, с предметом: *Я сравнивал «жен» с тремя недописанными романами, авторы которых, утратив интерес к своему замыслу, переключились на что-то другое. Я же, как проезжий сочинитель, вписывал всего лишь отдельную главу, заметно выбивающуюся по стилю из контекста.* Говоря о женщине как о чем-то неодушевленном, автор передает иронию. Здесь вполне ощутимо проявляется стереотипное представление восточного мужчины о некотором своем превосходстве над женщиной.

Сравнительная конструкция, используемая в следующем предложении из газеты «Казанские ведомости» за 2009 г., привлекает своей оригинальностью: *Его длинные, как юдинский мост, смуглые пальцы так ласково перебирают струны гитары.* Пальцы человека сравниваются с мостом. Для характеристики внешности привлекается местная реалия, а точнее, мост, находящийся в населенном пункте Юдино. Так как газета, в которой была напечатана эта статья, издается в Татарстане и Юдино находится на территории этой республики, можем предположить, что использование именно этого сравнения является довольно актуальным. Читателям, обладающим необходимыми знаниями для понимания данной сравнительной конструкции, намного легче представить ярко изображаемую автором картину.

Это, конечно, далеко не полный перечень трансформаций устойчивых выражений и авторских интонаций. Новое время, влияние нового культурного пространства создает новые, оригинальные сравнения, которые еще не отмечены словарями. Но, на наш взгляд, семантическая и формальная трансформация устойчивых выражений должна быть оправдана авторскими целями.

Библиографический список

1. Абдуллина А.Р. Контекстуальные трансформации фразеологических единиц в английском и русском языках: Автореф. дис. канд. филолог. наук. Казань, 2007. 22 с.
2. Горбачевич К.С. Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке: Около 1300 словарных статей. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 285 с.
3. Давлетбаева Д.Н. Фразеологическая окказиональность в английском и турецком языках: Автореф. дис. канд. филолог. наук. Казань, 2006. 24 с.
4. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине 20 века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20в. М., 1995. 95 с.

References

1. Abdullina A.R. Contextual transformations of phraseological units in English and Russian languages. Summury Cand. Phil. Sci. Kazan, 2007. 22 p.
2. Gorbachevich K.S. The dictionary of comparisons and comparative turns in Russian: About 1300 entries. M: JSC AST Publishing House. 2004. 285p.
3. Davletbayeva D.N. A phraseological occasionalism in English and Turkish languages. – Summury Cand. Phil. Sci. Kazan, 2006. 24p.
4. Kubryakova E.S. Evolution of linguistic ideas in the second half of the 20th century (experience of the paradigmatic analysis) // Language and science of the end of 20th century. M, 1995. 95p.

УДК 801.3=82(045/046):26

*Казанский (Поволжский) федеральный университет
Аспирант кафедры русского языка как иностранного Сатарова Л.И.
Россия, г. Казань, тел. +7(9534)12-17-51;
e-mail: ibragimovaluciya@mail.ru*

*Kazan (Volga Region) Federal University
The chair of Russian as foreign language,
postgraduate Satarova L.I.
Russia, Kazan, tel. +7(9534)12-17-51;
e-mail: ibragimovaluciya@mail.ru*

Л.И. Сатарова

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ РЕКЛАМЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

В статье анализируются ключевые метафорические модели, представленные в слоганах рекламы образовательных услуг. Данный анализ позволяет обозначить наиболее важные для потребителей свойства услуги, выявить особенности воздействия рекламы на целевую аудиторию, определить значимость метафор при создании рекламного текста.

Ключевые слова: метафорическая модель, слоган.

L.I. Satarova

METAPHORICAL MODELS OF EDUCATIONAL SERVICE ADVERTISING

The article deals with the key metaphorical models presented in educational service advertising. This analysis gives an opportunity to point the more important for consumer characteristics of service, find out the singularity of advertisement impact, appraise the significance of using metaphors in ad copy creating.

Key words: metaphorical model, slogan.

В современных условиях реклама не может существовать без новых креативных идей, так как основная ее задача – «продвижение в процессе жизненного цикла товара или услуги на потребительский рынок» [1] посредством привлечения внимания целевой аудитории.

Креатив в рекламе - специфические и оригинальные художественные, технические и психологические приемы, используемые с целью формирования и стимулирования спроса и продаж.

Одним из наиболее эффективных стилистических средств, используемых в рекламном сообщении, является метафора. Метафора - троп, представляющий собой перенесение свойств одного предмета (явления) на другой на основании признака, общего или сходного для обоих сопоставляемых членов [9]. Метафора – это не только прием выразительной речи, но и эффективное средство убеждения. Как экспрессивное языковое средство, метафора «удивляет своей необычностью, способствует преодолению пассивности восприятия, представляет информацию очень компактно, тем самым способствует ее лучшему запоминанию и усиливает воздействие» [6].

Метафора в рекламе - это скрытое сравнение товара (предмета) с каким-либо предметом (явлением) по одному или нескольким признакам. Отличительной чертой метафоры является содержание в ней лишь объекта сравнения, что значительно расширяет емкость, убедительность и выразительность образа-анalogии, который через рекламный текст увязывается с рекламируемым товаром [4].

Метафора часто рассматривается как познавательный процесс. Метафорическое значение имеет сложный характер и возникает в результате проведения целого комплекса процедур обработки знания. В когнитивном плане «...процесс метафоризации близок к модели рассуждения по аналогии, в основе которой лежит представление о передаче информации или знаний между двумя концептуальными областями или полями (domains): источником (source) и целью (target)» [2]. Метафора не должна быть абсолютно ясной и логичной. На самом деле лучшая метафора та, которая оставляет простор для подсознания. Это известный ход в рекламе для усиления влияния и эмоциональной глубины коммуникации [4].

Понятийная область (область источника когнитивной интерпретации метафоры) и ее элементы (смыслы и сочетания смыслов) образует метафорическую модель [3]. Метафора – полифункциональный объект, как считает И.М. Кобозева [7]. Обладая эстетической, активационной, познавательной и аргументативной функциями, в коммуникативной деятельности «метафора является важным средством воздействия на интеллект, чувства и волю адресата» [8]. Вполне естественно, что язык рекламы интенсивно использует это средство воздействия на потребителя.

Выделение метафорических моделей в слоганах рекламы образовательных услуг позволяет обозначить наиболее важные для потребителей свойства услуги, подвергнутые метафоризации, и проанализировать возможности их воздействия на адресата.

В слоганах рекламы образовательных услуг можно выделить аргументы в пользу выгоды от образовательной услуги и в пользу имиджа образовательного учреждения.

В качестве аргументов в пользу выгоды получаемого образования – успешной самореализации обучающегося (его успешного будущего, успешной карьеры) задействованы следующие метафорические модели.

Метафорическая модель «Образование – это путешествие» актуализирует смыслы развития, движения, достижения, благодаря полученному образованию: *Путь к успеху; Путь к успешной карьере; Путь в профессию; Путь к лучшему; Путевка в жизнь; Шаг в будущее*. Путешествие – это движение по заданной траектории, в образовании – к определенной намеченной цели: *Твой курс на успех; В правильном направлении*.

Отправляясь в путешествие, мы пользуемся определенным видом транспорта. Его выбор зависит от наших собственных предпочтений, финансов, места направления. Мировая сеть школ английского языка «Красный автобус», вызывая в сознании положительные ассоциации с родиной классического английского языка Англией, оживленными улицами Лондона и их знаменитыми красными даблдекерами на дорогах, привлекает слоганом: *Успейте на красный автобус возможностей выучить английский язык!* Автобус – общественный вид транспорта, поэтому этот образ намекает на приобретение не только знаний, но и новых знакомств, друзей. Ехать на автобусе довольно комфортно и безопасно, что метафорично говорит об использовании в данной лингвистической школе специальной методики обучения языку, которое не требует особых усилий, но в то же время дает хороший результат. Этот слоган содержит в себе также дополнительную информацию о возможности стажировки обучающихся в англоязычных странах, то есть это не только возможность выучить язык, но и увидеть мир.

Слоган *Удачный взлет* рисует в воображении образ самолета, символизирующий стремительность, восхождение, полет в воздухе – процесс достижения целей. Словосочетание подразумевает *взлет по карьерной лестнице* в будущем: выбор данного учебного заведения – хорошая перспектива для профессионального роста.

К вышесказанному добавим, что движение к успеху осмысливается через метафорическую модель «Образование – спорт». Спорт – неотъемлемая часть нашей жизни, и в связи с приближающейся универсиадой в Казани и Олимпиадой в Сочи слоганы с использованием слов, непосредственно относящихся к спорту, звучат ярко, злободневно, что значительно повышает их возможности быть замеченными, а это основная цель любого рекламного сообщения: *Образование, которое обеспечит Вам удачный старт карьерного роста; МЭСИ –*

успешный **старт**; РФЭИ – это **старт**; Лучший **старт** твоего образования!; Твой **гол** в будущее; **Защита** твоего будущего; **Прыжок** вверх; **Рывок** вперед. Образование, равно как и спорт, требует усилий, регулярных занятий для достижения хороших результатов. Возможно, изречения с использованием подобных метафор могут не вызвать интереса людей, не обладающих такими необходимыми для спорта (а значит, и образования) качествами, как сила воли, усердие, целеустремленность, и наоборот, привлечь внимание личностей, готовых к переменам, к движению вперед, которые хотят быть «быстрее, выше, сильнее».

Метафорическая модель «Образование – это инструмент» представляет образование как предмет, помогающий стать успешным: *Иностранные языки – ключ к успешному будущему в 21 веке!* Например, построенные по этой модели слоганы в рекламе лингвистического центра Brighton звучат поистине креативно, привлекают внимание образностью, вселяют надежду на возможность выучить иностранный язык до совершенства даже тем, кому изучение языков дается сложно: *Ручная шлифовальная машина Brighton доводит до блеска монументальное ржавое слово Deutsch; Скотчем Brighton скреплены ломаные буквы в слове English; Сухие деревья в виде слова Espanol расцветают, политые лейкой Brighton.*

Метафорическая модель «Образование – капитал» отражает мысль о том, что образование – это источник доходов в будущем. Капитал (по Т.Ф. Ефремовой) – это имущество, собственность, ценные бумаги, денежные средства и т.п., используемые для дальнейшего обогащения. Капитал в образовании – это знания, навыки, умения человека. Затраты на образование, усилия человека являются инвестициями, которые определяют успешность будущей карьеры, величину будущего дохода: *Инвестиция в свое образование; Инвестиция в будущее; Вклад в будущее.* Слоган *Залог* вашего процветания звучит как доказательство, свидетельство осуществления успеха в будущем.

Капитал может увеличиться за счет получения наследства. Наследство в образовании – это совокупность знаний, моральных и духовных ценностей: *Весь мир в наследство; Многолетний опыт, вековые традиции в наследство.* Слоган *Жемчужина* российского просвещения расширяет границы метафорической модели «Образование – капитал», сравнивая образовательное учреждение с драгоценным камнем, символизирующим совершенство, чистоту, добродетель. Необходимо отметить, что использование метафорической модели «Образование – капитал» подразумевает как материальное, так и духовное начало: от образования зависит материальное благополучие в будущем, и сам процесс обучения, а в дальнейшем работа по полученной профессии обогащают определенными нравственными, духовными ценностями, эмоциями, впечатлениями.

Выбирая профессию, мы готовимся к новому этапу в нашей жизни, к другим заботам, обязанностям. Эта мысль удачно воплощена в следующих слоганах: *Новая жизнь с новой профессией; Зарождение* нового тебя, где использована метафорическая модель «Образование – рождение».

Получая качественное образование, человек закладывает основу успешного будущего, поэтому в слоганах рекламы образовательных услуг применяется метафорическая модель «Образование – строительство»: *Фундамент* твоего будущего; *Построй* свое будущее.

Слоган *КГУТИ – азбука* твоего успеха! продолжает тему образование – основа успешного будущего. Азбука в переносном значении – это начальные, элементарные сведения, знания, основные, простейшие начала какой-нибудь науки, дела, без которых в процессе обучения не обойтись.

Вызывает интерес использование метафорической модели «Образование – игра». Игра возбуждает любопытство и желание включиться в нее. Образование в свою очередь тоже должно вызывать познавательный интерес у обучающегося. Процесс обучения, как и процесс игры, не должен быть скучным. Исходя из этого, создатели рекламы пытаются привлечь внимание адресата такими слоганами, как: *Шанс* на успех. Твой *счастливый случай*, *Счастливый билет* в будущее. Возникают ассоциации с игрой в рулетку, игрой в лотерею,

что не вызывает доверия. Эти рекламные изречения не дают гарантии, говорят лишь о вероятно

сти, возможности успеха. В данном случае можно сказать о несоблюдении главного правила метафорической технологии – «хорошее знание стереотипов, доминирующих в обществе, и использование только положительных ассоциаций в связи с рекламируемым товаром или услугой» [4]. В этом смысле слоган *И удача тебе улыбнется* звучит более положительно.

Метафорическая модель «Образование – стихия» указывает на то, что образование имеет большое значение в жизни человека и может повлиять на его профессиональное развитие в будущем. Слоган *КГУТИ - море знаний, океан возможностей!* обещает дать большое количество знаний, навыков и еще больше возможностей для самореализации в будущем.

Аргументы в пользу репутации образовательного учреждения, серьезности его намерений, надёжности, перспективности, богатого опыта и истории представлены в следующих метафорических моделях.

Метафорическая модель «Образовательное учреждение – это путешественник» наделяет учебное заведение смыслами прохождения большого, насыщенного, плодотворного пути, убеждает нас в его богатом опыте: *ММА прошла славный путь, обогатив отечественную и мировую науку многими открытиями, подарив родине десятки выдающихся ученых, воспитав тысячи врачей, преданных своему делу*; демонстрирует актуальность и современные тенденции образовательного учреждения: *ОмГАУ шагает в ногу со временем и в этом году предлагает своим абитуриентам две новые специальности; СИБИТ и СРШБ идут в ногу со временем и меняются вместе с ним*.

Метафорическая модель «Образовательное учреждение – это производство» говорит о стабильности, предсказуемости результатов, воспроизводимости, трудоёмкости процесса обучения: *Кузница министров, Кузница актерских кадров*.

Указанная метафорическая модель обнаруживает себя во взаимодействии «образовательное учреждение – обучающийся». А вот в паре «образовательное учреждение – образование (образовательная программа)» встречается метафорическая модель «Образовательное учреждение – колыбель»: *Московский государственный университет леса – колыбель лесотехнического образования*. Переносное значение слова колыбель (по Т.Ф. Ефремовой) - место возникновения, зарождения чего-либо. Это позволяет судить о том, что именно в этом вузе берет начало развитие лесотехнического образования.

В слогане *КГТУ – наследник богатых традиций* под наследником подразумевается учебное заведение, обладающее опытом, традициями, которые преумножаются из года в год, в отличие от слогана: *Весь мир в наследство*, где получателем наследства является обучающийся, который переняв большой опыт, вековые традиции, продолжит их в своей работе.

Выявленные метафорические модели представляются актуальными и продуктивными для рекламного дискурса в сфере образовательных услуг. Практически все они обладают позитивной оценочностью, что типично для текстов рекламы. Так, например, в рекламе образовательных услуг не выявлено функционирование метафор, обладающих агрессивным прагматическим потенциалом (сфера-источник «Война»), и метафор, демонстрирующих отступление от нормального порядка вещей (сфера-источник «Медицина»). «В рекламном тексте метафора актуализирует только нужные рекламодателю признаки товара, услуги, их достоинства, при этом «забываются» другие сомнительные качества товара, затрудняя тем самым возможность объективной оценки» [6].

Метафора является управляющим инструментом в рекламе, ответственным за поведенческие стереотипы для потребителей. При помощи метафоры «легче навязать», «легче усыпить бдительность» адресата и таким образом достичь желаемого результата. Раскрытие метафорического потенциала слоганов позволяет выявить особенности воздействия рекламы на сознание адресата, а также определить огромную значимость метафор при создании рекламного текста.

Библиографический список

1. Асеева Е.Н., Асеев П.В. Рекламная кампания. М.: Приор Стрикс, 1997. 112 с.
2. Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991. С. 184-193.
3. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994. 351с.
4. Елина Е. Семиотика рекламы. URL: [kvartet.net>content](http://kvartet.net/content).
5. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь// mirslouvrei.com.
6. Зирка В.В. Манипулятивные игры в рекламе: лингвистический аспект: монография. Днепропетровск: ДНУ, 2004. 294 с.
7. Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология, 2001. № 6. С. 136-137.
8. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург, 2001, 328с. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm>.- 2001.
9. Энциклопедия русского языка. СПб, 2000. URL: dic.academic.ru.

References

1. Aseeva E.N., Aseev P.V. Advertising campaign. M.: Prior Striks, 1997. 112p.
2. Baranov A.N. Scetches on cognitive theory of metaphor // Baranov A.N., Karaulov Yu.N. Russian politic metaphor (materials to dictionary). M., 1991. P. 184-193.
3. Baranov A.N., Karaulov Yu.N. Dictionary of Russian politic metaphors. M., 1994. 351 p.
4. Elina E. Advertising Semiotics. URL: [kvartet.net>content](http://kvartet.net/content).
5. Efremova T.F. Defining dictionary. URL: mirslouvrei.com.
6. Zirka V.V. Manipulative promotional games: linguistics aspect: monograph. Dnepropetrovsk: DNU, 2004. 294 p.
7. Kobozeva I.M. Semantic problems of politic metaphor»s analysis // The Bulletin of Moscow University. Part 9, Philology, 2001. № 6. P. 136-137.
8. Chudinov A.P. Russia in metaphorical mirror: cognitive research of politic metaphor. Екатеринбург, 2001, – 328 p. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm>.- 2001.
9. Encyclopedia of Russian language. SPb, 2000. URL: dic.academic.ru.

УДК 801.3

*Астраханский государственный университет
Аспирант кафедры современного русского языка Фирсова М.А.
Россия, г. Астрахань, тел. 8-908-616-53-50
e-mail: filfak.er@mail.ru*

*Astrakhan State University
The chair of modern Russian language,
postgraduate Firsova M.A.
Russia, Astrakhan, tel. 8-908-616-53-50
e-mail: filfak.er@mail.ru*

М.А. Фирсова

**ЯЗЫКОВАЯ АГРЕССИЯ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ
РЕЧЕВОГО ИМИДЖА МИХАИЛА ЛЕОНТЬЕВА**

В статье рассматриваются особенности речевого имиджа тележурналиста Леонтьева с точки зрения употребления языковой агрессии. Языковой материал классифицируется по параметрам, формирующим агрессивный речевой имидж. Делается вывод о том, что языковая агрессия – многоаспектное явление.

Ключевые слова: языковая агрессия, речевой имидж, просторечие, жаргонные слова и выражения, лексика с негативной семантикой, ирония, параметры языковой агрессии.

M.A. Firsova

LANGUAGE AGGRESSION AS A SPECIFIC ELEMENT OF SPEECH IMAGE OF MIKHAIL LEONTYEV

The article discusses the features of the speech image journalist Leontyev in terms of language use aggression. Language material is classified according to the parameters shaping the image of an aggressive voice. In conclusion author says language aggression - a multidimensional phenomenon.

Key words: language aggression, verbal image, colloquialisms, slang words and expressions, vocabulary with negative semantics, irony, language settings aggression.

Распространение и популяризация такого явления, как языковая агрессия, обусловлены либерализацией общественных отношений, демократизацией русского литературного языка и современными изменениями в масс-медийном дискурсе. Чувство вседозволенности адресантов (теле-, радио-, Интернет-журналистов), подкрепленное желанием быть замеченным и остаться в памяти реципиентов, сделало языковую агрессию распространенным средством воздействия и влияния на адресата у масс-медийных персон. Журналист прибегает к использованию различных субжанров языковой агрессии, случайно или намеренно «может исказить картину мира адресата, негативно воздействовать на его языковой вкус, спровоцировать ответную агрессию» [1]. По мнению А. Васильева, телевизионная передача – это эффективная форма пропаганды идей, способная одновременно воздействовать на многомиллионную аудиторию и склонять ее к принятию определенных решений [2].

Языковая агрессия активно используется для создания речевого имиджа журналиста. Слово «имидж», прочно вошедшее в российское сознание, ассоциируется прежде всего с искусственно сформированным образом кого-либо или чего-либо, например, политика, журналиста или фирмы. Понятие речевого имиджа связано с речевой стратегией (тактикой) речевого поведения.

Феномен речевой стратегии связан с целеустановкой и мотивацией говорящего, которые направлены на достижение результата, связанного с дальнейшим речевым и экстраречевым поведением реципиента. С помощью той или иной стратегии адресант имеет возможность воздействовать на принятие решений воспринимающего сообщение, побудить партнера по коммуникации начать, изменить, закончить какую-либо деятельность. Следовательно, речевым имиджем можно назвать особое речевое поведение индивидуума, сформированное под воздействием социальной среды либо сознательно, отвечающее основным законам речевого общения (интеракции) и соотносимое со структурой и характером языковой личности.

Немаловажной составляющей масс-медийного имиджа является такое понятие, как самопрезентация журналиста – способность подавать себя, привлекая внимание к своей личности. Создаваемый с помощью самопрезентации телеимидж – явление многогранное, так как, с одной стороны, существует имидж конкретного журналиста, с другой – имидж телепередачи и, наконец, имидж всего телеканала.

Пожалуй, примером такого единства в аспекте существования телеимиджа является известная медийная персона современного российского телепространства – Михаил Леонтьев, автор и ведущий аналитической программы «Однако» на федеральном канале (Первый канал). Авторитетный тележурналист, публицист, автор многочисленных телепроектов, Леонтьев зарекомендовал себя в качестве самобытного эксперта в области внешней и внутренней политики России. Его аналитическая программа по хронометражу не превышает 10-15 минут, но успевает охватить самые злободневные темы и актуальные события, происходящие в

мире. Нами был проведен анализ выпусков передачи «Однако» с декабря 2010 года по февраль 2012 года с учетом того, что передача не выходила в эфир в июле и январе 2011 года.

Анализ 63 выпусков передачи «Однако» позволил сделать вывод о том, что агрессивный речевой имидж Михаила Леонтьева формируется посредством использования различных видов языковой агрессии и обращением тележурналиста к низкому социальному имиджу, который в основном характеризуется наличием в речи арготизмов, просторечий, жаргонизмов, иронии и других приемов. Следует подчеркнуть, что анализу подверглась речь ведущего, а именно так называемые «подводки» к аналитической информации, которую озвучивает голос за кадром.

В результате исследования были получены следующие результаты: речевой имидж тележурналиста Леонтьева формируют пять основных параметров языковой агрессии: лексика с негативной окраской; жаргонные слова и выражения; ирония; просторечная лексика; разговорная лексика.

Автор прибегает к указанным параметрам языковой агрессии сознательно, что подтверждается подготовленностью текстов и выстраиванием оригинальных (авторских) текстов по определенной, заранее продуманной модели. Особенность авторского комментария М. Леонтьева – умение видеть перед собой не камеру, а живого человека, заинтересованного слушателя. Комментатор, в отличие от ведущего, позволяет себе большую эмоциональность, ведь его цель – выражение собственного мнения.

Процентное соотношение параметров, формирующих речевой имидж Леонтьева, распределилось следующим образом: лексика с негативной окраской – 46,33 %, жаргонные слова и выражения – 15,11 %, ирония – 27,20 %, разговорная лексика – 19,14 %, просторечия – 31,22 % (рис.1).

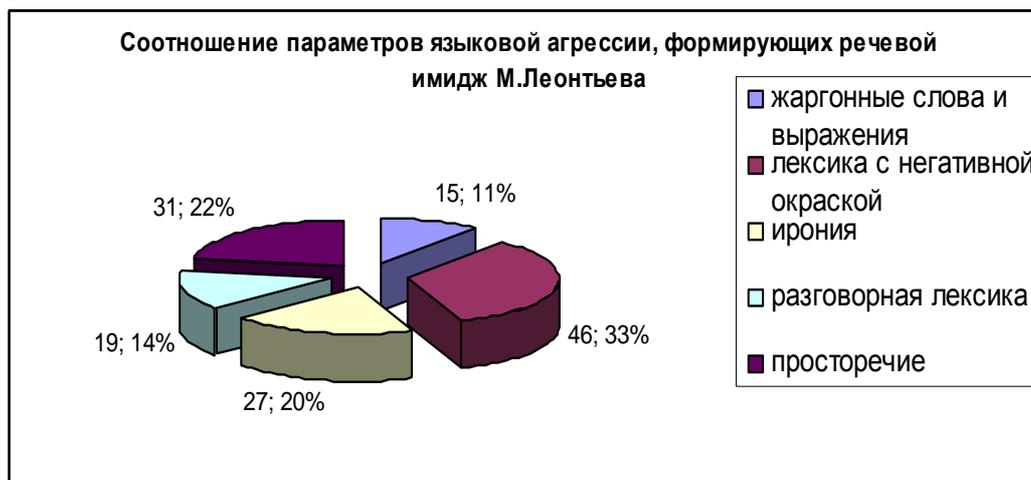

Рис. 1

Из диаграммы видно, что на первом месте по частотности употребления параметров языковой агрессии стоит лексика с негативной окраской. Рассмотрим на примерах, как функционирует данная лексика в речи тележурналиста: «*Запрет на торговлю табаком в киосках – это **дикий удар** по мелкорозничному бизнесу и абсолютно **наглое лоббирование** интересов крупных торговых сетей. Что сразу **с ушами выдает** мотивы авторов*». В данном примере автор негативно оценивает запрет на торговлю табачными изделиями, называя его «диким ударом» и указывает на необъективную поддержку табачной отрасли, а также заинтересованность авторов, что «с ушами выдает» их мотивы. Кроме негативной оценки, в данном примере находим трансформированную фразеологическую единицу (ФЕ) *с ушами выдает*, образованную на основе кодифицированной косвенно-производной единицы *выдавать с головой* (разг.) – «делать явным, обнаруживать причастность кого-либо к чему-либо». В продолжение табачной темы автор замеча-

ет: «Странно, что еще не объявлен отстрел курильщиков, как бродячих собак. Некоторые места из проекта вообще напоминают записки из "желтого дома"». Автор отстаивает права курильщиков, намеренно сравнивая их с собаками, намекая на негативное отношение к авторам законопроекта о реализации табачной продукции, сравнивает его с записками из желтого дома, что отсылает зрителей к неадекватности его содержания и сумасшествию составителя.

Ведущий программы «Однако» Леонтьев – опытный журналист, обладающий большим набором средств речевой выразительности, на наш взгляд, носитель достаточно высокой речевой культуры. Он активно использует в своей речи просторечную лексику намеренно, с целью привнесения в свои авторские тексты стилевых особенностей малограмотного населения. Эта адаптивная функция проявления речевой агрессии по средствам использования просторечий объясняется стремлением «быть более понятным и «услышанным» любыми аудиториями, что приведёт к привлечению внимания этих аудиторий к сообщениям автора» [3]. Проиллюстрируем это на примерах.

«Нельзя заставить разноуровневые экономики работать одинаково, если вы не можете тащить их кредитами». Словарная дефиниция *тащить* трактуется как «нести, двигать волоком, тянуть» [4], а в данном контексте эта лексема приобретает более общее значение – «обеспечивать с трудом, содержать».

Следующий пример демонстрирует классическое просторечие: «Поэтому, кстати, американцы и не экономят. Несмотря на всю брехню на эту тему». *Брехня* – «враньё, вздор, пустая болтовня» [5]. Данная лексема, как и большинство остальных просторечий, служит средством выражения авторской оценки, в данном случае отрицательной.

Ирония – распространенный прием в языке художественной литературы – занимает третье место по частотности употребления М.Леонтьевым при формировании агрессивного речевого имиджа. Реализация иронии и ее функций в речи средств массовой информации не сводится только к созданию комической ситуации, как, например, в художественной литературе. В этом смысле ирония может не только исказить содержание основной информации, но и нанести публичное оскорбление субъекту речи, привнеся в высказывание цинизм и пренебрежительное отношение. В этом случае ироничность автора будет признаваться как форма агрессивного речевого поведения, намеренно выбранного для ведения коммуникации. Амбивалентность феномена иронии заключается в том, что она представляет собой одновременно убеждающее и суггестивное средство, то есть прибегающий к ней журналист оказывает как логическое, так и психологическое воздействие на адресата. Проиллюстрируем это на примерах:

«Это и есть основа экономики КНДР. Не получается *выращивать рис – можно шантажировать бомбой. И получать за это рис. Тоже народнохозяйственная модель. Абсолютно, кстати, устраивающая американцев*». Авторское отношение к внешней политике между США и КНДР, исходя из приведенного примера, характеризуется как не достигшая должного уровня развития, где выращивание риса и оборонная промышленность ставятся в один ряд.

«*Дохихикались. Из недр Минздрава диковинным образом выскочил законопроект, производящий самые буйные фантазии мирового сообщества табакоторцев*». В приведенном примере ирония выполняет функцию оценки, в силу этого ведущий реализует две задачи: выражает свое отношение к описываемым событиям и тем самым оказывает воздействие на читателя или зрителя.

По результатам обзора и анализа исследовательского материала – языковых единиц, употребленных в речи тележурналиста Леонтьева, – становится возможным вывод: публицистический стиль стремится к разговорному, а иногда и полностью переходит в него как посредством лексики, так и с помощью разговорных конструкций (*как ни крути, мол, ясное дело, вроде как, вот оно как*). Специфика речи Леонтьева размывает границы публицистического стиля и делает его переходной формой разговорного стиля, что является характерной особенностью современных публицистических текстов [6]. Намеренное столкновение двух стилей неизменно приводит к комическому эффекту и оставляет в памяти адресатов информацию, изложенную таким обра-

зом. Соответственно, воздействующая функция текстов является основной, доминирующей над информативной. Рассмотрим это на примерах.

«То есть, если ты их банкротить, то у тебя на эти 90% в пассивах – ноль, дыра, безвозвратный кредит. То есть, ты в 9 раз несчастнее, чем твой должник. Не получается банкротить. Поэтому – **хощь-не хощь** – придется платить». «Именно так. Потому, что программа спасения не просто мучительна – она бесперспективна для Греции: **экономь, не экономь** – отдавать все равно не из чего». В данных примерах употреблена разговорная модель **хочешь – не хочешь**, имеющая значение «волей-неволей», независимо от чьего-нибудь желания, по необходимости [7]. Необходимо подчеркнуть, что в первом примере автор использует эллиптическую конструкцию **хощь-не хощь**, еще более приближающую данное высказывание к разговорному стилю. По этой же модели строится и второй пример с лексемой **экономь**, которая, дублируясь с отрицательной частицей, актуализирует смысл бесполезности действия.

Принимая во внимание большинство современных взглядов на особенности существования жаргонной лексики в системе русского языка, отметим, что жаргон по концентрации в нем когнитивно-дискурсивной составляющей является гиперэкспрессивной единицей. В связи с этим немаловажными его функциями можно признать привлечение внимания адресата и манипулирование им, а также создание агрессивного речевого имиджа адресанта и его последующая эксплуатация посредством системного употребления в речи жаргонных слов и выражений, что доказывается примерами употребления жаргонной лексики в речи Михаила Леонтьева.

Репрезентация авторского отношения: «Сегодня Смирнов, намекая на разногласия в российском руководстве, пытается внушить людям, что его хотят убрать некие кремлевские силы, жаждущие **слить** Приднестровье». Лексема **слить** (жарг.) имеет значение –«предоставлять для обнародования грязные сплетни, компромат и т.д.» [8]. Авторское отношение к данной речевой ситуации формируется с помощью жаргонизма **слить** и нейтрального глагола **убрать**, который применим к неодушевленному объекту говорения, но в этом контексте выступает вместе с одушевленным.

Демонстрация жаргонизмов из молодежной среды: «Что общего между египетско-ливийской протестной **тусой** и американско-греческой?». «Туса» – универбат и производное от лексемы «тусовка», обозначающее такие реалии, как «сборище, сходка».

Итак, для иллюстрации параметров языковой агрессии, формирующих имидж тележурналиста М. Леонтьева, были приведены лишь некоторые примеры нашего оригинального исследовательского материала. Полный анализ языковых единиц языковой агрессии в речи М. Леонтьева позволяет сделать вывод о том, что тенденция возрастания агрессии в языке и речи характеризует современное российское общество как нестабильное, деградирующее в условиях возросшего темпа жизни, неустойчивое к переменам в социальной сфере. Как известно, трансляторами перечисленных изменений и тенденций были и остаются средства массовой информации. Речевое поведение М. Леонтьева не является исключением, напротив, служит ярким примером и отражением изменений, происходящих в социальной жизни людей, которые так или иначе влияют на язык. Следовательно, языковую агрессию необходимо рассматривать как явление многоаспектное, включающее, помимо языковой манифестации, психологическую, прагматическую, поведенческую, социальную, политическую составляющие.

Библиографический список

1. Хайруллина Р.Х. Минигулова Г.З. Речевая агрессия: универсальное и национально-своеобразное // *Номо loquens в языке, культуре, познании: Сборник научных статей. К 75-летию профессора Р.З. Мурясова. Ч.1 /отв. ред.З.З. Чанышева. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. С.333-337.*
2. Васильев А.Д. Слово в телеэфире: очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении. Красноярск, 2000. 92 с.
3. Щербина А.А. О двуплановости и противопоставлении смысла в иронии // *Филологические науки. 1976. №2. С. 62-69.*

4. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Буколика, 2008. 1040 с.
5. Квеселевич Д.И. Самый полный словарь ненормативной лексики. М.: Астрель, 2011. 57с.
6. Попова Г.Ф. Модальная оценка как смысловой компонент текста комической направленности: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 1985. 25 с.
7. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп, 2007. 67 с.
8. Квеселевич Д.И. Самый полный словарь ненормативной лексики. М.: Астрель, 2011. 788с.

References

1. Khairullina A.D Minigulova GZ Verbal aggression: universal, national and peculiar // Homo loquens in language, culture and cognition: Collected articles. On the 75th anniversary of Professor RZ Muryasova. CH.I / Ed. red.Z.Z. Chanysheva. Ufa: RIC BSU, 2010. p.333-337.
2. Vasiliev A.D Word on TV: Essays on modern usage in the Russian Television. Krasnoyarsk, 2000. 92 p.
3. Shcherbinina A.A. About doubl and contrasting sense of irony in the // Philology. 1976. № 2. P. 62-69.
4. Ushakov D.N. Big Dictionary of Modern Russian, bucolic. M., 2008. 1040 p.
5. Kveselevich D.I. The most comprehensive dictionary of profanity. M.: AST, 2011. 57 p.
6. Popova G.F. Modal score as semantic text component comic direction: Abstract thesis. ... Candidate. Philology. Science. M., 1985. 25 p.
7. Mokienko V.Мю, Nikitina T. Over dictionary of Russian proverbs. M.: Olma Media Group. 2007. 67 p.
8. Kveselevich D.I. The most comprehensive dictionary of profanity. M.: AST, 2011. 788 p.

УДК [811.161.1-112]'374.3

*Воронежский государственный педагогический университет
Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Чубур Т.А.
Россия, г. Воронеж, Тел. +7(4732)253-10-92
e-mail: tanyachubur@box.vsi.ru*

*Voronezh State Pedagogical University
The chair of foreign languages
PhD, associate professor Chubur T. A.
Russia, Voronezh, tel. +7(4732)253-10-92
e-mail: tanyachubur@box.vsi.ru*

Т.А. Чубур

СЕМНОЕ ОПИСАНИЕ СЕМАНТИКИ СЛОВ, НОМИНИРУЮЩИХ ПАРЦЕЛЛУ «ОБРАЗОВАННЫЙ» ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «КУЛЬТУРНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Комплексный подход к исследованию языкового материала, составляющего номинативное поле концепта, позволяет выявить структурные компоненты изучаемых лексем, а также интерпретировать полученные результаты семного анализа с целью выявления когнитивных признаков концепта. Предложенные методы компонентного анализа лексических единиц позволяют наиболее полно и адекватно описать их структурный состав.

Ключевые слова: номинативное поле концепта, компонентный анализ, методы исследования семантики слова, сема, метаязык.

T.A. Chubur

SEME DESCRIPTION OF SEMANTICS OF THE WORDS NOMINATING THE PART OF THE LEXICO-SEMANTIC FIELD REFINED MAN

The complex approach to research of the language material making a nominative field of a concept, allows to reveal structural components of studied lexemes, and also to interpret the received results seme analysis for the purpose of revealing cognitive signs of a concept. The offered methods of the component analysis of lexical units allow describe their structure most adequately.

Key words: nominative field of the concept, component analysis, methods of semantic research, seme, metalanguage.

В нашем исследовании особенности менталитета и традиций, свойственных русской лингвокультуре, и их языковые проявления выявляются на материале прилагательных, номинирующих концепт *КУЛЬТУРНЫЙ ЧЕЛОВЕК*, поскольку именно прилагательные, обладая особым номинативным характером и особой концептуальной структурой, с наибольшей очевидностью демонстрируют, благодаря каким свойствам и признакам человек выделяет объект из класса подобных, то есть делает выбор каких-то определенных, наиболее важных характеристик из бесконечного множества признаков и свойств.

Полный компонентный анализ прилагательных, входящих в номинативное поле концепта, проводился комплексным методом анализа словарных дефиниций, а также предложенными нами методами *дискурсивной интеграции*, *ассоциативной интеграции* и *прагматической дезинтеграции*. Данные методы позволяют наиболее полно и адекватно установить компонентный состав исследуемых лексических единиц, входящих в номинативное поле концепта, а также выявить когнитивные признаки, формирующие исследуемый концепт как единицу культуры, *методом когнитивной интеграции* [5].

Для проведения семантико-когнитивного анализа концепта, прежде всего, необходимо построить его номинативное поле. При описании номинативного поля концепта *культурный человек* были использованы прямые номинации данного концепта: ключевое слово *культурный* и его системные синонимы.

Наше исследование показало, что еще одной ядерной лексической единицей, объективирующей данный концепт в русском языке, является лексема *интеллигентный*, которая по своим основным (обязательным) структурным компонентам ближе всего соотносится с лексемой *культурный*. Таким образом, обе эти лексические единицы являются ядерными в структуре концепта *КУЛЬТУРНЫЙ ЧЕЛОВЕК*.

Комплексный анализ словарных дефиниций, а также анализ контекстов употребления лексемы *культурный (человек)* в Национальном корпусе русского языка позволил выявить еще две лексемы, относящиеся к ядру номинативного поля концепта *культурный: образованный* и *воспитанный*. Таким образом, в номинативном поле концепта выделились две парцеллы, представляющие собой отдельные микрополя.

По результатам исследования в номинативное поле парцеллы *воспитанный* вошли следующие лексемы:

культурный, интеллигентный, воспитанный, вежливый, деликатный, благовоспитанный, светский-1, светский-2, любезный, корректный, тактичный, учтивый, обходительный, предупредительный, дисциплинированный, дипломатичный, галантный.

Семное описание семантики слов, номинирующих парцеллу *воспитанный* лексико-семантического поля (ЛСП) *КУЛЬТУРНЫЙ ЧЕЛОВЕК* проводилось следующим образом.

В толковых словарях русского языка [1; 2; 3; 4] находим следующие дефиниции лексемы *воспитанный*:

- то же, что благовоспитанный, умеющий себя хорошо держать, внешне выдержанный, обладающий хорошими манерами;
- отличающийся хорошим воспитанием, умеющий хорошо вести себя;
- получивший хорошее воспитание, умеющий вести себя в обществе; учтивый, вежливый.

Комплексный анализ словарных дефиниций лексемы *воспитанный* позволил выделить следующие компоненты в структуре значения данного слова:

владение навыками поведения;

наличие воспитания;

умение сдерживать чувства/эмоции;

умение проявлять учтивость.

На основе анализа дефиниций изучаемых лексем в толковых и энциклопедических словарях было установлено, что усвоенные человеком культурные ценности в виде знаний, умений, навыков могут быть интерпретированы как приобретенные в результате труда, обучения (они получили метаязыковое обозначение *владение/обладание*, например, *владение навыками культуры речи, обладание знаниями/сведениями*), или как факт биографии, индивидуальных особенностей человека (например, *наличие интеллектуальных способностей*).

Так, для архисемы прилагательных, входящих в ЛСП парцеллы *воспитанный*, по результату анализа словарных дефиниций была предложена субстантивная номинация *владение навыками поведения*. Для дифференциальных сем в результате анализа словарных дефиниций всех лексем, входящих в ЛСП исследуемого концепта, также были сконструированы номинации, позволяющие сравнивать изучаемые лексемы с целью выявления сходств и различий в их структурном составе.

Анализ примеров употребления лексемы *воспитанный* в Национальном корпусе русского языка (всего зафиксировано и проанализировано 1070 контекстов употреблений) позволил выявить следующие компоненты, входящие в структуру значения данного слова:

ВЛАДЕНИЕ НАВЫКАМИ ПОВЕДЕНИЯ

Аристократически *воспитанного* человека сразу можно узнать по тому, что он *никогда не ест с ножа и рыбу ест одной вилкой* (здесь и далее все примеры цитируются по национальному корпусу русского языка – 7).

Умение проявлять неравнодушие/внимательность

Ведет он себя как влюбленный, но он в принципе *внимательный, воспитанный ...*

Она у вас всегда была *воспитанная, внимательная.*

Умение проявлять уважительное отношение

Во всех характеристиках до войны отмечалось: *воспитанный, добросовестный, уважает* старших, помогает младшим.

Мягкий, *воспитанный, услужливый, расторопный, готовый оказать вам мелкую услугу*, польстить вашему самолюбию, он присутствует в каждой ячейке нашего общества, вдувая жизнь во все эти сдвиги.

Умение проявлять приветливость

Каменная твердость лица и скрытая внутренняя суровость не вязались со свободной и *приветливой учтивостью хорошо воспитанного человека.*

Надеемся, что на их месте появятся спокойные, *воспитанные, улыбчивые* люди мидовской выправки, умеющие изъясняться, по крайней мере, на двух языках – русском и английском.

Умение оказывать услугу/помощь

Очень *воспитанный* Володя Красюк ждал, когда можно будет принять мое пальто, чтобы повесить на вешалку, а я в таком виде!

Воспитанный человек уступает место пожилым людям, малышам, женщинам с тяжелыми сумками.

Умение избегать/не создавать конфликтных ситуаций

К. милый, *воспитанный*, ни с кем *не поссорившийся* человек.

Какая она *воспитанная*, говорят знакомые, мягкая, *уступчивая*, *никогда не ссорится с соседями*, кондуктор в трамвае оторвет ей билет и скажет ему «спасибо», совершенно не похожа она на мужа, душевно тонкая, у нее светлая, открытая улыбка ...

Умение не выставлять своих достоинств напоказ

Поначалу, пока ухаживал, думала, он застенчивый просто, *скромный, воспитанный*.

Вместо бойкого разбитного молодого человека у меня получился *скромный, воспитанный* мальчик.

Умение владеть чувствами/эмоциями

В ней все уместилось: и интерес к ним, и только что возникшая симпатия, и вырвавшееся, так сказать, на мгновение из-под контроля *сдержанного, воспитанного человека тщательное скрываемое восхищение*.

И с того дня для Елены Дмитриевны стало две Таисии: одна, которая при посторонних, почтительно *сдержанная, воспитанная*, образцовая дочь; другая, которая вдвоем и молчаливый ужас, проклятие, призрак чего-то мертвого.

Умение проявлять радушие/доброжелательность

Никакой заносчивости, очень *воспитанная, дружелюбная*, ну, просто настоящая леди!

Моя мачеха, *добрая, воспитанная и ласковая*, полюбила меня действительно как сына и занялась моим воспитанием, отучая меня от дикости первобытных привычек.

ВЛАДЕНИЕ НАВЫКАМИ КУЛЬТУРЫ ВНЕШНЕГО ВИДА

В высшей степени *воспитанный, аккуратный, подтянутый* юноша.

Ему нравилось и то, что перед ним была дама, женщина другого круга и *элегантная, воспитанная*, до конца непознаваемая, с прекрасными манерами, интересными знакомыми и лишенная всяких предрассудков.

ВЛАДЕНИЕ НАВЫКАМИ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕНИЯ

Училась на втором курсе вуза. *Воспитанная, приятная в общении, доверчивая*. Не исключено, что последнее качество ей во многом навредило.

К этому следует приплюсовать и необходимость, общаясь со своими сослуживцами уже в нерабочее время, быть бодрым, свежим, находчивым и *приятным в общении*, как всякий хорошо *воспитанный* человек.

ВЛАДЕНИЕ НАВЫКАМИ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

Вообще Лидия Ильинична была дама *воспитанная*, она никогда *не позволяла себе ругательств*, но была остра на язык.

Тут очень *воспитанный*, картавый изящный человек появился рядом и сказал *вежливо*, но настойчиво.

УМЕНИЕ ВЫЗЫВАТЬ РАСПОЛОЖЕНИЕ К СЕБЕ/ПРОИЗВОДИТЬ ХОРОШЕЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

«Все устали от выходов футбольных знаменитостей, и Хуан-Пабло, *обладающий харизмой, интеллигентный, воспитанный*, стал им достойной альтернативой», утверждает президент Колумбийской автомобильной федерации Рикардо Солер.

Он был очень *славный, простой, воспитанный* впоследствии я узнал, что это для американцев совсем нетипично, и как-то пришлось к дому у нас.

НАЛИЧИЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Тогда представьте себе, что некий молодой человек, хорошо *образованный*, отменно *воспитанный*, но из порядком обедневшей семьи, на последние деньги, семьей собранные, уезжает учиться в Санкт-Петербург.

Зинаида Архиповна ворчала, что рано еще Алле получать такие подарки, но на самом деле очень радовалась за дочь: все-таки к ней ходит не лохмач с гитарой, а *воспитанный* молодой человек из *Института иностранных языков*.

ВЛАДЕНИЕ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫМИ ЦЕННОСТЯМИ

Калошин (вдруг садится на постели, с тихой яростью). Если ты человек *воспитанный...* (громче и выше тоном) если ты человек *цивилизованный ...*

Изумительный человек еврей, чрезвычайно тонкий, очень *культурный, воспитанный*, заведовал отделом иллюстраций в «Красной Ниве».

ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ К ЭЛИТАРНОМУ СЛОЮ ОБЩЕСТВА

Она его мыслит в сверхчеловеческих категориях ангела-хранителя или коварного искусителя, но ее ожидает разочарование: он повел себя не как титан добра или даже зла, «а просто как хорошо *воспитанный светский* и к тому же вполне порядочный человек».

Он был очень эффектным англичанином, точно таким, каким англичанин должен быть: стройный, высокий, с суховатым, *благородным* и красивым лицом, очень сдержанный и *воспитанный* – воплощение английского *джентльменского аристократизма*.

НАЛИЧИЕ НАВЫКОВ/ПРИНЦИПОВ/УБЕЖДЕНИЙ

В пионерском отряде я присягал быть *честным*, таким же поклялся быть, вступая в Ленинский комсомол; во всех характеристиках до войны отмечалось: *воспитанный, добросовестный*, уважает старших, помогает младшим.

– Вот товарищ, - она даже чуть поклонилась Фоме Фомичу, – сразу видно, *воспитанный, порядочный* человек и *либерального духа*, никогда *без причины хамить не станет*.

НАЛИЧИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ

Ох, *умный!* А *воспитанный!* Так вот эта самая, решительная еще в девицах, особа и ее строгая мамаша рабочую семью Семена Агафоновича жаловали.

Осмотрится по народу, глянет на жену, и опять сердце радостью дрогнет: из всех-то она выделялась за столом: гордая сидела, *умная, воспитанная* – очень и очень не простая.

В результате, семный состав семемы *воспитанный* может быть представлен в следующем виде:

ВОСПИТАННЫЙ

владение навыками поведения

умение проявлять равнодушие/внимательность

умение проявлять почтение/уважение

умение проявлять приветливость

умение оказывать услугу/помощь

умение избегать/не создавать конфликтных ситуаций

умение не выставлять своих достоинств напоказ

умение проявлять радушие/доброжелательность

умение владеть чувствами/эмоциями

наличие воспитания

владение навыками культуры внешнего вида

владение навыками культуры речи

владение навыками культуры общения

вероятно умение вызывать расположение к себе/производить хорошее впечатление

вероятно владение общекультурными ценностями

возможно наличие образования

возможна принадлежность к элитарному слою общества

не исключено наличие нравственных принципов/убеждений

не исключено наличие интеллектуальных способностей

Итак, прилагательные, входящие в номинативное поле концепта *КУЛЬТУРНЫЙ ЧЕЛОВЕК*, составляют важный фрагмент лексической системы русского языка, поэтому выяв-

ление их семантических особенностей является актуальной задачей сопоставительной лингвокультурологии.

Семантический анализ изучаемых нами прилагательных представляет значительные трудности в виду отсутствия четких и непротиворечивых дефиниций данных лексических единиц в словарях, где толкование значений прилагательных чаще всего приводится через отсылки к их синонимам. Метод интервьюирования в данном случае также не дает положительных результатов, поскольку носители языка зачастую затрудняются назвать признаки, дифференцирующие данные прилагательные. Однако выявление этих различий и является одной из задач нашего исследования.

Изучение обширного корпуса текстов (всего проанализировано более 15 тысяч контекстов употреблений русских лексических единиц) показало, что существует прямая зависимость актуализации того или иного компонента значения прилагательного от интенции говорящего. Данная актуализация может быть реализована в законченном в смысловом отношении отрезке речи (обычно в предложении) различными способами. Как показало наше исследование, наиболее продуктивным способом актуализации какого-либо компонента значения прилагательного является его уточнение, конкретизация с помощью другого прилагательного, указывающего на тот или иной признак, релевантный для интенции говорящего. Специфика денотативного содержания в семантике имен прилагательных обусловлена тем, что они используются для номинации практически неограниченного круга свойств и качеств предметов. Денотативное значение прилагательных не столько системно, сколько ассоциативно. У прилагательных денотативное содержание нестабильно, неопределенно, незавершенно, поскольку имя прилагательное – это одна из единиц языка с ярко выраженным вероятностным характером значения.

Предложенные нами методы анализа семантики лексических единиц (*метод дискурсивной интеграции, метод ассоциативной интеграции и метод прагматической дезинтеграции*) [5], опробированные на материале обширного корпуса текстов, позволяют наиболее полно и адекватно выявить и верифицировать структурные компоненты значений исследуемых лексем, относящиеся к денотативному и коннотативному макрокомпонентам. Комплексный анализ словарных дефиниций позволяет также зафиксировать семы, относящиеся к функциональному макрокомпоненту значения лексической единицы.

Для описания выявленных в результате семантического анализа структурных компонентов значений лексических единиц нами предложена метаязыковая унификация данных компонентов, что позволяет наглядно зафиксировать сходства и различия в семантике всех исследованных лексем. Например, архисема семем прилагательных, входящих в номинативное поле парцеллы *воспитанный*, получила метаязыковое обозначение – *владение навыками поведения*. Дифференциальные семы также описаны метаязыком, позволяющим сравнивать исследованные лексемы с целью выявления сходств и различий в их структурном составе. Кроме того, предложенный нами метаязык может быть использован для описания других близких по значению лексических группировок.

Метод *прагматической дезинтеграции* [6] позволяет верифицировать семы, составляющие денотативный макрокомпонент значения лексической единицы, а также эффективно выявить эмоциональные и оценочные семы, составляющие коннотативный макрокомпонент значения слова.

Поскольку по своей структуре сема сама членима, в нашем исследовании были выявлены *семные конкретизаторы* для некоторых сем, то есть компоненты, уточняющие, конкретизирующие значение семы, например, сема *владение навыками поведения* может иметь следующие семные конкретизаторы: *умение проявлять внимательное отношение, умение проявлять радушие/доброжелательность* и т.д.

Наше исследование носит комплексный характер, поэтому оно позволяет не только выявить и описать структурный состав исследуемых лексических единиц, но и представить его

результаты для описания важного фрагмента лексической системы русского языка как единицы языковой картины мира русского народа.

Библиографический список

1. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 тт. М.: Астрель, 2006. 1168 с.
2. Кузнецов С.А. Современный толковый словарь русского языка. СПб, 2007. 960 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1994. 928 с.
4. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка: 180000 слов и словосочетаний. М.: Альта-Принт, 2006. 1239 с.
5. Чубур Т.А. Лингвокультурологические аспекты сопоставительных исследований: монография. Воронеж: ВГПУ, 2010. 393 с.
6. Чубур Т.А. Прагматические значения лексем, репрезентирующих концепт «культурный человек» // Русский язык за рубежом. Учебно-методический иллюстрированный журнал. 2011. № 3. С. 65-73.
7. Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru.

References

1. Efremova T.F. Modern Russian explanatory dictionary: in 3 v. M, 2006. 1168 p.
2. Kuznetsov S.A. Modern Russian explanatory dictionary. St. Pb., 2007. 960 p.
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.U. Explanatory dictionary of Russian language. M, 1994. 928 p.
4. Ushakov D.N. Big Russian explanatory dictionary: 180000 words and word-combinations. M: Alto-print, 2006. 1239 p.
5. Chubur T.A. Linguistics cultural aspects of comparative researches: monograph. Voronezh: VSPU, 2010. 393 p.
6. Chubur T.A. Pragmatic meanings of lexemes, representing the concept REFINED // Russian abroad. № 3 / 2011 (226). P. 65-73.
7. The national corpus of Russian language. URL: www.ruscorpora.ru

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ METHODOLOGY OF TEACHING LANGUAGES

УДК 811.161.1

*Военный университет (г. Москва)
Кандидат филологических наук, преподава-
тель кафедры русского языка*

Власова Н. А.

*Россия, Воронеж, тел. 8-905-049-04-04;
nad.vlasova@mail.ru*

Military university (Moscow)

*The chair of Russian language,
PhD, lecturer Vlasova N. A.*

*Russia, Voronezh, tel. 8-905-049-04-04;
nad.vlasova@mail.ru*

Н.А. Власова

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ РЕЧИ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

В данной статье рассматривается вопрос о целях, задачах, содержании и методах изучения русского языка и культуры речи в неязыковом вузе. Методическая проблема преподавания данной дисциплины анализируется в связи с необходимостью переосмыслить место и роль русского языка как средства общения в современном российском и мировом культурном пространстве. Русский язык в этой связи является не только предметом, но и средством обучения, одним из важнейших механизмов формирования культуры мышления и познания студентов.

Ключевые слова: методика преподавания русского языка, культура речи, социокультурная грамотность.

N.A. Vlasova

SOCIOCULTURAL ASPECTS OF STUDY RUSSIAN LANGUAGE AND CULTURE OF SPEECH IN NON-LINGUISTIC UNIVERSUTY

The article discusses question of goals, contents and methods of studying Russian language and culture of speech in non-linguistic university. Methodical problem of teaching Russian language is connected with necessity to rethink the place and the role of Russian language as means of communication both in Russia and abroad. In this case Russian language is believed to be the subject and the instrument of study, one of the most important ways to develop student`s thinking and cognition.

Key words: methodic of studying Russian language, culture of speech, sociocultural competence.

Курс «Русский язык и культура речи» является частью принятой в 2001-2002 годах программы гуманитаризации естественнонаучного и технического образования. Русский язык и культура речи одна из дисциплин гуманитарного цикла, изучаемая сейчас практически всеми студентами неязыковых вузов. Оправдано ли введение этого предмета в программы нефилологических факультетов? Безусловно - да. Однако ответы на вопросы: «Зачем

студенту-нефилологу изучать русский язык в высшей школе?», «Чему учить носителей русского языка?», «Как преподавать русский язык и культуру речи в неязыковых вузах?», не так очевидны, как кажется. Это комплексная методическая проблема. Она связана с необходимостью осмыслить, во-первых, место русского языка как средства общения в современном российском и мировом коммуникативном пространстве [1] и, во-вторых, требования сегодняшнего дня к будущему специалисту, выпускнику вуза.

Современный мир является поликультурным, открытым, требуя от образованного человека мобильности, обучаемости, социокультурной грамотности, под которой понимается умение адекватно решать задачи общения в разных ситуациях. Подобные размышления все чаще появляются в методической литературе, посвященной проблемам преподавания русского языка как иностранного. Выводы, сделанные авторами, в частности, [1], о месте и роли современного русского языка и связанных с ними вопросах целей и содержания обучения русского языка как иностранного, могут быть отнесены и к заявленной нами проблеме изучения и преподавания русского языка русским студентам на нефилологических факультетах. Мы не претендуем на всестороннее освещение данного вопроса. Свою задачу мы видим в постановке проблемы.

Название дисциплины «Русский язык и культура речи», объединяющее, фактически, два разных аспекта изучения русского языка, провоцирует на размышления о целях, содержании и методах его преподавания в неязыковом вузе. С одной стороны, это «русский язык» как система языковых единиц различных уровней и правила их употребления, с другой, – «культура речи» как социокультурная грамотность. Первый аспект, как известно, изучается на протяжении всего школьного курса (тогда как второму внимание уделяется по остаточному принципу). Зачем же студентам неязыкового вуза еще раз изучать русский язык?

Существует по крайней мере три возможных ответа на этот вопрос.

Во-первых, согласно Федеральному закону от 1 июня 2005 г. «О государственном языке Российской Федерации» русский язык является государственным языком нашей страны на всей ее территории. Статус русского языка как государственного предусматривает обязательность его использования в сферах, определенных законами нашей страны. Государственный язык призван способствовать «взаимопониманию, укреплению межнациональных связей народов Российской Федерации в едином многонациональном государстве», а также «приумножению и взаимообогащению духовной культуры народов Российской Федерации» [2]. При использовании русского языка не допускается употребление слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка. Русский язык, таким образом, выступает одним из средств консолидации народов нашей страны, а владение нормами литературного языка является обязательным для всех ее граждан. Именно поэтому нормативный аспект так важен в преподавании русского языка.

Во-вторых, русский язык является сокровищницей культуры русского народа. Язык – полифункциональное явление, и одной из важнейших функций языка является кумулятивная функция – накопление и хранение исторического и культурного опыта народа. Этот опыт находит отражение на разных уровнях языка, но прежде всего в лексике. В содержательные планы слов любого языка входят идеологические компоненты, обусловленные мировоззрением данной этнокультурной общности. Этот компонент значения слова принято называть лексическим фоном [3]. Лексический фон наиболее ощутим в так называемой ономастической лексике (названиях географических объектов, именах и т.д.), в историзмах и архаизмах, во фразеологизмах. Такие фразеологизмы, как «спустя рукава», «не по Сеньке шапка», «бить баклуши», «с красной строки», «не солоно хлебавши» и другие, многое способны рассказать образованному читателю о традициях, обычаях, истории и культуре русского народа. То же самое касается и имен собственных. Известно, например, что Ярославль – один из старейших русских городов, основанный в XI веке. Исторический центр города, расположенный у слияния рек Волги и Которосли, является объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО. Ярославль –

один из основных объектов Золотого кольца России. Город был заложен князем Ярославом Мудрым, а название города традиционно связывают с именем его основателя: «Ярославль» – притяжательная форма от имени князя, обозначающая буквально «Ярославов» (город). Иностранец, изучающий русский язык, обратит внимание на связь между топонимом и именем. Объяснение причин этой связи будет экскурсом в историю нашей страны.

Общелитературная и терминологическая лексика также аккумулирует в себе лексические фоны. Например, содержание слова «школа» будет различным для носителей русского и английского языков – это обусловлено отличиями в системе образования. Требуют комментария многие термины, такие как химический термин «соль», поскольку он сохраняет ассоциации общелитературного слова «соль» (в выражениях «соль земли», «соль анекдота», «насыпать соли на хвост» и т.д.) [3]. Комментарий значения и употребления этих и многих других русских слов является обязательными в преподавании русского языка как иностранного. Однако и в сознании носителей русского языка также необходимо активизировать лексические фоны, поскольку знание их является залогом преемственности культуры. В современной ситуации размытости культурных границ это особенно важно. Изучение родного языка должно являться, таким образом, одним из средств инкультурации личности.

В-третьих, в практике преподавания русский язык выступает не только предметом, но и средством обучения. Этот факт давно признан ведущими методистами. Косноязычие современных студентов, их неумение логически выстраивать устный и письменный текст, низкий уровень обучаемости с сожалением отмечают многие ученые и работники образования. В то время как овладение средствами родного языка, не просто мертвым грузом теоретических сведений, а практическими навыками, то есть речью – первый шаг на пути к подготовке конкурентоспособного специалиста. Формирование у студентов культуры речи одновременно означает формирование культуры мышления и познания, поскольку речевая деятельность – это основа всех других видов деятельности человека.

Первые две названные нами цели изучения дисциплины «Русский язык и культура речи» предполагают изучение языка как системы единиц различных уровней и правил их использования. В третьем случае целью обучения русскому языку является развитие речи. Речь же, в отличие от языка, всегда ситуативна, определяется местом и временем, особенностями аудитории, целью общения и другими факторами. Чтобы адекватно решать задачи общения в каждом конкретном случае, студенту, будущему специалисту, нужно не только знание норм языка, но и понимание того, какие языковые средства необходимо использовать в зависимости от стиля и характера общения, его целей и задач. Другими словами, студентам необходимо прививать социокультурную грамотность, развивать их культуру речи.

Установление целей изучения предмета («зачем изучать?») необходимо влечет за собой определение содержания дисциплины («что изучать?») и методов ее преподавания («как изучать?»).

С введением в вузах нашей страны нового курса «Русский язык и культура речи» связан выпуск большого числа учебников и учебных пособий. Однако содержание курса во многом определяется распространенным пониманием культуры речи как знания практически исключительно языковых норм. В большинстве случаев студентам-нефилологам предлагаются традиционные упражнения на знание норм орфографии, пунктуации и грамматики, в вузовских учебниках используются школьные дидактические материалы. Однако в условиях жестко ограниченного времени на изучение дисциплины (как правило, это 36 часов) такой подход вряд ли оправдан. На наш взгляд, занятия по культуре речи могут и должны стать основой освоения основного курса обучения. Студентов необходимо готовить в первую очередь к изучению дисциплин специализации: расширять их словарный запас, развивать умение строить устные и письменные высказывания, записывать лекции, работать с текстами (конспектировать, реферировать, аннотировать, расширять информацию). О необходимости профессиональной ориентации предмета «Русский язык и культура речи» говорили многие

современные методисты, в частности [4]. Мы разделяем их точку зрения, согласно которой обучение студентов-нефилологов культуре речи должно основываться на текстах и быть на

правленным, во-первых, на их анализ, а во-вторых, – на продуцирование собственной профессионально ориентированной научной речи (как устной, так и письменной). При этом повторение орфоэпических, орфографических, пунктуационных, лексических и грамматических норм языка должно носить вспомогательный характер. Помимо профессионально ориентированной речи вторым важнейшим аспектом изучения и преподавания культуры речи должно являться, на наш взгляд, развитие социокультурной грамотности, т.е. навыков общения в различных ситуациях (как официальных, так и неофициальных).

Таким образом, изучение дисциплины «Русский язык и культура речи» в высшей школе преследует, как минимум, три основные цели. Во-первых, обучение культуре речи должно способствовать формированию и укреплению патриотического сознания студентов. Во-вторых, занятия по данной дисциплине призваны расширить знания студентов о культуре нашей страны. И, наконец, в-третьих, изучение культуры речи должно быть направлено на продуцирование собственной речи (как устной, так и письменной) в различных ситуациях общения.

Названные цели предполагают решение ряда конкретных задач, в частности, сообщения студентам сведений о месте и роли современного русского литературного языка в мире, а также сведений лингвострановедческого характера; чтение и анализ текстов различных стилей речи; продуцирование текстов различных стилей речи; обучение навыкам эффективного общения и т.д. На наш взгляд, именно такой подход к преподаванию русского языка и культуры речи может способствовать подготовке конкурентоспособных специалистов и в целом повышению уровня речевой культуры граждан нашей страны.

Библиографический список

1. Прохоров Ю.Е. Социокультурные аспекты изучения русского языка: новые условия, новые потребности, новые модели // Русский язык за рубежом. 2012. №3. С. 4-10.
2. Федеральный закон Российской Федерации от 1 июня 2005 г. «О государственном языке Российской Федерации» // Российская газета. 2005. №3789. С. 6.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.
4. Архарова Л.В. Обучение студентов неязыковых вузов русскому языку и культуре речи на материале связных текстов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ярославль, 2008. 24 с.

Referens

1. Prokhorov Yu.E. Sociocultural aspects of study Russian language: new conditions, new needs, new models // Russian language abroad. 2012. №3. P. 4-10.
2. State Law of Russian Federation from 1st of June 2005 «About State Language of Russian Federation» // Russian newspaper. 2005. №3789. P. 6.
3. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Includes Linguistic in teaching Russian vocabulary. M.: «Russian language», 1980. 320 p.
4. Arkharova L.V. Teaching Russian language and culture of speech on the material of coherent texts: abstract of dissertation... candidate of pedagogical sciences. Yaroslavl, 2008. 24 p.

УДК 811.161

*Воронежский государственный
университет
Ст. преподаватель кафедры русского
для иностранных учащихся основных
факультетов ИМО ВГУ Дурова Е.Н.
Россия, г. Воронеж, тел. 8-920-423-96-60
E-mail: den-lena@yandex.ru*

*Voronezh State University
Senior instructor of Russian
Language for International Students
Department of the Voronezh State
University Durova E.N.
Russia, Voronezh, tel. 8-920-423-96-60
E-mail: den-lena@yandex.ru*

Е.Н. Дурова

СИНОНИМИЧНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ГРАММАТИКИ РКИ

В нашей работе мы рассматриваем синонимичные формы выражения процессуального состояния одушевлённого субъекта в русском языке. В центре внимания находится семантико-функциональный подход к устройству простого предложения.

Ключевые слова: синонимия, процессуальное состояние, одноактантные предложения, личные и безличные предложения в русском языке.

E.N. Durova

THE SYNONYMIC SENTENCES WITH THE MEANING OF PROCESSUAL STATE OF THE SUBJECT IN RUSSIAN GRAMMAR TEACHING PRACTICE

The article presents the Russian synonymous sentences with the meaning of processual state of the subject which are analyzed within the frame of the semantic-functional approach by means of multi-aspect methods.

Key words: synonyms, the condition of process, one-act sentences, Russian personal and impersonal sentence.

В языке отражается сосуществование и противопоставление двух функциональных сфер: трудовой деятельности и состояния человека, которые реализуются в семантических универсалиях действия и состояния.

Рассмотрим синонимичные формы выражения процессуального состояния в русском языке: а) одноактантные вербальные личные предложения (N) – V / 3 pl / 3s, которые выражают ИСС (инвариантную семантическую структуру) «субъект и его процессуальное состояние»: *Я (не) сплю*; б) одноактантные вербальные предложения с модальным глаголом *мочь* (N) – *мочь* / Vinf: *Я (не) могу спать*; в) одноактантные безличные предложения с типовым значением «предмет и его признак, ИСС «субъект и его процессуальное состояние»: *Мне (не) спится*.

Предложения с возвратными безличными глаголами являются производными от личной конструкции с невозвратным глаголом (*Он не спит – Ему не спится*). Такие конструкции И.П. Матханова включает в ядерную сферу нерезультативного состояния и именуется их конструкциями с безлично-модально-деагентивными глаголами (*не спится, работается*).

В работах В.Ю. Копрова по **семантико-функциональному сопоставительному синтаксису** средства выражения состояния рассматриваются в составе предложений с инвариантной семантической структурой «субъект и его действие / состояние». В рамках

данной ИСС выделяется вариантная семантическая структура «субъект-антропоним / зооним и его состояние»: *Я проголодался; Сегодня мне не работается* [1].

Грамматическая категория **личности / безличности**, наиболее широко представленная в синтаксической системе русского языка, требует к себе особого внимания. В русском языке данная грамматическая категория выступает как компонент, во многом определяющий своеобразие устройства релятивно-структурного аспекта предложения.

В русском языке в оппозиции «личность / безличность» отражаются способы, при помощи которых говорящий имеет возможность по-разному характеризовать в предложении семантический актант – носитель признака:

а) в русских **личных** предложениях семантический носитель признака выступает и как грамматический носитель данного признака – подлежащее предложения; тем самым грамматически подчеркивается его роль – производителя признака или носителя состояния в передаваемой ситуации;

б) в **безличных** предложениях семантический носитель признака выступает в косвенном падеже уже не как его грамматический носитель (подлежащее), а как второстепенный компонент синтаксической структуры предложения – дополнение; тем самым его роль в передаваемой ситуации грамматически как бы ослабляется, затушёвывается.

Субъект в рассматриваемых безличных конструкциях практически всегда является антропонимом, что диктуется определёнными грамматическими правилами, так как предметный субъект не может управлять своими действиями, и противопоставляется грамматическому носителю признака в номинативном падеже личной конструкции [1].

В личном предложении субъект действия представлен в форме именительного падежа, а сказуемое выражено личным активным глаголом как неохарактеризованный, нейтральный производитель действия: не хотел или не мог спать в силу каких-то причин (*Вчера он не работал*). Данная конструкция употребляется, если в центре внимания высказывания стоит осознанное желание (или нежелание) активного субъекта что-либо делать, а действие (или состояние), производимое субъектом, зависит от его воли. В безличном предложении с возвратным глаголом субъект может быть представлен двумя способами: а) грамматически определённый субъект в форме дательного падежа: *Вчера ему не работалось*; б) обобщённый субъект: *После дождя легко дышится*. Кроме того, субъект получает дополнительную характеристику: хотел, но не мог спать из-за каких-то неизвестных, непонятных причин.

Произведённый анализ конкретного материала русского и испанского языков позволяет считать, что достаточно выделить три типа наполнения позиции субъекта, которые мы обозначим как:

1) субъект-антропоним (в этой функции выступают существительные первого ЛГР (лексико-грамматического разряда), характеризующиеся признаками «одушевлённость» + «антропонимичность»):

а) в личных конструкциях: *Анечка слушает, бледнеет и смотрит на Николая Юрьевича с печалью* (А. Шутский); *Король хохотал* (Ю. Коваль);

б) в безличных конструкциях: *Зато Коноплянникову не сидится – то и дело вскакивает и ненадолго уходит* (А. Волос); *Мне дремлется* (А. Куприн); *На свежем воздухе всем спится лучше* (Г. Зотова);

2) субъект-зооним (в этой функции выступают существительные второго ЛГР, характеризующиеся признаками «одушевлённость» + «неантропонимичность»):

а) в личных конструкциях: *Медвежонок молчал* (С. Козлов);

б) в безличных конструкциях: *Дрожит собака. Нет ей мочи. Не волнуется и не скуляется ей* (П. Антокольский);

3) неодушевлённый субъект (в случае его олицетворения):

а) в личных конструкциях: *Чайник веселится, плюётся паром во все стороны, приплясывает, подпрыгивает и победно грохочет* (Ю. Коваль);

б) в безличных конструкциях: *Лесу не спится под тёплым снежным покрывалом; Сдвинулась Русь матушка, не стоит ей на месте, ходит не находится, говорит не наговорится* (Б. Пастернак).

Отметим, что такой предметный субъект, включаемый в разряд метафор, выступает средством олицетворения и является неотъемлемой частью поэтической речи. *Я сел послушать, как бормочется зелёным иглам на откосах* (Е. Евтушенко).

Безличные конструкции употребляются, если нужно представить действие / состояние неактивного субъекта как совершающееся само собой, происходящее независимо от воли субъекта. Данные конструкции используются в речи для выражения [2]:

1) состояния затруднения или невозможности какой-либо деятельности: *Мужчинам никогда не сидится на месте, и нам, многострадальным их подругам, приходится с этим смиряться* (Н. Воронель); *Люди спят – королю лишь не спится* (А. Пушкин);

2) характера самопроизвольного действия / состояния, обусловленного внешними обстоятельствами: *Они пока не мешали жить, бегалось хорошо* (Н. Амосов); *Мне не сидится в пустом купе, и я часто выхожу в коридор или путешествую в вагон-ресторан...* (О. Волков); *Мне всегда как-то лучше работается за городом, в особенности весной* (М. Булгаков);

3) желания, неподвластного воле и сознанию: *Я даже засмеялась, как он опять затеял ходьбу свою. Ну ходи, раз ходится тебе. Мной-то заплачено* (Н. Сакур); *А что касается того – гуляй, пока гуляется...* (Ч. Айтматов); *Нет, видно, пей, пока пьётся* (В. Шукшин); *Как тебе живётся? Как спалось, как думалось? Спалось хорошо, думалось хуже, - призналась сестра* (В. Белоусова); *А как живётся здесь другим русским художникам?* (Г. Хабаров).

Какой же вывод может сделать из вышеизложенного преподаватель русского языка как иностранного?

Оттенки значения, свойственные таким «конкурирующим» между собой формам, бывает трудно осознать и сформулировать даже носителям русского языка. Иностранцы учащиеся находятся, естественно, в более сложном положении, поэтому на продвинутом этапе обучения следует обращать особое внимание на отличительные признаки и сферы функционирования подобных форм. Задача преподавателя русского языка как иностранного состоит не только в том, чтобы осваивать с учащимися максимальное количество языкового материала, а, главным образом, в том, чтобы развивать у них умение использовать данный материал в речи. Разработка данного теоретического материала направлена на создание специальных упражнений, призванных развить и закрепить данные умения.

Таким образом, рассмотренный теоретический материал является основой для разработки комплекса специальных грамматических заданий различного уровня сложности. Рассмотрим некоторые приёмы, направленные на выработку у учащихся умения различать близкие по значению формы выражения процессуального состояния.

Упражнение 1. Прочитайте примеры. Найдите предложения, в которых выражается неосознанная затруднённость или невозможность деятельности субъекта.

1. Сдвинулась Русь-матушка, не стоит ей на месте, ходит не находится, говорит не наговорится (И. Сухих); 2. Что вы за архангел такой, что вам не живется, не дышится и не сидится так, как обыкновенным смертным? (А. Чехов).

Упражнение 2. Употребите подходящую по контексту конструкцию.

Образец: *Я не пишу – Мне не пишется.* 1) – Извините, я вам не помешала? Вы, кажется, работаете, что-то пишете? – Нет, ... я сейчас отдыхаю. (Нет, я не пишу). 2) – Ну как продвигается ваша статья? – Плохо. Не могу собраться с мыслями, ... что-то ... (Мне не пишется.).

1. *Я не спал – Мне не спалось.* а) – Почему у тебя такой усталый вид? – Я ждал телефонный звонок из Новосибирска и поэтому всю ночь ...; б) – Ночью было душно, лезли в голову разные мысли, и

Упражнение 3. Прочитайте примеры. Найдите безличные предложения, в которых общается о самопроизвольном действии/состоянии субъекта; определите элементы контекста, указывающие на внешние условия, с которыми связано это состояние.

1. Фу, что-то дышится тяжело. Видно, годы свое берут (А. Хайт); 2. Без калош легче дышится, потому что легко ходится, а дыхание связано с темпом ходьбы (Л. Гинзбург).

Упражнение 4. Прочитайте диалоги. Измените структуру выделенных предложений так, чтобы сообщить о характере самопроизвольного действия/состояния, обусловленного внешними обстоятельствами.

Образец: – Сергей! Как ты отдохнул на Юге? – Отлично! *Я очень хорошо жил там среди друзей.* (Мне очень хорошо жилось там среди друзей).

Упражнение 5. Прочитайте предложения. Определите, в каких предложениях речь идёт: а) об активном намерении субъекта что-либо сделать; б) о желании, неподвластном воле и сознанию субъекта.

1. А я долго **не спал**, думая об этом человеке (Ф. Искандер); 2. Позвякивает фляжка на боку, и весело **шагается** полку (В. Аксенов).

Упражнение 6. Замените личные предложения безличными (Трансформируйте личные предложения в безличные):

Образец: *Я всегда хорошо работаю по утрам* – *Мне всегда хорошо работается по утрам.*

Упражнение 7. Трансформируйте безличные предложения в личные.

1) В последнее время ему не спится по ночам. 2. Как вам здесь отдыхается?

Упражнение 8. Прочитайте примеры вопросов об особенностях действия/состояния субъекта.

1. – Ну, как самочувствие? Как **спалось**, как **работалось**, как **отдыхалось**? – Гнусно, отвратно, – пробурчал Лихачев (Г. Марков).

Упражнение 9. Ответьте на вопросы, употребляя безлично-возвратные глаголы (*работать, хотеться, играть, спать, сидеть, петь, читать*).

1) Вы успешно поработали сегодня? 2) Почему вы ни во что не играете? 3) Как вы спали? 4) Вашего брата опять нет дома? 5) Ты spoёшь нам что-нибудь?

Важным моментом знакомства учащихся со способами выражения процессуального состояния является указание на различия в семантических оттенках данных конструкций. Их широкая употребительность определяет необходимость детального ознакомления учащихся продвинутого этапа обучения с грамматическими и функциональными особенностями данных средств. При этом основной задачей является выработка у учащихся умения различать и правильно употреблять в речевых ситуациях предложения различных конструктивных типов.

Библиографический список

1. Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. 328 с.
2. Копров В.Ю. Вариантные формы в русском языке: учебное пособие для иностранных учащихся продвинутого этапа обучения. 2-е изд., испр. М.: «Русский язык». Курсы, 2006. 136с.

References

1. Koprov V.Y. Semantic-functional syntax of Russian language in comparison with English and Hungarian languages. Voronezh: Publisher O.Y. Aleynikov, 2010. 328 p.
2. Koprov V.Y. Variant forms in Russian : textbook for foreign students of the advanced level. 2nd edition, revised. M.: «Russian language». Curses, 2006. 136 p.

УДК 372.881.161.1

*Военный университет (Москва)
Кандидат филологических наук, ст. препода-
ватель кафедры русского языка
Жидкова Ю. Б.
Россия, Воронеж, 8-906-586-27-91;
barabulechka1@rambler.ru*

*Military university (Moscow)
The chair of Russian language,
PhD, senior lecturer Zhidkova J. B.
Russia, Voronezh, 15; 8-906-586-27-91;
barabulechka1@rambler.ru*

Ю.Б. Жидкова

РЕЧЕВАЯ АДАПТАЦИЯ В ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ИНОСТРАНЦЕВ

В данной статье рассматривается вопрос о введении курса речевой адаптации как важном лингвострановедческом аспекте преподавания языка в вузе, адекватного целям и содержанию обучения. При этом наиболее эффективной представляется идея об обучении не просто языку, а развитию диалогической речи в ситуациях повседневного общения. В связи с этим возникает необходимость в ознакомлении иностранцев с национально-специфичными правилами речевого поведения.

Ключевые слова: речевая адаптация, лингвострановедческий аспект, ситуация общения.

J.B. Zhidkova

SPEECH ADAPTATION IN INCLUDES LINGUISTIC ASPECT AT THE INITIAL STAGE OF LEARNING RUSSIAN LANGUAGE FOR FOREIGNERS

This article discusses the introduction of speech adaptation as an important includes linguistic aspect of language teaching in high school, adequate objectives and contents of training. The most effective is the idea about learning not just language and development of dialogic speech in situations of everyday communication. This raises the need to acquaint foreigners with a nationally-specific speech rules of conduct.

Key words: voice adaptation, includes linguistic aspect, the situation of communication.

Взяв во внимание изменившийся статус иностранного языка как средства общения и взаимопонимания в мировом сообществе, современная методика особо подчеркивает необходимость усиления прагматических аспектов изучения языка. Это значит, при обучении будет важно не только достижение качественных результатов в овладении иноязычным общением, но и поиск реального выхода на иную культуру и ее носителей.

Исходя из принципа активной коммуникации, предполагается немедленное использование изучаемых фактов действительности и культуры в целях общения. Поэтому хотелось бы затронуть вопрос о лингвострановедческом аспекте коммуникативных ситуаций социально-бытовой сферы общения на начальном этапе обучения русскому языку иностранцев, поскольку воссоздание в учебном процессе реальных жизненных ситуаций общения способствует эффективности овладения учащимися новой коммуникативной системой и скорейшей

адаптации их к новой социальной и культурной среде, обеспечивает адекватное речевое и неречевое поведение студентов в ситуациях повседневного общения. Лингвострановедческий аспект не только способствует обогащению предметно-содержательного плана языка, так как содержанием его предмета является отбор и систематизация языкового материала с целью выявления в нем национально-культурной семантики.

Лингвострановедение затрагивает существо коммуникативного преподавания языка [1]. Знание невербального и вербального поведения в актах коммуникации носителей русского языка, в обобщенном виде их культуры, расширяет лингвострановедческие фоновые знания учащихся; способствует формированию представлений о реалиях и традициях страны, включению в диалог культур.

Учебный процесс по курсу речевой адаптации организуется так, чтобы активизировать тот речевой и языковой материал, который обеспечил бы коммуникативные потребности студентов в ситуациях повседневного общения, связанные с их будущим пребыванием в России, скорейшим включением учащихся в социально-бытовую и учебно-профессиональную сферы общения. Языковая и коммуникативная основа этих сфер в значительной степени ориентирована на нормы разговорной речи, и поэтому обучение общению в этих сферах на начальном этапе во многом совпадает с обучением устно-разговорному общению в таких речевых жанрах, как микродиалоги, миниатюры, стереотипы, формулы речевого этикета.

Знакомство с правилами речевого поведения начинается, как известно, уже на начальном этапе обучения русскому языку, когда вводятся простейшие речевые формулы, обеспечивающие поддержание контакта с собеседником. Однако глубокое познание законов общения, законов правильного выбора уместных единиц в зависимости от их социолингвистических характеристик при учете всех компонентов ситуации должно преподаваться в течение всего периода обучения русскому языку [2].

В речевом взаимодействии коммуникантов одну из важных регулятивных функций выполняет микросистема языка, называемая речевым этикетом [3]. Выделение национальной специфики речевого этикета, а также учет повседневного узуального речевого поведения, с которым связано и неречевое коммуникативное поведение, требует самого пристального внимания преподавателя, поскольку речевой этикет в целом представляет собой функционально-семантическую универсалию и здесь возможна и лингвистическая (речевая), и поведенческая интерференция [2]. Наиболее частотные и стойкие ошибки допускаются именно в области речевого этикета. Они вызваны несовпадением моделей речевого поведения в этикетных ситуациях в обоих сообществах. В качестве примера поведенческой интерференции, связанной с несовпадением культур, можно привести следующий: в Германии учащийся, опоздавший на урок, не объясняет сразу причин своего опоздания, чтобы не мешать ходу урока. Это необходимо объяснить немецким студентам при подготовке к включенному обучению. Нельзя полностью игнорировать такие высокочастотные бытовые ситуации, как «В магазине», «В банке», «На вокзале», так как в них эсплицитно проявляются стандартизированные нормы социального поведения (в том числе и речевые), определяемые представлением о шаблоне поведения, которое ожидается от человека в данной ситуации, что немало важно для иностранного учащегося. Хотя сведение занятий к обиходно-разговорным упражнениям препятствует овладению русской речью.

Основопологающим для организации занятий в курсе речевой адаптации является понимание процесса обучения как совместной коллективной деятельности преподавателя и учащихся. Поэтому большое внимание нами уделяется коллективным формам работы, под которыми в современной методике понимаются такие приемы обучения, при которых выполнение предлагаемых учебных коммуникативных задач подчинено общей цели и требует кооперации, распределения обязанностей, делового общения самих учащихся на основе учебного материала и включает в себя взаимоконтроль и взаимоответственность [2].

Коммуникативный подход направлен на развитие у учащихся умения практически пользоваться реальным, живым языком и призван обучать не манипулированию языковыми средствами, а осознанному соотнесению этих структур с их коммуникативными функциями. Исходя из этого, нужно превратить занятия в решение реальных (или правдоподобных имитированных) задач общения людей в жизни, в разных видах интеллектуальной и практической деятельности. При этом стараться избегать излишней формализации ситуаций, стремиться к тому, чтобы они вызвали живой интерес учащихся.

Учебный материал курса речевой адаптации организуется по ситуативному принципу на основе отобранных речевых интенций путем проигрывания студентами новых социальных ролей в специально разработанных преподавателем ситуациях. Конечным этапом работы является сюжетная ролевая игра, оценка проделанной работы, замечания, поиски новых решений [2].

Характер начального этапа обучения определяет соотношение способов подачи лингвострановедческой информации учащимся. Существенная часть этой информации поступает к ним не в виде комментариев, справок, сообщений о российском образе жизни, о культуре страны, об особенностях новой системы коммуникации (использование названных жанров ограничено языковыми знаниями учащихся), а непосредственно в виде языковых и коммуникативных единиц, особенностей их употребления, а также в виде конкретных коммуникативных ситуаций, участниками которых становятся учащиеся.

Первый этап работы начинается с введения в ситуацию, сообщаются общие положения о построении диалога, типичного для данной ситуации. Среди коммуникативных ситуаций, требующих выражений речевого этикета, важное место занимают обращение и привлечение внимания. Собеседники могут находиться в контактном и дистантном положении (при обращении по телефону и в письме), что вызывает соответственно устную и письменную формы общения.

Затем следует аудирование. После поэтапного прослушивания серии микродиалогов студенты должны охарактеризовать, исходя из имеющихся знаний, участников диалога по их речевому поведению (с точки зрения возраста, характера их взаимоотношений), а также определить, в каком положении находились собеседники: в контактном или дистантном, т.е. роль первого этапа сводится к вспоминанию и активизации находящегося в пассиве речевого материала.

Подобные диалоги направлены на активизацию речевой деятельности иностранцев, призваны сформировать у учащихся умение определять предмет высказывания, вычленять новую информацию, устанавливать смысловые связи, тождества и различия. При обучении диалогической речи, например, после первичного предъявления звучащего диалога, целесообразно предложить учащимся графически представленные варианты вербальных реализаций интенций, используемых в диалоге [4].

Таким образом, необходимо разрабатывать и использовать в каждодневной работе коммуникативные упражнения, которые дадут возможность создавать ситуации речевого общения, то есть языковую среду [5]. Важно уделять внимание приемам анализа и продукции диалогических текстов. На наш взгляд, иностранцам необходимы хотя бы элементарные сведения о том, как продуцировать диалог, какие шаги для этого необходимы. В качестве отдельных шагов рекомендуется анализ коммуникативных ситуаций, интенций собеседников, коммуникативных приемов и их языковой реализации, включающей употребление стереотипных выражений (на лексическом уровне), эллипсов и опущение прономинального подлежащего (на синтаксическом уровне), а также употребление различных комбинаций реплик в диалогическом единстве.

Второй этап посвящен отработке соответствующих речевых образцов. Здесь большое внимание уделяется страноведческому и лингвистическому комментарию, аспекту социолингвистики и стилистической дифференциации формул речевого этикета, использованию паралингвистических средств коммуникации – жестов, мимики.

Далее следует этап тренировки. Для чтения по лицам предлагаются диалоги с различными заданиями, например, объяснить ситуации, в которых употребляются формы обращений и привлечения внимания, а также использование этих форм. На данном этапе большое внимание обращается на работу тройками, парами. Реальное задание при этом выполняется в жестко заданных рамках. Например, обратитесь к ребенку с вопросом, как его зовут; к преподавателю с просьбой дать вам консультацию (контактное обращение). Или обратитесь по телефону в справочное бюро вокзала, в деканат университета (дистантное общение) и т.д. Затем подводятся итоги.

Следующий этап – этап закрепления, этап переноса сформированных умений на другие ситуации общения. Жесткие рамки тренировки снимаются. Студенты действуют в предложенных ситуациях, свободно используя языковой материал. Ситуации-этюды этого этапа более крупные, обобщенные. На заключительном этапе проводятся сюжетные ролевые игры, так называемые «связанные» ролевые игры и «свободные» ролевые игры. При «связанных» ролевых играх студентам дается сюжет, который они должны самостоятельно разработать. «Свободные» ролевые игры заключаются в том, что после проработки нескольких тематических групп, таких, например, как обращение, приветствие, прощание, пожелание, знакомство, студенты сами разрабатывают сюжет ролевой игры, которая учитывала бы употребление всех названных выше форм речевого этикета. Языковой материал такой ролевой игры – неотъемлемый компонент. И совсем не обязательно, чтобы каждый участник игры знал материал всех других участников, ибо это вносит элемент импровизации в саму ролевую игру. Здесь, конечно, важно, чтобы участники опирались и на знания, приобретенные самостоятельно [2].

Ролевая игра – живой процесс интерпретирования, поэтому невозможно заранее предсказать, как будет протекать игра даже по одному сюжету в разных группах. Поэтому ошибки не исправляются, они незаметно фиксируются для дальнейшей индивидуальной работы.

Хотелось бы отметить тот факт, что очень важно создать на уроке атмосферу доброжелательности, психологическую комфортность, когда удача каждого члена коллектива рассматривается как общий успех, вызвать радость от того, что научился что-то понимать и выражать мысль, а не от того, что выучил столько-то слов или просклонял существительное, проспрягал глагол. Это необходимо учитывать преподавателю, если он стремится к тому, чтобы вызвать искренний интерес к изучаемому предмету.

Отметим, что преподаватель на занятиях по русскому языку дает учащимся возможность представить язык не только как средство коммуникации, но и как источник получения интересной информации. При отборе и построении ситуаций встают вопросы о том, какие именно коммуникативные ситуации оказываются релевантными для иностранных учащихся, какие будут новыми в их опыте, в чем еще кроме языкового оформления, будет заключаться новизна коммуникативных ситуаций, какова ее страноведческая ценность.

В качестве единиц членения коммуникативных сфер в учебном процессе выступают понятия темы и ситуации общения. Каждая учебная тема как единица организации материала раскрывается, во-первых, перечнем тем страноведческого характера для ведения бесед и, во-вторых, набором реальных ситуаций, в пределах которых учащиеся должны владеть диалогической и монологической речью.

Национально-культурное своеобразие страны раскрывается как в самом наборе ситуаций общения, так и в их содержании. Среди знакомых иностранцам ситуаций многие имеют иное содержательное наполнение. Например, праздничные традиции во многих странах отличаются от российских, и, следовательно, отличается и набор ситуаций общения, обслуживающих данные сферы человеческой жизни. В арабских странах во время праздников мужчины традиционно раздают набор тканей своим женам и близким. Арабы испытывают огромное удовольствие, приобретая новую одежду. Возможно, этот душевный подъем есть отражение той радости, когда в древние времена долго ожидаемый караван прибывал к ме-

сту назначения и привозил издалека необыкновенные ткани. Поэтому речевые ситуации, связанные с участием иностранцев в русских праздниках, оказываются для них новыми, страноведчески значимыми.

Содержание ситуации общения раскрывается через ее предметное наполнение, ролевые отношения собеседников, особенности их речевого поведения. Что касается различий в предметном наполнении ситуаций, то хорошо известно, как велико различие в предметных компонентах такой всем знакомой ситуации, как прием гостей. Интересно то, что даже общие для разных народов блюда употребляются ими по-разному. Так, в Судане угощают гостей конфетами, домашними печеньями, финиками и орехами; национальным блюдом в Марокко является ягнятина с овощами и специями, а любимый напиток марокканцев – сладкий мятный чай; в Монголии подают чай с молоком, что свидетельствует об уважении и искренних чувствах хозяев к своему гостю, потому что белый цвет – символизирует чистоту намерений. К чаю подаются также разнообразные молочные продукты – «цаган идэ».

Постоянной социальной характеристикой иностранного учащегося является прежде всего то, что он иностранец. Эта роль накладывает отпечаток на все остальные ролевые характеристики. Для лингвострановедения представляет интерес набор переменных ролей, определяющихся свойствами ситуации, которые играет человек в каждом коммуникативном акте, особенности исполнения ролей в межнациональных ситуациях. Так, например, виды поведения гостя и хозяина в разных странах различны. Церемония угощения является для этой ситуации универсальной. В Индии гостю, едва переступившему порог, прежде всего хозяин обязан предложить стакан воды или сока. У нас это не обязательно, но во время короткого визита у нас принято предлагать чай или кофе. Поведение хозяина в ситуации угощения гостя различается и по степени настойчивости предложений хозяина, и степенью формализованности ритуала. Раскрытие лексического фона при семантизации слов, обозначающих реалии национального быта, поможет иностранцу корректно строить свое поведение в новых условиях, с пониманием и уважением относиться к национальным традициям, как того требует вежливость и роль гостя.

Проблемы национально-культурной адаптации вызывают большой интерес и в зарубежной методике. Исследователи справедливо отмечают, что знание второго языка должно включать в себя нечто большее, чем только грамматическую компетенцию. Коммуникация, по их мнению, может быть эффективной только в том случае, когда студенту доступны социальные и культурные аспекты использования языка и понятны различия между этими аспектами в родном и изучаемом языке.

При рассмотрении лингвострановедческого аспекта языковых средств необходимо учитывать, что на начальном этапе используется в основном базовый языковой материал, ориентированный на определенный объем концептуальных функций, выполняемых любым языком. Однако иерархия и способы осуществления этих функций не являются в различных языках одними и теми же. В области разговорной коммуникации, неразрывно связанной с внеязыковой средой, это особенно очевидно.

Исследователи русской разговорной речи отмечают, что неполные предложения – это норма для диалога. Употребление же полного ответа является отступлением от нормы диалогической речи и привносит в ответную реплику дополнительные стилистические оттенки. Поэтому введение в обучение образцов диалогических единств, отражающих стремление преподавателей натренировать «полную» конструкцию письменного языка в ущерб естественной речи, представляется не оправданным даже на начальном этапе обучения.

Стандартные и вариабельные речевые ситуации, преобладающие в обучении на начальном этапе, предъявляют еще большие требования к естественности речевого поведения. Сильная опора на внеязыковые компоненты в стандартной речевой ситуации, характерная для русской разговорной речи приводит к тому, что внеязыковая ситуация становится обязательным компонентом акта коммуникации, а следовательно учет невербальных средств коммуникации совершенно необходим при построении образцов этого типа общения. Дума-

ется, что неполные конструкции разговорного синтаксиса должны вводиться на начальном этапе не грамматическим, а лексическим путем как прикрепленные к определенным реальным ситуациям.

Страноведческий потенциал релятивных единиц разговорной речи, даже не обнаруживающих очевидной и однозначной связи с внеязыковой действительностью, косвенно свидетельствуют об определенных нормах социального взаимодействия, принятых в различных странах. А сам язык со всеми его единицами может рассматриваться как специфический продукт социального взаимодействия, во многих отношениях изоморфной социальной организации общества, как явление культуры, дающее богатейший материал для лингвострановедческого анализа.

Итак, для речевой адаптации на начальном этапе обучения русскому языку иностранцев необходимо выделить функционально-семантическую микросистему стереотипных единиц, призванную помочь учащемуся в осуществлении общения. В эту микросистему должны войти национально-специфические устойчивые формулы общения, предписанные обществом для установления контакта с собеседником, поддержания общения в избранной тональности. Овладение такими знаниями необходимо не только для адекватного общения и взаимопонимания в межнациональной коммуникации, но и для получения представления о национально-культурных особенностях (менталитете) народа-носителя языка.

Библиографический список

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: «Русский язык», 1983. 269 с.
2. Сичкарк А.Н. Преподавание русского речевого этикета в вузе и школе // Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Воронеж, 1994. С. 125-135.
3. Сичан Л. Русский речевой этикет в прагматическом и лингвострановедческом аспектах с точки зрения носителя китайского языка: дис. канд. филол. наук. М., 2001. 174 с.
4. Клобукова Л.П., Михалкина И.В. Проблемы обучения аудированию в зеркале реальной коммуникации // Мир русского слова. 2001. №3. С. 104-109.
5. Аманулла З. Трудности обучения аудированию русской речи китайских студентов и пути их преодоления // Русский язык за рубежом. 2007. №5. С. 39-44.

Referens

1. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Language and culture: Includes Linguistic in teaching Russian as a foreign language. M.: «Russian language», 1983. 269 p.
2. Sichkarek A.N. The teaching of Russian speech etiquette in high school, and school // Includes Linguistic in teaching Russian as a foreign language. Voronezh: the pub. VGU, 1994. P. 125-135.
3. Sichan L. Russian speech etiquette in a pragmatic and includes linguistic aspect from the point of view of Chinese language media: the thesis Cand. PhD. n. M.: 2001. 174 p.
4. Klobukova L.P., Mikhalkina I.V. The problems of teaching listening in the mirror of real communication // The world of Russian words. 2001. № 3. P. 104-109.
5. Amanulla Z. The difficulties of teaching listening russian speech to Chinese students and ways to overcome them // Russian language abroad. 2007. №5. P. 39-44.

УДК 801.3

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Аспирант кафедры дидактической лингви-
стики и теории преподавания русского языка
как иностранного Потёмкина Е.В.
Россия, г. Москва, тел.: +7(925)021-77-45;
e-mail: kpisareva@yandex.ru*

*M.V. Lomonosov Moscow State University
The chair of didactic linguistics and theory of
teaching Russian as a foreign language,
postgraduate Potemkina E.V.
Russia, Moscow, tel.: +7(925)021-77-45;
e-mail: kpisareva@yandex.ru*

Е.В. Потёмкина

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ КАК ЕДИНИЦА ФОРМИРОВАНИЯ КОГНИТИВНОГО УРОВНЯ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В статье описывается существующий подход в описании прецедентных текстов в лингвистике и, уже, методике преподавания русского языка как иностранного. Прецедентный текст рассматривается как единица когнитивного уровня в рамках концепции языковой личности. Поднимается вопрос о принципах отбора прецедентных текстов для включения их в лексический минимум по РКИ. Рассматриваются методические аспекты преподавания прецедентных текстов в иноязычной аудитории.

Ключевые слова: языковая личность, прецедентный текст, русский язык как иностранный, интертекстуальность, ассоциативная связь

E.V. Potemkina

PRECEDENT TEXT AS A UNIT OF COGNITIVE LEVEL OF SECONDARY LANGUAGE PERSONALITY

The paper describes the current approach in the description of precedent texts in linguistics and more precisely, in the methods of teaching Russian as a foreign language. Precedent text is considered as a unit of the cognitive level in the theory of linguistic personality. The issues of the principles of precedent texts selection for inclusion it in the lexical minimum of Russian as a foreign language is raised. Methodical aspects of teaching precedent texts in a foreign audience are considered.

Key words: language personality, precedent text, Russian as a foreign language, intertextuality, associative connection

«Человек живет в мире текстов» [1], который для каждой языковой среды характеризуется набором своих типологических особенностей. Как писал Ю.М. Лотман, «культура – это сложно устроенный текст, распадающийся на иерархию текстов в текстах, образующий их сложные переплетения» [3]. В процессе своего формирования всякая языковая личность (ЯЛ) впитывает в себя значительный объем накопленных знаний, становится звеном в цепи образования общего культурно-текстового фонда. Данный феномен имеет принципиальное значение для методики обучения иностранным языкам и, в частности, методики обучения русскому языку как иностранному (РКИ).

Принято считать, что высшей целью изучения иностранного языка является формирование способности его «чувствовать». Преподаватель не может напрямую повлиять на достижение этой цели, так как данная способность имеет в большей степени бессознательную природу, однако в методике преподавания иностранных языков разработаны косвенные методы, позволяющие в некотором смысле управлять данным процессом. Один из них связан с понятием «прецедентный текст», которое в данной работе рассматривается как единица тезауруса ЯЛ и, соответственно, как единица формирования вторичной (русской) ЯЛ иностранных учащихся (ВТЯЛ).

Роль прецедентного текста (ПТ) в методике преподавании русского языка как иностранного

Реципиент извлекает из текста имплицитный смысл в зависимости от имеющихся у него знаний. Сбой коммуникации поэтому возможен в том случае, если говорящий и слушающий (автор и читатель) имеют различную когнитивную базу и связанный с ней ассоциативный фон. По мнению американского лингвиста Хирша, успех коммуникации зависит от общности ассоциаций (*shared associations*), которые являются основой для развития «чувства информации» (*sense of information*). «Быть полноценным членом какой-либо культуры – значит усвоить чувство информации» [7]. В рамках методики преподавания иностранного языка решение этой задачи видится в использовании данных ассоциативных экспериментов. Однако, как отмечает Н.В. Смыктунова, «научить инофона строить высказывание на другом языке с использованием ассоциативного фона вряд ли возможно – можно лишь определить те отрезки текстовой деятельности, где может произойти сбой коммуникации» [6]. В нашем случае такими отрезками являются ПТ.

Термин «прецедентный текст» (от *лат. praecedens* – предшествующий) был впервые введен в научную практику Ю.Н. Карауловым в докладе «Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности» на VI Международном конгрессе преподавателей русского языка и литературы в 1986 году и в настоящее время активно используется многими исследователями (Н.Д. Бурвикова, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.Г. Костомаров, В.В. Красных, И.М. Михалева, Ю.Е. Прохоров, Г.Г. Слышкин, Ю.А. Сорокин, А.Е. Супрун и др.). Сам термин «прецедентный текст» в настоящий момент включен в терминологическую парадигму – «прецедентное высказывание», «логоэпистема», «прецедентная текстовая реминисценция», «прецедентный феномен» и др. В данной работе мы будем использовать самый общий термин *прецедентный текст*, так как в методике преподавания иностранного языка принципиальной является не столько типология, сколько способ включения прецедентных единиц в тезаурус ВТЯЛ.

По определению Ю.Н. Караулова, прецедентными являются тексты, хорошо известные той или иной языковой личности, неоднократно и на протяжении длительного времени используемые ею в речи в силу своей познавательной и эмоциональной значимости. В речи в результате действия принципа экономии ПТ чаще всего представлены в свернутом виде – словом или сверхфразовым единством, отсылкой к соответствующему тексту. Под текстом в данном случае понимается довольно широкий круг феноменов – литературное произведение, картина, песня, анекдот, реклама, фильм, историческое событие и др. Объединяющим фактором при этом является связь с историко-культурным контекстом. «Прецедентные тексты можно было бы назвать хрестоматийными в том смысле, что если даже они не входят в программу общеобразовательной школы, если даже их там не изучали, то все равно все говорящие так или иначе знают о них, – прочитав ли их сами или хотя бы понаслышке. Знание прецедентных текстов есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре, тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры» [1].

В рамках концепции Ю.Н. Караулова ПТ является единицей ценностно-иерархизированного дерева тезауруса ЯЛ. Наряду с концептом, метафорой, фреймом, мнемой и др. единицами ПТ призван в имплицитном виде представить узловые соединения дан-

ной системы. Частотность использования ПТ и умение использовать их в соответствии с коммуникативными целями являются важными показателями при характеристике ЯЛ. Являясь единицей когнитивного уровня, ПТ отвечает за развитие социокультурной, страноведческой и предметной компетенций. Знание ПТ является важнейшим условием формирования языковой способности формулировать те или иные выводы на основе создававшейся ситуации. Другими словами, осваивая прецедентные тексты, учащиеся учатся «думать по-русски».

Данное понятие тем более актуально для современной методики преподавания РКИ, что приметой развития современного русского дискурса принято считать рост его интертекстуальности – употребление в речи пословиц, поговорок, афоризмов, крылатых слов, прецедентных имен осмысливается уже не как «украшение» речи, но как социокультурный феномен. По мнению Г.Г. Слышкина, современная отечественная культура не склонна к текстопорождению. «Дискурс как никогда наполнен разными по степени эксплицитности фрагментами и оценками чужих текстов» [5]. Отметим также, что для русского менталитета всегда большое значение имела историко-литературная память, поэтому обращение к ПТ может рассматриваться как одна из существенных особенностей проявления русской ЯЛ.

Прецедентный текст в структуре ВТЯЛ

Термин «интертекстуальность» был введен в 1967 году теоретиком постструктурализма Ю.А. Кристевой. Суть данного понятия состоит в том, что новые акты творчества совершаются на основе ценностей той традиции, из которой они возникают и которую имеют целью обновить. Благодаря интертекстуальности создается глобальная связность между текстами, а конкретный текст оказывается звеном в цепи культурного общения людей. Основываясь на теории интертекстуальности, можно предположить, что тексты, созданные в рамках одного культурно-лингвистического сообщества, существуют внутри единой текстовой концептосферы и имеют в смысловом отношении типологические особенности, изучение которых ведет к выявлению типологических особенностей соответствующей ЯЛ. Как отмечает Ю.Н. Караулов, ПТ не являются декорумом в организации ЯЛ. Изучив инвариантный (хрестоматийный) корпус ПТ, мы получим систему прагматических критериев и оценок, с которыми ЯЛ подходит к жизненным ситуациям и коллизиям, а соответственно, и совокупность мотивов, определяющих ее жизненную позицию и образ действий [1].

Необходимо отметить, что ПТ формируется внутри вербально-семантического и когнитивного уровней ЯЛ (их понимание невозможно без знания соответствующих лексических единиц и стоящих за ними историко-культурного контекста), однако функционирует ПТ на мотивационном уровне ЯЛ. Отсылка к ПТ ориентирована не на прямое сообщение какой-либо информации, а обусловлена доминирующими целями, мотивами, ситуативными интенциями ЯЛ, т.е. несет в себе прагматическую направленность. По словам Ю.Е. Прохорова, являясь «принадлежностью прагматикона некоторой этнокультурной языковой личности, прецедентный текст может быть использован в общении, так как подразумевает аналогичное его наличие у другой личности» [4].

Функции ПТ в дискурсе ЯЛ

Использование ПТ носит ассоциативный характер. Например, какая-либо ситуация общения соотносится с некоторой прецедентной ситуацией и, соответственно, становится стимулом, реакцией на который и является воспроизводство соответствующего ПТ. В процессе коммуникации использование ПТ служит прежде всего следующим целям: это критерий оценки и сравнения, т.е. использование в экспрессивной (или людической) функции (*маловато будет; может быть, тебе еще дать ключ от квартиры, где деньги лежат?; ты, Зин, на грубость нарываешься*), аргумент в дискуссии – персуазивное использование (*от каждого, как говорится, по способностям; поскольку плохой погоды, как поется в песне, не бывает*), подтверждение принадлежности партнера коммуникации к одному и тому же речевому коллективу или социально-культурному слою – использование в парольной функции, а также способ самооценки – рефлексивное использование.

Мы будем рассматривать ПТ в качестве единицы тезауруса ВТЯЛ с учетом двух задач: разработки лингвометодических критериев отбора ПТ и методических аспектов преподавания ПТ в иноязычной аудитории.

Принцип отбора ПТ, используемых в речи ЯЛ

В настоящее время в интернет-сети появляется все больше тестов на «русскость». Подобные тесты направлены прежде всего на выявление знаний или незнаний человека в области прецедентных текстов. Так, например, тест, опубликованный журналом «Коммерсантъ ВЛАСТЬ» в 2006 году (<http://www.kommersant.ru/k-vlast/vlast-test.asp>), включает в себя такие единицы, как *же не манж на сис жур, рукописи не горят, счастье – это когда тебя понимают, сообразим на троих, а мы тут плюшками балуемся, не тормози – сникерсни; я ужас, летящий на крыльях ночи* и др. Хотя подобные тесты не являются в полном смысле лингвистическими, они отражают представления о когнитивном уровне русской ЯЛ в наивной картине мира носителей русского языка. Попытка дать подобный тест иностранным учащимся даже продвинутого этапа обучения РКИ оборачивается, как правило, неудачей. За редким исключением учащиеся даже не догадываются о существовании прецедентных текстов, отсылки к которым, однако, довольно часто используются в речи современных носителей русского языка. Так, например, по результатам проведенного Н.В. Смыктуновой (в рамках диссертационной работы «Прецедентные феномены в речевом общении русской языковой личности и процессе обучения русскому языку как иностранному», 2003) пилотажного опроса иностранных преподавателей-русистов из Китая, Югославии, Черногории, Сербии, Венгрии, Польши, Египта (всего около 200 человек), направленного на выявления их знаний в области ПТ, оказалось, что из 200 анкет только 23 анкеты, заполненные преподавателями из Черногории, содержали правильные ответы. Остальные анкеты остались незаполненными или содержали неправильные ответы (например, *восток – дело таинственное/дело социализма*), хотя опыт преподавательской работы некоторых опрошенных составлял 30 лет.

Данный опрос лишний раз доказывает, что, хотя текст традиционно является одной из основных единиц обучения РКИ, существующие в настоящее время в учебном процессе материалы не дают достаточно полного представления о корпусе ПТ, используемых в речи русской ЯЛ. Это происходит, в частности, из-за того, что современные лексические минимумы по РКИ в целом не включают в себя единицы когнитивного уровня ЯЛ. На наш взгляд, задача методики преподавания иностранного языка (в том числе РКИ) состоит в разработке соответствующих лексических минимумов и программ обучения, что позволит в значительной степени систематизировать культурологический компонент обучения языку.

Отметим, однако, что в основу концепции ЯЛ Ю.Н. Караулова положена идея хранения единиц знания в виде ценностно-иерархизированной системы понятий, существующей на базе ассоциативно-вербальной сети. Основываясь на этой идее, Н.В. Смыктуновой был предложен метод отбора прецедентных текстов с использованием данных Русского Ассоциативного Тезауруса (РАТ). Насчитывая около 3 миллионов единиц, РАТ характеризуется тем, что 1) в нем зафиксированы типичные, легко воспроизводимые синтагматические связи слов, на которых строится высказывание, и тем, что 2) в нем представлены не линейные, а гипертекстуальные связи слов, что отвечает механизмам функционирования единиц, отсылающих к прецедентным текстам.

Предложенный метод выявления прецедентных единиц заключается в следующем. Н.В. Смыктуновой использовались единицы, представленные в лексическом минимуме РКИ (I сертификационный уровень. Общее владение); примерно 60% из них нашли отражение среди слов-стимулов РАТ. Из общего количества реакций, полученных в результате ассоциативной связи цитирования, количество прецедентных единиц составило 341 (например, *автомобиль/машина – автомобиль не роскошь, а средство передвижения, война – «Война и мир», восток – восток, дело тонкое, надо – надо, Федя, надо* и др.). Прецедентные имена составили 10% из них (*няня – Арина Родионовна, красный – Красная Шапочка, крестьянин – Сусанин* и др.). В результате проведенного сопоставительного анализа автор получил список

ПТ, потенциально входящих в тезаурус ВТЯЛ иностранных учащихся, изучающих русский язык.

На наш взгляд, данный метод имеет ряд недостатков. Так, например, для выявления корпуса прецедентных текстов, включаемых в современную программу по РКИ, автор не совсем правомерно использовала материалы, опубликованные в 1994 году (Русский ассоциативный словарь). Кроме того, автор не учел, что информантами при проведении ассоциативного эксперимента были почти исключительно московские студенты. Несмотря на отмеченные недостатки, сама «логика» отбора единиц кажется нам весьма продуктивной. Использование результатов ассоциативных экспериментов может стать прочной основой при разработке методов отбора единиц когнитивного уровня ЯЛ.

Методические аспекты обучения ПТ в иноязычной аудитории

В рамках исследования, посвященного изучению ПТ, Н.В. Смыктунова отмечает, что в настоящее время данные единицы последовательно включены в содержание учебного материала только в одном пособии – «Москва... Россия... речь и образы. Корректировочный курс по русскому языку и культуре» (В.В. Воробьев, В.В. Дронов, Г.В. Хруслов, под. ред. В.Г. Костомарова, 2002). В разделе данного пособия «На всех московских есть особый отпечаток. Афоризмы Грибоедовской Москвы» авторы рассматривают прецедентные высказывания из пьесы А.С. Грибоедова «Горе от ума», отмечая, что правильное употребление строк из данного ПТ является одним из признаков высокого уровня владения русской речью. Кроме того, в разделе ««Он русский. Это многое объясняет...». Афоризмы любимого кино» авторы не только перечисляют, но и дают толкование прецедентных высказываний из кинофильмов. На наш взгляд, сопровождение прецедентных единиц лингвокультурологическим комментарием является наиболее продуктивной моделью представления данного материала в иностранной аудитории. При этом такой комментарий должен соотноситься с уровнями ЯЛ, т.е. объяснять вербально-семантический, когнитивный и прагматический аспекты использования соответствующей единицы.

Первичной целью изучения прецедентных единиц является формирование навыков узнавания и правильного понимания смысла высказывания, включающего их. Как отмечает Н.В. Смыктунова, работа с ПТ на уроке включает в себя следующие шаги: 1) предъявление единицы, объяснение значения; 2) знакомство с текстом-источником, описание ситуации-источника; 3) употребление ПТ в типовой ситуации. При этом «знакомство с текстом/ситуацией-источником может происходить через непосредственное чтение первоисточника или его фрагментов, или посредством применения визуальных, аудитивных и аудиовизуальных средств обучения» [6]. В зависимости от типа ПТ в основе объяснения его значения будет лежать соответствующий концепт, образ или фрейм.

Употребление ПТ в речи отрабатывается в процессе выполнения типовых языковых и предречевых упражнений «сложите фразу из слов», «закончите фразу», «вставьте слово», «скажите по-другому» и т.п. и в процессе выполнения речевых упражнений типа «составьте диалог», «напишите небольшой рассказ» и др.

Приведем пример задания, направленного на корректировку навыков и умений, связанных с распознаванием и употреблением в речи иностранных учащихся ПТ.

Найдите соответствие прецедентного текста, его автора и ситуации употребления. Составьте диалоги, используя данные прецедентные тексты.

Умом Россию не понять... в Подпись к плакату 1941 г.
 Россию можно только верить
 Учиться, учиться и еще раз учиться!

В ситуации неразберихи, путаницы

В ситуации, когда речь заходит о слишком почтенном или слишком юном возрасте влюбленных

Любви все возрасты покорны	В.И. Ленин	В ситуации, когда кто-то говорит о своей невинности, оправдывается
Все смешалось в доме Облонских	В.С. Черномырдин, политик	Замечание излишне говорливому человеку
Хотели как лучше, а получилось, как всегда	Пионерский девиз	В разговоре о неизменных проблемах России, о ее самобытности
Не виноватая я, он сам пришёл!	Роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина»	Когда что-либо не получилось или получилось хуже, чем предполагали
Болтун – находка для шпиона	Стихотворение Ф.И. Тютчева	Выражение готовности сделать что-либо
Будь готов! – Всегда готов!	Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»	В разговоре о пользе образования

Отметим, что знакомство учащихся с понятием ПТ отвечает принципу сознательности в процессе изучения иностранного языка. Кроме того, подобные задания способствуют развитию у учащихся навыков межкультурного общения (например, интересно предъявление и толкование таких ПТ русского дискурса, как *шерше ля фам*, *финита ля комедия*, *сальто мортале*, *хенде хох* и др.).

В рамках нашего исследования иностранным учащимся (филологи, продвинутый этап) было предложено выполнить следующее задание:

Приведите пример прецедентного текста из своего родного языка. Опишите правила использования его в речи. Работая в парах, составьте предложения, используя прецедентный текст, описанный вашим собеседником.

Приведем примеры прецедентных текстов, использованных учащимися, и их толкования:

1. *Народ ведь знает!* (финск.) – используется по отношению к какой-либо большой группе людей, совершающей ошибку, глупость;

2. *Где товарищ ГДР-овец совершил ошибку?* (чешск.) – из фильма «Рейнльк» («Уютные норки»), используется в ситуации какой-либо неудачи, просчета;

3. *Даю большевику год, максимум два* (чешск.) – из фильма «Рейнльк» («Уютные норки»), используется в ситуации, когда чьи-либо действия расцениваются как непродолжительные;

4. *В самом начале на земле не было пути. Там, где прошел человек, путь появился.* (кит.) – цитата из рассказа ЛуСина, используется для подбадривания кого-либо;

5. *Ты такой Хиляри!* (польск.) – прецедентное имя из детских стихотворений, используется по отношению к рассеянному, невнимательному человеку, который никак не может найти какой-либо предмет, находящийся рядом с ним;

6. *Качка-Дзивачка* (польск.) – прецедентное имя из детских стихотворений, используется по отношению к человеку, который странно себя ведет;

7. *Милое* (болг.) – прецедентное имя из молодежного сериала («Он и Она»), используется как шутовское обращение между мужем и женой (вместо *милая/милый*).

Рассматривая ПТ как единицу обучения РКИ, следует отметить, что использование ее на занятиях формирует положительную мотивацию в изучении русского языка и культуры (возможно, студент захочет более подробно познакомиться с источниками ПТ). Использование ПТ привносит элемент игры и сопровождается позитивным эмоциональным компонентом.

Включение ПТ в программу обучения РКИ и, соответственно, создание лексического минимума, который бы отражал когнитивную базу русской ЯЛ, могло бы стать важным шагом в развитии методики преподавания РКИ. К прецедентным относятся те тексты, которые десятилетиями служат основой обучения, аккультурации ребенка в школе. Эти тексты составляют костяк фоновых знаний носителей языка, поэтому умение использовать ПТ адекватно своим коммуникативным целям, равно как и способность правильно воспринимать и соотносить ПТ с коммуникативным замыслом говорящего, является одним из показателей сформированности ВТЯЛ.

Библиографический список

1. Караулов Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы: доклады советской делегации на VI Конгрессе МАПРЯЛ. М.: Русский язык, 1986. С. 105–126.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2007. 264 с.
3. Лотман Ю.М. Семиотика. СПб, 2001. С. 72.
4. Прохоров Ю. Е. Методические проблемы роли и места национальных социокультурных стереотипов речевого общения в организации и содержании процесса преподавания русского языка как иностранного // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М.: «Филология» 1996. С. 5–20.
5. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000. 141 с.
6. Смыкунова Н.В. Прецедентные феномены в речевом общении русской языковой личности и процессе обучения русскому языку как иностранному: дисс. ... канд. пед. наук. М., 2003. 228 с.
7. Hirsch E.D. Culture Literacy what Every American Needs To Know. N.Y. Random House, Inc. 1988. 254 p.

References

1. Karaulov U.N. The role of precedent texts in the structure and functioning of the language personality // Scientific traditions and new trends in teaching Russian language and literature: Reports of the Soviet delegation at the VI Congress of International Association of Teachers of Russian Language and Literature. M., 1986. P. 105–126.
2. Karaulov U.N. The Russian language and language personality. M., 2007. 264 p.
3. Lotman U.M. The Semiotics / U. M. Lotman. SPb, 2001. P. 72.
4. Prohorov U.E. Methodological issues of the role and place of the national socio-cultural patterns of verbal communication in the organization and content of teaching Russian as a foreign language. Cognitive issues of intercultural communication. M., 1996. P. 5–20.
5. Slyshkin E.E. From text to symbol: Lingvocultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse. M., 2000. 141 p.
6. Smyktunova N.V. Precedent phenomena in a verbal communication of Russian linguistic personality and in a process of teaching Russian as a foreign language. Thesis for the degree of PhD on Pedagogical sciences. M., 2003. 228 p.
7. Hirsch E.D. Culture Literacy what Every American Needs To Know. N.Y. Random House, Inc. 1988. 254 p.

УДК 808.2(1-87):371.32

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Ревякина Т.Л.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473) 271-50-48*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-cultural communication,
PhD, associate professor Revyakina T. L.
Russia, Voronezh, tel. +7(473) 271-50-48*

Т.Л. Ревякина

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ КАК ОСНОВНОЕ УСЛОВИЕ ПОДГОТОВКИ ВОЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ВЫСОКОГО УРОВНЯ

В статье рассматривается актуальная проблема совершенствования преподавания русского языка как иностранного в высших военных учебных заведениях, обусловленная современным развитием общества, которое предъявляет к специалистам требования высокого уровня профессионализма. Также предлагаются рекомендации, позволяющие оптимизировать процесс обучения иностранных военнослужащих.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, преподавание, военные специалисты, текстотека, спецкурс, семантизация лексики.

T. L. Revyakina

PERFECTION OF TEACHING RFL AS MAIN CONDITION OF MILITARY SPECIALISTS EDUCATION

The article sites the problem of perfection of teaching Russian as a foreign language in higher military education establishments. The problem takes roots in the development of society and high level of professional demands in it. Some recommendations are also given.

Key words: Russian as a foreign language, military specialists, collection of texts, minor course, lexical semantisation.

Интеграция России в мировое образовательное сообщество, вхождение в систему международного информационного и коммуникационного пространства, расширение сфер международного сотрудничества создает предпосылки для качественного обновления процесса обучения иностранцев русскому языку с учетом международных традиций образования. Развитие научной мысли как в языкознании, так и в лингводидактике предопределяет иную образовательную ситуацию, которая характеризуется рассмотрением проблем обучения в широком контексте диалога культур и антропоцентрической парадигме образования.

Образование в вузах России, в том числе и военных, представляет собой процесс, направленный на достижение конечного результата, который выражается в сформированности готовности студентов и курсантов к их будущей профессиональной деятельности.

Современное развитие определяет потребность общества в специалистах, нацеленных на постоянное самосовершенствование, а также обладающих высоким уровнем профессионализма.

При этом профессионализм включает в себя целый комплекс уровней его организации (биологический, психический, социальный, духовный), что дает право рассматривать профессиональную деятельность в пространстве общей культуры. Взаимозависимость профессиональных достижений и разностороннего интеллектуального развития очевидна и объяс

няется единством личности – органической взаимосвязью ее физических, психических, духовных систем и взаимодействием общих и специальных навыков и умений.

Преподавание русского языка как иностранного имеет целью дать обучаемым основные сведения о современном русском литературном языке, его важнейших фонетических особенностях, словарном составе и грамматическом строе; выработать навыки, умения, необходимые для свободного пользования языком в его устной и письменной формах.

Обучение русскому языку как иностранному имеет свои особенности, отличающие его как от овладения родным языком, который усваивается в раннем возрасте неосознанно и стихийно, так и от обучения другим общеобразовательным и специальным дисциплинам. Усвоение иностранного языка не дает человеку непосредственных знаний о реальной действительности. Овладение средствами изучаемого языка (его лексикой, грамматикой, фонетической системой) – это лишь одна из сторон изучения иностранного языка. Главное – для чего эти средства будут использоваться в будущей профессиональной деятельности.

Другое отличие иностранного языка как учебного предмета заключается в его беспредельности, т.е. отсутствии границ в овладении языком. Беспредельность языка вынуждает преподавателей стремиться к ограничению объема изучаемого языка, достаточного для его практического применения с учетом потребностей обучающихся. Так, владение 2000 лексических единиц считается вполне достаточным для понимания 75% любого иноязычного текста. В результате создаются языковые минимумы для разных этапов и профилей обучения.

Таким образом, отличительными особенностями учебного предмета «Русский язык как иностранный» считаются следующие:

- язык является одновременно и целью и средством обучения (в частности, средством получения специальности на изучаемом языке);
- в отличие от родного языка, усвоение которого идет неосознанно и интуитивно (путь «снизу вверх»), усвоение иностранного языка осуществляется осознанно и намеренно (путь «сверху вниз»);
- изучение языка сводится к овладению новыми способами выражения мыслей;
- учитывается опыт овладения родным языком;
- в качестве ведущей рассматривается практическая цель обучения, направленная на овладение языком как средством общения и приобретения умений, необходимых для успешного владения языком.

Обучение иностранных военнослужащих в российских учебных заведениях имеет определенную специфику, связанную как с общей подготовкой, так и с необходимостью овладения русским языком как средством усвоения профессиональных дисциплин.

С целью совершенствования преподавания РКИ в системе подготовки иностранных военнослужащих представляется возможным предложить следующие рекомендации.

1. Создание каталога текстов (текстотеки).

В середине 90-х годов XX века была обозначена такая система построения учебного процесса в группах иностранных учащихся, когда текст выступает высшей единицей обучения. В настоящее время это теоретическое положение реализуется в ряде учебных пособий, ориентированных на обучение языку специальности. В то же время данная проблема нуждается в дополнительной разработке применительно к обучению в военных вузах. Коммуникативные потребности обучаемых в военном вузе диктуют необходимость привлекать в качестве единиц обучения весьма специфический текстовый материал. Следовательно, существует необходимость создания так называемой текстотеки.

Современная методическая наука предъявляет к текстотеке любого учебного курса определенные требования, обусловленные коммуникативно-деятельностным подходом к процессу обучения. В частности, текстотека должна быть функциональной, адекватной и представительной. Текстотека функциональна, если для каждого материала из каталога текстов можно назвать задачу из коммуникативного минимума, которую данный материал ил-

люстрирует; адекватна, если содержит языковой и речевой материал, необходимый и достаточ

ный для решения той или иной задачи коммуникативного минимума; представительна, если материалы из каталога текстов аутентичны по форме и содержанию.

Состояние современных информационно-коммуникативных технологий позволяет использовать сегодня в качестве высшей единицы профессионально ориентированного обучения русскому языку иностранных обучаемых аутентичный, неадаптированный, актуальный научный текст (с точки зрения коммуникативных потребностей обучаемых по той или иной специальности) значительного объёма. В качестве основы для классификации достаточно объемного текстового материала предлагаются разные критерии: функционально-семантический тип текста, семантическая классификация тем текста (тексты о предметах, процессах, о связях и отношениях) или тип его коммуникативной организации.

Во всех учебных заведениях ведется работа, направленная на создание каталога научных текстов по специальностям в рамках определенного вуза.

2. Введение спецкурсов, позволяющих минимизировать культурные, исторические, конфессиональные особенности при переходе к совместному обучению российских и иностранных военнослужащих.

Основная цель обучения иностранных граждан в вузах России формально совпадает с целью обучения российских граждан – формирование необходимых профильных профессиональных знаний, умений и навыков. Иностранные граждане изначально другие по всем аспектам коммуникации. Это нужно принимать как данность, не подлежащую быстрым изменениям. Особенности и отличия инофонов не нужно оценивать с позиций «хорошо» или «плохо», а воспринимать как факт, при этом собственное субъективное отношение нельзя класть в основу формирования отношения к данной национальности или ко всем иностранцам в целом.

Культура современной России базируется на сложившейся традиционной русской культуре. Все экономические и политические преобразования, через которые проходит любая страна, воздействуют на ее культуру и, в частности, на менталитет ее жителей как своего рода фильтры временного действия. Во время каждого исторического сдвига акцентируется один набор приоритетов и ценностей, тогда как остальное их множество временно переходит в латентное состояние, чтобы снова активизироваться уже в другом историческом контексте. Подобная смена приоритетов не свидетельствует о нарушениях целостности и единства российской культуры как стабильной системы. За последние десятилетия в нашей стране сформировалось множество субкультурных образований (возрастных, профессиональных, социально-имущественных, гендерных и т.п.), каждое из которых культивирует свои ценности, нормы, внешние поведенческие стандарты. Но содержательные различия всех этих субкультур имеют скорее внешний, формальный характер, так как каждое из них основано на общенациональной культурной базе или, имея иностранные корни, быстро адаптируется к русским культурным традициям. Российская культура и российская ментальность – сложные и многоплановые явления, адекватно понять и принять которые иностранец может только через изучение русского языка и формирование русской языковой картины мира.

Специфика обучения иностранных граждан заключается в том, что они не могут воспринимать профильную информацию «напрямую» от русскоязычного преподавателя, и, соответственно, нуждаются в формировании механизмов, обеспечивающих возможность адекватного по содержанию и нормального по форме включения в учебный процесс. Данные механизмы вырабатываются с помощью изучения историко-ментальных, конфессиональных особенностей развития страны и региона, основам речевого этикета, правилам бесконфликтного общения. Иными словами, возникла необходимость давать иностранным гражданам не только лингвистические знания, но и предоставлять им необходимую информацию об особенностях коммуникативной культуры поведения и общения, существующей в нашей

стране, поскольку неверное толкование слов и действий собеседника может повлечь за собой неадекватные речевые и поведенческие реакции. Особенно актуальна данная проблема при переходе к совместному обучению российских и иностранных военнослужащих. Следовательно, с целью минимизации межкультурных барьеров возникает необходимость в рамках изучения русского языка уделять большее внимание таким спецкурсам, как «Страноведение», «Культурология», «Основы межкультурной коммуникации».

3. Создание специальных словарей с целью семантизации лексики.

Обучение лексике является важной и неотъемлемой составляющей обучения любому иностранному языку. Лексика в системе языковых средств является важнейшим компонентом речевой деятельности: аудирования и говорения, чтения и письма. Через лексику реализуется принцип необходимости самовыражения личности в процессе коммуникации. Это определяет ее важное место на каждом занятии по иностранному языку, и формирование лексических навыков постоянно находится в поле зрения преподавателя. При обучении любому иностранному языку необходимо изучать лексику, так как именно лексика, взаимодействуя в речи с грамматикой и фонетикой, является ведущим средством речевого общения в устной и письменной формах. Лексика неразрывно связана с грамматической системой языка, одно без другого не существует, и лексика оказывает огромное влияние на грамматику. Обучение лексике – это не просто заучивание новых слов, а усвоение имеющихся между ними в языке фонетических, грамматических, смысловых и ассоциативных связей.

Именно слово выражает комплекс значений, принадлежащих к разным уровням языка, поэтому, овладевая словарным составом, обучаемые постигают одновременно организованную совокупность звуковых явлений, совокупность морфем, совокупность лексических и грамматических значений.

В преподавании лексики иностранного языка важную роль играют способы семантизации, которые постоянно совершенствуются в методике преподавания. Семантизация – процесс раскрытия значения слова. Выбор способа семантизации в каждом отдельном случае определяется характером слова, этапом обучения и уровнем обученности. В методике существует определенный арсенал средств и способов семантизации, при помощи которых раскрытие значения изучаемых лексических структур и их осмысление должно обеспечиваться через использование реальных и условно – реальных ситуаций, что обеспечивает правильное понимание и осознание воспринимаемого. Существует несколько способов семантизации слов. Одним из основных традиционных способов семантизации иностранной лексики является перевод, осуществляемый с помощью словарей.

Отсюда возникает необходимость создания специальных двуязычных словарей учебной лексики, которые включали бы в себя не только лексический минимум определённого сертификационного уровня. Но и лексику основных учебников, используемых на этапах обучения.

Существуют общие двуязычные словари, но лексика, представленная в них, не всегда соответствует лексическим минимумам определённого сертификационного уровня. Поэтому представляется целесообразным создание словарей, ориентированных на военнослужащих определённого уровня знания русского языка, а также соответствующим определённым специальностям.

Цель данных словарей – способствовать усвоению словарного запаса общего и профессионального владения русским языком на определённом этапе обучения.

При создании специальных словарей для иностранных учащихся необходимо учитывать фонетические и грамматические трудности русского языка: особенности ударения, многочисленные чередования, образование видовых пар глаголов, особенности спряжения некоторых глаголов и так далее.

1. Вишняков С.А. Русский язык как иностранный: Учебное пособие. М., 2010. 390 с.
2. Дунаева Л.А., Клобукова Л.П. Высшая единица профессионально ориентированного обучения русскому языку в системе подготовки иностранных аспирантов гуманитарного профиля в российских вузах // Русский язык в диалоге культур: материалы международной научной конференции. Воронеж, 2010. С. 44-49.
3. Коростелев В.С. Основы функционального обучения иноязычной лексике. Воронеж, 2005. 215 с.
4. Крючкова Л.С., Мощинская Н.В. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному. М., 2009. 480 с.
5. Общая методика обучения иностранным языкам / Хрестоматия под ред. Леонтьева В.Н. М.: Русский язык, 2007. 287 с.

Referens

1. Vishnyakov S.A. Russian as foreign language. M., 2010. 390 p.
2. Dounaeva L.A., Klobukova L.P. High unit of professionally pointed teaching Russian in the system of preparation of foreign postgraduates of liberal profile in Russian universities // Russian language in cultural dialogues. Voronezh, 2010. P. 44-49.
3. Korostelev V.S. Basis of functional teaching foreign lexics. Voronezh, 2005. 215 p.
4. Krutchkova L.S., Moshchinskaya N.V. Practical methods of teaching Russian as a foreign language. M., 2009. 480 p.
5. General methods of teaching Russian foreign languages. M., 2007. 287 p.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ASPECTS OF RESEARCHING OF FICTION

УДК 801.3

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Кандидат филологических наук, доцент ка-
федры русского языка для иностранных
учащихся филологического факультета
Ружицкий И.В.
Россия, г. Москва, тел.: +7 903 115 45 27,
e-mail: konnitie@mail.ru*

*Lomonosov Moscow State University
The philological department of Russian lan-
guage for foreign students
PhD, associated professor Ruzhitskiy I.V.
Russia, Moscow, tel.: +7 903 115 45 27,
e-mail: konnitie@mail.ru*

И.В. Ружицкий

О ЯЗЫКЕ ДОСТОЕВСКОГО

В статье рассматривается возможность многопараметрового изучения языка писателя. Одним из основных параметров является авторский тезаурус, ядро которого составляют смыслы слов, употребляемых Ф.М. Достоевским в символическом значении. В качестве метода такого изучения предлагается Словарь языка писателя особого, комбинированного типа.

Ключевые слова: язык писателя, Достоевский, параметры описания, идиоглосса, словарь, тезаурус.

I.V. Ruzhitskiy

ON DOSTOYEVSKY'S LANGUAGE

The writer's language multiparameter research is considered in the article. One of the main parameters is the author's thesaurus, the center of which are the senses of words used by Dostoyevsky in symbolic meaning. The specific combined dictionary of the writer's language is suggested as a method of such research.

Key-words: writer's language, Dostoyevsky, parameters of description, idiosglossa, dictionary, thesaurus.

Для чего вообще следует изучать язык писателя (в более строгом, терминологическом смысле правильнее было бы сказать «речь писателя»)? Или язык какой-нибудь выдающейся личности – Ивана Грозного, Петра Первого?.. Или язык рядовой личности, например, старушки из архангельской деревни? Во-первых, изучать язык конкретной личности, особенно выдающейся, важно потому, что, с одной стороны, в нем отражаются основные черты литературного языка той эпохи, в которую жил этот человек. С другой стороны, личность выдающаяся, в первую очередь писатель, в свою очередь оказывает влияние на развитие литературного языка, что, конечно же, является предметом филологического исследования. Во-вторых, через язык человека, через созданные им тексты мы можем познать и его личностные особенности, мировоззрение, эмоциональное восприятие мира, т. е. в какой-то степени познать его самого. Это уже во многом расширяет границы чисто филологического интереса.

С этой точки зрения язык Достоевского интересен потому, что Достоевский, как сказали бы в наше время, – писатель креативный, писатель-экспериментатор (М.И. Стеблин-Каменский), писатель-игрок (Вл. Кудрявцев), автор, который часто сознательно искажает литературную норму, создаёт энтропию, хаос, во многом отражающий внутренний мир и внутреннюю речь человека. Эксперимент над образами, над структурой произведения, над языком.

Кроме того, Достоевский – личность, безусловно, парадоксальная, неоднозначная, амбивалентная, до сих пор продолжающая своим творчеством воздействовать на умы читателей, причём не только русских, подчас заставляя не любить себя и даже ненавидеть, – и потому, что язык его сложен, и потому, что слишком уж всё мрачно, и, наконец, потому, что извлекается из дальних глубин подсознания то, что, казалось бы, спрятано навсегда – табуированные пороки, потаённые желания, страсти, вскрываются механизмы мотивации поведения человека, которые неизменны.

Что касается иностранного читателя, то русский национальный характер часто определяется им по Достоевскому и через Достоевского. После крушения рейха генерал Манштейн признался, что не ожидал встретить в России такого сопротивления, потому что представлял себе русского солдата по романам Достоевского. Американскому президенту Бушу перед первой поездкой в Россию советники порекомендовали прочитать «Преступление и наказание», сказав, что это – главная книга о нашей стране. Один немец, описывая своё реальное чувство, когда он приехал в Россию, говорил, что у него было ощущение, будто из-за угла выйдет человек с топором и без всякой причины ударит его по голове.

Исследований, посвящённых творчеству Достоевского и его языку, очень много, больше, чем исследований творчества и языка других писателей. Это работы, посвящённые отдельным словам, ключевым для произведений писателя, таким, как *общечеловек*, *всечеловек*, *всечеловеческий*, *двойник*, *камень*, *вдруг*, *порок* и др., изучение «небрежения словом» у Достоевского, исследование синтаксиса писателя, символического употребления слова, взаимодействия образа автора и образа ратора и др. Все эти работы, однако, характеризуются одной общей чертой – отсутствием комплексного подхода. Возможному комплексному, многопараметровому описанию языка Достоевского и посвящена данная статья.

Первый параметр, о котором пойдёт речь, – это лексический строй идиолекта, т. е. набор идиоглосс, слов, характеризующих авторский стиль. Среди идиоглосс выделяются идеоглоссы, слова-концепты, или ключевые для автора слова-понятия, отражающие взгляд Достоевского на мир. Например, *жизнь*, *время*, *человек*, *любовь*, *ненависть* – это идиоглоссы, *делишки*, *дурак*, *вдруг* и т. п. – идиоглоссы. Мир Достоевского отражают и идеоглоссы, и идиоглоссы, только отражают его по-разному.

Для выявления данных единиц в текстах писателя определяются следующие методы и критерии: 1) коллективное прочтение текстов Достоевского с установкой на выделение слов, характеризующих авторский стиль (т. е. экспериментальный метод); 2) данные уже существующих исследований, как лингвистических, так и литературоведческих, посвящённых языку и творчеству Достоевского, в которых те или иные слова отмечаются как важные, характерные, ключевые; 3) вхождение слова в название произведения или в название какой-либо части произведения; 4) некоторые особенности употребления слова, например, вхождение в состав высказывания, обладающего свойствами афоризма, или авторская рефлексия над значением слова; 5) частота употребления слова в разных жанрах и в разные периоды творчества писателя (следует, однако, отметить, что в текстах Достоевского встречаются низкочастотные слова, которые, тем не менее, являются идиоглоссами и даже идеоглоссами, например, *всечеловеческий*, *всечеловек*).

Частота употребления слова (общая, относительная, по жанрам и периодам творчества) является не только критерием выявления идиоглоссного статуса слова, но и одним из параметров описания авторского языка. Примеры: *деньги* в художественных текстах – 1719 употреблений, в письмах – 1496 (относительная частота, т. е. процент от общего объёма текстов в

письмах существенно выше); *демон* – встречается в художественных текстах и в публицистике (12 и 17 употреблений) и не употребляется в письмах; *демократический* употребляется 6 раз только в текстах третьего периода творчества писателя, 14 раз в публицистике и не употребляется в письмах; *интеллигенция* – только 1 употребление в художественных текстах, 56 в публицистике и 11 – в письмах.

Следующим параметром является изучение и представление семантической структуры слова, т. е. системы значений идиоглоссы. Сами значения определяются исключительно с опорой на авторский текст, последовательность значений также обусловлена частотностью и повторяемостью употребления слова в данном значении в разных жанрах и периодах творчества писателя. Естественно, что при таком подходе как дефиниция, так и порядок следования лексико-семантических вариантов часто будет отличаться от тех, которые можно встретить в существующих толковых словарях русского языка. Для Достоевского характерен такой приём, как повтор слова в одном контексте в разных значениях: [Маленький герой] «Вмиг в голове у меня загорелась идея... да, впрочем, это был только миг, менее чем миг, как вспышка пороха, или уж переполнилась мера, и я *вдруг* <неожиданно, внезапно> теперь возмущился всем воскресшим духом моим, да так, что мне *вдруг* <сразу, тотчас, немедленно, моментально> захотелось срезать наповал всех врагов моих и отмстить им за все и при всех, показав теперь, каков я человек <...>» («Маленький герой»). В данном случае функцию такого повтора можно назвать гносеологической, или познавательной, которая заключается в поиске возможных способов передачи тончайших смысловых нюансов. *Вдруг* – это граница, за которой что-то обязательно происходит, в одном этом слове сконцентрирован весь художественный мир Достоевского, его отношение ко времени вообще и к любому человеческому поступку в этом времени, в нём – случайность, неожиданность, а главное – неподчинённость поступка и мысли объективным причинно-следственным законам. *Вдруг*, реализуя такие семантические оппозиции, как рациональность ≠ иррациональность, случайность ≠ закономерность, одновременность ≠ последовательность, мгновенность ≠ постепенность, целиком ≠ по частям, непредсказуемость ≠ заданность и т.п., выполняет тезаурусообразующую функцию, скрепляя остальные элементы текстов писателя, обеспечивая их связанность и целостность. Это точка, почти ничто, но точка, как известно, является пересечением линий, и именно в этом «почти ничто» пересекаются у Достоевского и линии развития сюжета, и мотивы, и состояние героев и самого автора. Именно в этом «почти ничто» исчезает время, то самое время, которое так любит «укорачивать» Достоевский: *минута, секунда, четверть секунды, десятая доля секунды, мгновение, миг...* и исчезает время во *вдруг*. После *вдруг* только *бобок* – слово, придуманное Достоевским и обозначающее абсолютное «ничто».

Другая функция такого рода повторов – игровая, заключающаяся в достижении комического эффекта: [Разумихин] «Так вот, если бы ты не был **дурак**, не пошлый **дурак**, не набитый **дурак**, не перевод с иностранного... видишь, Родя, я сознаюсь, ты малый умный, но ты **дурак!** – так вот, если б ты не был **дурак**, ты бы лучше ко мне зашёл сегодня, вечерок посидеть, чем даром-то сапоги топтать» («Преступление и наказание»).

Одним из важнейших параметров изучения языка писателя является синтаксический, в первую очередь – подчинительные связи идиоглоссы (гипотаксис). Так, например, академик Д.С. Лихачёв обратил внимание на то, что у Достоевского особые, индивидуальные сочетания глагола или существительного с предлогом, который часто добавляется там, где его не требуется по языковым нормам; то же касается и некоторых идиоматических сочетаний и многочисленных случаев нарушения лексической сочетаемости слов. Тем самым, по мнению Д.С. Лихачёва, создаётся впечатление торопливости речи, «небрежения словом», неумелого поиска необходимых смысловых нюансов: «Она у графа К. через Nicolas заискивала» («Бесы»); «себя подозревал перед нею», «слушать на лестницу», «сильно слушал», «сидел и сильно думал» («Подросток»); «побывать к нему», «побывать к ней», «обаяние его на неё», «очень ненавидеть», «я знаю, я очень, очень знаю», «он грузно храпел» («Братья Карамазовы») и т. п.

Все эти нарушения нормы стоят на грани неправильности и, безусловно, представляют большой интерес для изучения языка писателя. Сами же неправильности, или, по сути, ошибки, – это ещё один параметр изучения авторского стиля: «двое единственных свидетелей брака» («Бесы»); «несмотря на свои две большие болезни» («Письма») и др.

Интересно в связи с этим отметить и некоторые морфологические особенности употребления слова у Достоевского: 1) звательная форма (*аде*); 2) создание сложного слова через его повтор (*горячо-горячо, рад-рад*); 3) передача искажённой русской речи: [Луиза Ивановна] «А они совсем пришлоль пьян <...> а потом один поднял ноги и стал ногом фортепьян играль, и это совсем нехорошо в благородный дом, и он ганц фортепьян ломаль, и совсем, совсем тут нет никакой манир, и я сказалъ» («Преступление и наказание»); 4) *singularia tantum* во множественном числе: [Князь Мышкин Рогожину] «Слушай, Парфен, ты давеча спросил меня, вот мой ответ: сущность религиозного чувства ни под какие рассуждения, ни под какие проступки и преступления и ни под какие **атеизмы** не подходит <...>» («Идиот») и др.

Помимо гипотаксиса, не меньший интерес для изучения языка Достоевского представляет его паратаксис, т. е. сочинительные связи слов. Исследователи давно обратили внимание на такую черту стиля Достоевского, как своеобразное «нагнетание» смысла, «нанизывание» друг на друга близких по значению слов: *дурное и неприятное; дурной, бесполезный исполнитель и нерадивый музыкант; такой злой, такой дурной ребёнок; дурной и пустой; какая, однако ж, я дурная, мнительная и какая тщеславная; простите глупую, дурную, избалованную девушку; дурная, капризная; сделаемся сами злы, дурны; неестественного и дурного; сердцем дурная, я своевольная; признаться в дурном и даже смешном; дурных, балованных жён; такое дурное и неблагодарное существо; дурного и грубого; дурного и вредного; всё их дурное, все постыдные поступки их; воздерживать себя от дурных и безобразных привычек; смешной и дурной*. Анализ паратаксиса позволяет выйти в парадигматику Достоевского, а также обратить внимание на такие фигуры речи, как уточнение, градация, амплификация, художественное противопоставление, зевгма.

Следующий параметр, последний в группе тех, которые можно условно назвать семантическими, – это словообразовательные парадигмы, выявляемые в текстах Достоевского: *дурак, дурачок, дурашка, дурачина, дурень, дура, дуручка, дурища, дуралей, дурында, дурачьё, дурь, дурость, дурачить, дурачиться, дуреть, дурить, дурнеть, дурацкий, дурачки-важный, дурачество, дурной, дурно, дурнушка, дурнота, дуракова, самодурство*. Отметим, что таких разнообразных эпидигматических связей слова *дурак* мы не встретим ни у Толстого, ни у Тургенева.

Путём процедуры, описанной выше, выявляется алфавитный список идиоглосс (порядка 2 500 тысяч единиц), который, хотя и отражает мир и стиль Достоевского, но показывает его несистемно, фрагментарно. Действительное, целостное отражение мира Достоевского может дать только тезаурусное представление данных лексем, их объединение в группы на основе ономазиологического подхода. Таким образом, следующая группа параметров описания языка Достоевского, – это те элементы его языковой картины мира, которые связаны с системой знаний и с образным восприятием действительности, возникающим именно в этой системе, и первым параметром такого рода является сам тезаурус.

За основу, ядро такого тезауруса предлагается взять идеоглоссу *человек*, что следует как из высказываний самого автора о том, что именно внутренний мир человека представляет для него наибольший интерес, так и из многочисленных исследований творчества писателя, декларирующих, что у Достоевского всё подчинено именно человеку, всё в нём раскрывается, и нет ничего, кроме человека.

Широко известна склонность Достоевского к символизации, и, даже если какая-то часть символов приписана, навязана автору исследователями его творчества («сделать» символы при желании можно из чего угодно), это ни в коей мере не запрещает говорить о существовании некой авторской символической картины мира. Отметим, что символическое употребление слова, т. е. использование слова с конкретной семантикой в абстрактном значении, – это отдельный параметр изучения языка писателя. Можно выдвинуть гипотезу о том, что чем кон

кретнее семантика слова, тем большим символическим потенциалом оно, это слово, обладает. Неслучайно поэтому числа и имена, слова с предельно конкретной семантикой у Достоевского очень часто употребляются в символическом значении.

Объясняется такой интерес к символизации самыми разными причинами, наиболее очевидной из которых представляется стремление автора отразить мир во всех его противоположностях, противопоставить образ, задаваемый символом, логическому «сознанию». Кроме того, следует отметить такую функцию символа у Достоевского, как кодирование смысла, создание некоего шифра, условного вещного опознавательного знака, загадки, которую предстоит разгадать читателю, а вслед за этим – выйти на понимание идеи всего произведения.

Слова, употребляемые в символическом значении, объединяются в группы, и возможностей для таких группировок довольно много. Мы предлагаем следующую классификацию: 1) денотативные символы (*чистое бельё, кафтан, платье, часы, большая дорога, порог-площадь, ворота, калитка, стена, дверь, подолье, угол, нора, скорлупа, хрустальный дворец, заклад, процент, зверь, вошь, паук, муха, лошадь, заяц* и т. д.); 2) ситуативные, или символы-фреймы (*уронить платок, поцеловать землю, поцеловать чашу, кланяться до земли, отказ подать руку, отказ поцеловать руку*); 3) чувственно-образные символы (*бьющаяся об оконное стекло муха, косые лучи заходящего солнца, зелёные клейкие листочки*; к этой же группе можно отнести также имеющие принципиальную значимость для понимания романов Достоевского названия и описания картин – «Мёртвый Христос» Гольбейна, «Сикстинская Мадонна» Рафаэля, «Пейзаж с Асисом и Галатеей» Клода Лоррена и др.) и 4) событийные (*1861 год*), которые чаще встречаются в публицистике. В первой группе символов выделяются такие подгруппы, как символы-числа (*4, 7, 10, 11, 12, 30*), символы-имена (*Сонечка, Степан Трофимович, Лев Мышкин, Раскольников*), символы-топонимы (*Булонь, Америка, Скотопригоньевск*), символы-первоэлементы (*огонь, земля, вода, воздух*), символы-цветы (*жёлтый, желтовато-чёрный, зелёный*), символы-слова с конкретным предметным значением – названия насекомых, животных, предметов одежды и др.

Существует принципиально важная для нас возможность группировать символы на основе общего – символизируемого – значения, объединять их в своеобразные символические парадигмы. Такого рода символические парадигмы и можно рассматривать как единицы тезауруса символов:

«страх» → *крюк* [как в прямом значении – «толстый гвоздь или железный стержень с загнутым концом, служащий для того, чтобы запереть дверь», так и в переносном – «лишнее расстояние, излишек пути, получающийся, если идти окольной дорогой»], *крючок, запор* (Раскольников, который от страха закрывался на *крючок*, шёл к месту убийства *крюком*).

«преступление» → «убийство» → слова-символы «орудия убийства» → персонаж, совершивший убийство, и тот, кого убивают (*топор, нож, револьвер, бритва, пестик, пресс-папье; петля, запасной гвоздь, кусок мыла, шелковый снурок*; между авторским выбором орудия убийства и персонажем, его совершившим, существует определённая и значимая связь, которая и становится своеобразным дифференциальным признаком значений соответствующих слов-символов).

Если символы – это предельно сжатые смыслы, то именно на основе этих смыслов и можно строить тезаурус. Преступление/убийство соотносится в первую очередь со смыслом (концептом) «смерть» (рис. 1). Помимо орудий убийства, с символизацией смерти оказываются связанными *окно, вошь, Америка, избивание лошади, муха, остановившиеся часы, чёрный, желтовато-чёрный, красный, 4, тлетворный дух, кусок холодного мяса* и др.

Отметим другие параметры изучения языка Достоевского и единиц, относящихся к когнитивному уровню языковой личности автора.

– Употребление идиоглоссы в составе фразеологических сочетаний (в том числе и авторских), пословиц, поговорок, примет: [деньги] *карманные деньги; медные деньги; жеваться на деньгах / женить на деньгах; сыпать деньгами; бросать деньги направо и налево; бросать деньги на ветер; сорить деньгами; без копейки денег; ни копейки денег; денег ни гроша; денег ни капли; денег ни полушки; убить деньги (модификация убить время); понимать цену деньгам; чистыми деньгами; с деньгами (человек); при деньгах; ни за какие деньги; зашибить деньгу; деньги – голуби: прилетят и опять улетят; мальчик не мот, а деньгам перевод; рукопись в руки – деньги в руки; [А.Г. Достоевской] Они [жильцы] были дома, у них всё чисто, но жалуются на тараканов-прусаков. Ужасно много. Черных же в моем кабинете – ни одного. Действительно, может быть, черные к деньгам (Письма).*

– Тропеическое употребление идиоглоссы (прежде всего в составе сравнения, метафоры, метонимии): [дура] *искренно, как дура; спокойна, как дура; [дурак] слепо, как ограниченный дурак, верил; шепчу как дурак; [досада] скрытность её со мной обращалась даже в какую-то нетерпеливую досаду; это могла быть только молодая досада молодой неопытности и молодого тщеславия.*

– Употребление идиоглоссы в составе чужой речи. Наиболее интересными с точки зрения этого параметра являются тексты, к которым Достоевский периодически обращается посредством различного типа отсылок, т. е. прецедентные: Евангелие, «Евгений Онегин», «Горе от ума», «Влас», «Шинель» и др.

– Употребление идиоглоссы в составе высказывания, обладающего свойствами афоризма: [слова, приписываемые князю Мышкину] *Красота спасёт мир; [И. Карамазов] <...> от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только замученного ребёнка <...>; [Раскольников] Ко всему-то подлец-человек привыкает! [Алёша] Не далее как вчера он [Безмыгин] сказал к разговору: дурак, сознавшийся, что он дурак, есть уже не дурак! («Униженные и оскорблённые»)*

– Игровое употребление идиоглоссы (средства, посредством которых Достоевский обычно создаёт игру, – модификация стандартной формы фразеологизма, контаминация, различного вида повторы, зевгма, оксюморон, паронимазия, рефлексивные формулы, многозначность слова): *компания была не столько разнообразная, сколько безобразная; проснулась вся в слезах и в папильотках; впоследствии, кроме гражданской скорби, он стал впадать и в шампанское («Бесы»); круглый стол овальной формы; У вас руки испачканы кровью. – Да, я весь в крови («Преступление и наказание»); старичок если не выжил ещё из ума, то уж из памяти точно («Село Степанчиково»); Она очень щекотливая женщина, т. е. в смысле чести. – А вы пробовали её щекотать?; дама горячая, смелая, смуглая, нетерпеливая, одарённая замечательною физическою силой («Братья Карамазовы»); теперешнее поколение людей передовых, несравненно нас загребистее («Вечный муж»); торопился их убедить и перепобедить («Подросток»); Вам лучше избегать карманных денег, да и вообще денег в кармане («Идиот»); был не в обыкновенной тарелке своей («Двойник»); Смеются из приличия? – Смеются из обычая <...> («Дневник писателя»); испугавшись их испуга («Братья Карамазовы»); думал свою думу («Униженные и оскорблённые»); не знаю, что вы там знаете, сударыня, и чем вы хотели угрожать мне, да и знать не хочу («Неточка Незванова»).*

– Употребление идиоглоссы в ироническом контексте (у Достоевского ирония создаётся в основном за счёт употребления слова в смысле, противоположном буквальному, а также за счёт смешения стилей или тональностей высказывания): *Ах, как скучно праздно в вагоне сидеть, ну вот точь-в-точь так же, как скучно у нас на Руси без своего дела жить («Зимние заметки о летних впечатлениях»).*

– Автономное употребление идиоглоссы, а также её употребление в рефлексивных формулах: *Crocodillo, – есть слово, очевидно, итальянское, современное, может быть,*

древним фараонам египетским и, очевидно, происходящее от французского корня: *croquer*, что означает съесть, скушать и вообще употребить в пищу («Крокодил»); Слово «стусеиваться» значит исчезнуть, уничтожиться, сойти, так сказать, на нет... Похоже на то, как сбывает тень на затушёванной тушью полосе в рисунке, с чёрного постепенно на более светлое и наконец совсем на белое, на нет. Стусеиваться... означало тут удалиться, исчезнуть, и выражение было взято именно с отусеивания, то есть с уничтожения, с перехода с тёмного на нет («Дневник писателя»).

В заключение отметим, что предложенное описание языка Достоевского возможно только при помощи Словаря, построенного с учётом указанных параметров. Это касается прежде всего реконструирования авторского тезауруса, поскольку именно Словарь с его оригинальными возможностями нахождения «точек пересечения» идиоглосс позволяет объективно проследивать семантические связи между различными элементами всего корпуса текстов писателя. Работа над таким Словарём в настоящее время ведётся под руководством Ю.Н. Караулова в Институте русского языка РАН им. В.В. Виноградова.

УДК 801: 82 – 31 Дос.

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Ассистент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Перцева Е.Н.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732)71-50-48;
e-mail: elena.perceva.00@mail.ru*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-cultural communication
Assistant lecturer Pertseva E. N.
Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48;
e-mail: elena.perceva.00@mail.ru*

Е.Н. Перцева

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ПОРТРЕТА ГЕРОИНЬ ДОСТОЕВСКОГО. ПОРТРЕТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ «КРОТКИХ ЖЕНЩИН»

В статье рассматривается проблема лингвистической типологии женского портрета в произведениях Ф. М. Достоевского. Выявляется специфика портретирования Ф. М. Достоевским героинь, отнесенных нами к типу «Кроткие женщины».

Ключевые слова: портрет, элементы портрета, языковая характеристика.

E.N. Pertseva

LINGUISTIC TYPOLOGY OF PORTRAITS OF DOSTOEVSKY'S HEROINES. PORTRAIT CHARACTERISTICS OF «MEEK LADIES».

The article considers the problem of linguistic typology of the female portrait in F.M. Dostoevsky's works. The author reveals the specificity of the description of the ladies presented as «the meek ones».

Key words: portrait, components of portrait, language characteristics.

Федор Михайлович Достоевский – писатель-психолог, который задает читателю высочайший уровень духовной сложности, требующий определенных усилий для осмысления его творчества.

Велико значение творческого наследия Достоевского для современного мира, оно созвучно сегодняшнему сложному, противоречивому времени. Произведения писателя подвергают ум и совесть читателя трудным испытаниям, ведущим к великой радости нравственного очищения и духовного подъема. Ф. М. Достоевский – мастер словесного искусства, мыслитель, оказывающий влияние на читателя посредством слова.

Портреты в произведениях писателя не просто лица, в которых обозначены характеры героев, это прежде всего мысль автора, очень явственно проявляющаяся в изображении. Благодаря портрету, отличающемуся сжатостью и выразительностью, мы можем проникнуть в сложнейший внутренний мир персонажей Достоевского.

Существует много работ, посвященных изучению языка произведений Ф. М. Достоевского, однако портрет как один из аспектов образа героя художественного произведения, в частности женский портрет, до сих пор не подвергался монографическому описанию с лингвистических позиций. Это делает актуальным обращение к изучению портрета персонажей Достоевского, в частности, женского портрета.

В портретном описании содержится индивидуально-авторское понимание и оценка героя, то есть реализуется субъективно-модальное значение, которое выражает отношение говорящего (автора) к сообщаемому. Отношение читателя к персонажем произведения – результат сопереживания: явными или скрытыми путями у него возникают представления оценочного характера, в большинстве случаев вызванные отношениями самого автора. А это значит, что персонаж обрисован так, чтобы внушить читателю определенную оценку (и это один из путей выражения авторской мысли).

Портретное описание включает большое количество семантических элементов. Отталкиваясь от изучения такого семантически насыщенного структурообразующего элемента, каким является портрет, можно делать выводы о направленности творчества писателя в целом, о превалировании тех или иных тенденций в его произведениях.

В основу языковой характеристики портретов героинь нами была положена система элементов портретного описания, предложенная К.Л. Сизовой. Исследовательница выделила следующие элементы портретного описания (портрета):

1. Эскизная характеристика как элемент общего портрета, включающая только «паспортные данные»: номинации «рост», «возраст» или их синонимы, некоторые самые общие признаки.

2. Характеристика одежды как элемент общего портрета.

3. Характеристика формы, черт лица как элемент общего портрета.

4. Характеристика выражения лица, взгляда как элемент общего портрета.

5. Цветовая характеристика как элемент общего портрета.

6. Характеристика манеры держаться как элемент общего портрета.

7. Фоническая характеристика как элемент общего портрета – один из компонентов портрета, отражающий не зрительное, а слуховое восприятие героев; характеристика голоса и смеха персонажа.

8. Зооморфная характеристика, основанная на сопоставлении персонажа с животным.

9. Флороморфная характеристика, основанная на сопоставлении персонажа с растением.

10. Предметоморфная характеристика, основанная на сравнении персонажа с предметом.

11. Аромохарактеристика, отражающая обонятельное восприятие персонажа рассказчиком. Это характеристика запаха персонажа [1].

В данной статье нами выявляется специфика портретирования Ф.М. Достоевским указанных выше героинь, посредством анализа семантики элементов портретного описания.

К данному типу нами отнесены две героини: Соня Мармеладова и Кроткая. Проследим общие принципы портретирования героинь, относящихся к данному типу.

Портрет Сони Мармеладовой

(«Преступление и наказание»)

Портрет героини включает следующие элементы:

1. Эскизная характеристика: «Соня была малого роста, лет восемнадцати».

2. Характеристика одежды: «Наряд ее был грошовый, но разукрашенный по – уличному, под вкус и правила, сложившиеся в своем особом мире».

«...глядела как потерянная, забыв о своем перекупленном из четвертых рук платье, и необъятном кринолине, загородившем всю дверь, и о светлых ботинках, и о смешной соломенной шляпке с огненного цвета пером».

«Это была скромно и даже бедно одетая девушка, почти похожая на девочку. На ней был бурнусик, очень простенькое домашнее платьице, на голове старая, прежнего фасона шляпка».

3. Характеристика формы, черт лица: «Это было худенькое, совсем худенькое и бледненькое личико, довольно неправильное, какое-то востренькое, с востреньким маленьким носом и подбородком».

4. Характеристика выражения лица, взгляда: «Ее даже нельзя было назвать и хорошенькой, но зато голубые глаза ее были такие ясные, и когда оживлялись они, выражение лица ее становилось такое доброе и простодушное, что невольно привлекало к ней».

5. Цветовая характеристика: «...белокуренькая, личико всегда бледненькое, худенькое».

«...блондинка с замечательными голубыми глазами».

«...голубые глаза ее были такие ясные...».

«...в шляпке с ярким, огненного цвета пером».

6. Характеристика манеры держаться: «В лице ее, да и во всей ее фигуре была сверх того одна особенная характерная черта: она казалась почти еще девочкой, совсем почти ребенком, и это иногда даже смешно проявлялось в некоторых ее движениях».

«Теперь это была скромно и даже бедно одетая девушка, <...> почти похожая на девочку, со скромною и приличною манерой...».

7. Фоническая характеристика: «<...> и слышу, говорит моя Соня, безответная она, и голосок у ней кроткий...».

Зооморфная, флороморфная, предметоморфная и аромохарактеристики отсутствуют.

Портрет Кроткой

(«Кроткая»)

1. Эскизная характеристика: «Была она такая тоненькая, белокуренькая, средневысокого роста...».

2. Характеристика одежды (отсутствует).

3. Характеристика формы, черт лица: «Глаза у ней голубые, большие, задумчивые, но как загорелись!»; «Какая она тоненькая в гробу, как заострился носик!».

4. Характеристика выражения лица, взгляда: «Да, это кроткое лицо становилось все дерзче и дерзче»; «И такое у ней было серьезное личико».

5. Цветовая характеристика: «Глаза у ней голубые <...>»; «Была она такая тоненькая, белокуренькая <...>».

6. Характеристика манеры держаться: «Она с большим любопытством, в котором было много детского, посмотрела на меня».

7. Фоническая характеристика: «Она пела вполголоса, и вдруг, поднявшись, голос оборвался, - такой бедненький голосок, так он оборвался жалко...»; «Теперь же песенка была такая слабенькая, как будто бы в голосе было что-то надтреснутое, сломанное, как будто сама песенка была больная».

Зооморфная, флороморфная, предметоморфная, аромохарактеристики отсутствуют.

В портретных характеристиках «кротких женщин» представлены следующие элементы: эскизная характеристика; характеристика формы, черт лица; характеристика выражения лица, взгляда; цветовая характеристика; характеристика манеры держаться; фоническая характеристика. Отсутствуют такие элементы портрета, как зооморфная, предметоморфная, флороморфная, аромохарактеристики.

Портреты героинь во многом сходны: у Сони «худенькое, востренькое личико», у Кроткой «заостренный носик»; лица обеих героинь выражают доброту, кротость и простодушие. В их манере держаться можно отметить определенное сходство с ребенком: Соня «казалась девочкой», Кроткая смотрит с детским любопытством.

Сходны характеристики голоса героинь: у Сони «голосок кроткий», у Кроткой «бедненький голосок».

Цветовая характеристика обеих героинь включает белый и голубой цвета, символизирующие чистоту, непорочность.

Однако в характеристике одежды Сони Мармеладовой, очень значимом элементе портрета, который отсутствует в описании Кроткой, мы встречаем оттенок красного цвета – огненный. Он символизирует в данном контексте порок, разврат и противопоставлен белому и голубому цветам, соотносимым с чистотой, невинностью героини.

Именно с помощью контрастного изображения двух описаний одежды Сони автор показывает ее внутреннюю чистоту и цельность. Описание повседневной одежды Сони (платочек, бурнусик), скромный и непритязательный наряд резко отличается от «позорного», вызывающего платья уличной женщины. Истинная сущность Сони противопоставляется ее неистинному, вынужденному, трагическому положению в обществе.

Нельзя не обратить внимание на уменьшительно-ласкательные суффиксы в портретных описаниях героинь – нагнетание почти во всех параметрах портрета обеих женщин в существительных и прилагательных – суффиксов субъективной оценки.

У Сони: бурнусик, платьице, шляпка, личико, голосок; худенькое, бледненькое, востренькое, маленьким.

У Кроткой: носик, голосок; тоненькая, белокуренькая.

С помощью слов, имеющих в своем составе суффиксы субъективной оценки, автор подчеркивает слабость, беззащитность героинь.

Таким образом, портрет «кротких женщин» отражает основные качества этого типа: доброту и беззащитность.

Библиографический список

1. Сизова К.Д. Типология портрета героя: на материале художественной прозы И.С.Тургенева. Автореф. дис. канд. филолог. наук. Воронеж, 1995. 16 с.
2. Достоевский Ф.М. Кроткая. Л.: Наука, 1991. 118 с.
3. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. М.: Худ. лит., 1978. 462 с.

References

1. Sizova K.D. The typology of the hero's portrait based on I.S. Turgenev's prose. Voronezh, 1995. 16 p.
2. Dostoevsky F.M. The meek one. L., 1991. 118 p.
3. Dostoevsky F.M. Crime and punishment. M., 1978. 462 p.

УДК 82.09

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Скуридина С. А.
Россия, Воронеж, 8-920-404-04-48;
saskuridina@ya.ru*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-cultural communication
PhD, senior lecturer Skuridina S.A.
Russia, Voronezh, 8-920-404-04-48;
saskuridina@ya.ru*

С.А. Скуридина

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ХРОНОТОП В РОМАНЕ «БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ»

В статье рассматривается отражение хронотопа в ономастических единицах романа «Братья Карамазовы».

Ключевые слова: ономастика, топонимы, онимы, хронотоп, пространство, время.

S.A. Skuridina

PROVINCIAL CHRONOTOP IN «THE KARAMAZOV BROTHERS»

The article sites the reflection of the chronotop in personal and geographical names in the novel «The Karamazov brothers».

Key words: onomastics, toponyms, onyms, chronotop, area, time.

Пространственно-временная структура последнего романа Ф.М. Достоевского многопланова. Если рассматривать роман «Братья Карамазовы» с точки зрения локуса, нужно отметить, с одной стороны, произошедшее сужение пространства в сравнении с романом «Подросток»: столица – уездный (провинциальный) город с неблагозвучным именем *Скотопригоньевск*: «Из Скотопригоньевска (увы, так называется наш городок, я долго скрывал его имя), к процессу Карамазова» – так называется статья, напечатанная в газете «Слухи» по поводу расследуемого преступления [6]. С другой стороны, сужением пространства в романе является Петербург, предстающий в образе «каменного дома», который хочет построить Ракитин, «куда можно напустить жильцов»,

то есть сдавать «углы» [6]. Петербург воспринимается как пространство, где главным для человека являются карьера и деньги, которых нужно добиться любыми средствами.

Провинция как административно-территориальная единица существовала с 1719 по 1775 годы, но за эти пятьдесят пять лет нейтральное понятие обросло пренебрежительным смыслом. Провинция противопоставлена столице по уровню образования, по скорости усвоения нового. Как верно отмечает Л.И. Сизинцева, со времен Петра Первого «столица стала законодательницей мод, провинция – хранительницей «живой старины»; и степень провинциальности определялась скоростью и точностью усвоения столичных образцов, которая определялась расстоянием, качеством дорог и желанием (или нежеланием) их усваивать» [13].

У Ф.М. Достоевского сущность провинции двупланова: она может быть как хранительницей нравственных устоев, так и местом, где беспрецедентная концентрация зла обусловлена некой закрытостью пространства, отдаленностью от центра, гипертрофированно выраженным стремлением походить на столицу в любых отношениях и особенной способностью впитывать как положительное, так и отрицательное.

Так, в романе столица и провинция выступают в качестве места, где можно получить воспитание и образование, при этом столичное, в данном случае московское воспитание воспринимается как неправильное, а провинциальное, губернское, как единственно верное: Иван, «чуть ли не тринадцати лет перейдя в одну из московских гимназий и на пансион к какому-то опытному и знаменитому педагогу», противопоставляется Алеше, который жил у Ефима Петровича и учился уже после кончины своего воспитателя еще два года в губернской гимназии, а потом «попал в дом к <...> каким-то дальним родственникам Ефима Петровича» [6].

Другая сущность у провинциального города, где разворачиваются основные события романа. По мнению С.П. Гурина, «метафизическое значение провинции» в том, что она «предстает как исток, источник жизни страны и народа и как основа, основание, фундамент этой жизни» [4]. В связи с этим интересен образ Скотопригоньевска у Ф.М. Достоевского.

Все исследователи (М.С. Альтман, Л.М. Рейнус, Г.И. Смирнов и др.) соглашались с тем, что Скотопригоньевск – это «сигнализирующее указание» на Старую Руссу, где «был специальный рынок, на который ежегодно сгоняли скот для продажи» [2].

Действительно, название *Скотопригоньевск* образовано от прилагательного *скотопригонный*, в словаре В.И. Даля упоминаемого в словосочетании с существительным *двор* [5]. На наш взгляд, свидетельством того, что Скотопригоньевск – литературный двойник Старой Руссы, является не только сравнительный топографический анализ, проведенный Л.М. Рейнусом [12], но и само название, созданное Ф.М. Достоевским. Дело в том, что *скотопригонный двор* – это реалия не только Старой Руссы, но и любого города XIX века, так как Россия в то время еще продолжала оставаться аграрной страной. Кстати говоря, в Москве тоже была улица с аналогичным названием: Скотопрогонная. Но прогон стада, видимо, для Ф.М. Достоевского стал навязчивым зрелищем именно в Старой Руссе в связи с тем, что в город пригоняли скот не только на продажу и забой, но и для того, чтобы животные могли восстановить солевой баланс, ведь Старая Русса славилась месторождениями каменной соли и в XIII–XV веках была важным пунктом солеварения. Правда, в начале XIX века солеварение было прекращено, но, думается, что скот сгоняли на участки обнаженной породы и в XIX в., свидетелем чего и мог быть Ф.М. Достоевский, проведший немало времени в Старой Руссе.

Таким образом, одной из причин, почему писатель дал такое название городу, изображенному в романе, а также *Воловьев станции*, расположенной рядом, было каждодневное наблюдение за пригоняемыми животными. Но данный топоним нельзя связывать только с фактом пребывания Ф.М. Достоевского в Старой Руссе. Следует согласиться с Г.И. Смирновым в том, что название *Скотопригоньевск* «реализовано в глубокий символ, который сложился в итоге длительных раздумий писателя над судьбой человека и его бытия» [15].

Реализация символического значения топонима обусловлена еще и тем, что обе основы сложного слова *Скотопригоньевск* могут иметь как прямое, так и переносное значение, а существительное *скот* можно рассматривать как многозначное.

Одно из значений слова *скотъ* – «деньги, подать, имущество» [17] – связано с развитием сюжета романа: если не углубляться в философию, Федор Павлович, сколотив капитал, привозит его в Скотопригоньевск, Митя возвращается в родной город, чтобы получить причитающиеся ему деньги, Смердяков убивает из-за денег, необходимых ему, чтобы открыть ресторан на Петровке, и т.д.). Так, Скотопригоньевск – это пространство, которое можно назвать закрытым уже по принципу его организации; это своего рода хранилище денег, вход в которое ограничен, разрешен не каждому и нужен не каждому. Например, Алеша возвращается в Скотопригоньевск не с целью получить причитающееся ему наследство, а с целью найти могилку матери, поэтому он и живет не в самом городе, а в монастыре, который расположен за пределами города. О.А.Фарафонова отмечает, что «отношением к могилам предков проверяется человек» [16]. На наш взгляд, обретение могилы – это проецирование себя в пространстве, то есть обозначение своего места. Так, Федор Павлович, забывший могилу своей жены, погибает от руки своего побочного сына, который не только не знает, где могила Лизаветы Смердящей, но и рассказы о своей матери воспринимает с презрением.

Другое, наиболее распространенное и сохранившееся до сих пор значение лексемы *скот* – «подобный скоту человек» [5]. Скотопригоньевск и становится в романе загоном для стада. Большинство жителей уездного городка – символические представители животного мира.

Значение трехчастного антропонима главы семейства, мазанного черным – «*малый Божий дар*», *перемазанный, перепачканный черным*. Сочетание *малый Божий дар* можно истолковать как «*подарочек*» в переносном значении этого слова. Получается, что Бог подложил свинью. Не случайно Черт говорит Ивану: «Но ведь ты поросенок, как Федор Павлович» [6].

Итак, Федор Павлович – поросенок. Поросенок и Иван, по мнению Черта. Остальных детей Федор Павлович приравнивает к себе: «Эх вы, ребята! Деточки, поросяточки вы мои маленькие...» [6], а, как известно, в западном искусстве свинья является олицетворением ненасытности и похоти. Следовательно, Скотопригоньевск – место обитания похотливых животных, к которым относится не только семейство Карамазовых.

Есть в городе и еще одна свинья – Ракитин. Так его называет Митя [6]. Но, кроме свиней, в Скотопригоньевске обитают и другие животные.

Смердяков – кто угодно из животных, только не человек. По мнению А.К. Жолковского, «в Смердякове настойчиво подчеркивается его «звериность». Уже само его рождение является последствием ответа Федора Павловича на «совершенно эксцентрический вопрос <одного барчонка> на невозможную тему: «Можно ли, дескать, хотя кому бы то ни было, счесть такого зверя (т.е. Лизавету Смердящую) за женщину <...>»; в дальнейшем Смердяков систематически характеризуется в «животных» терминах: Федором Павловичем – как «(валаамова) ослица» (на протяжении всей гл. «Контроверза»), им самим – как «вол» («с одного вола двух шкур не дерут», «для чего же я <...> кожу с себя дам содрать?»), Иваном – как «передовое мясо», а Митей – как «болезненная курица» [7]. В Рукописных редакциях к роману Митя Карамазов говорит, что Смердяков – «это человек по чувствам своим курица, курица в падучей болезни».

Интересно, что этому нечистоплотному семейству (ср. Карамазовы – мазанные черным, Смердяков – от *смерд/смерд* – $\mu\omicron\rho\upsilon\sigma\sigma\omega$ «делать черным, покрывать сажей, копотью» [17] противопоставлено семейство, в основу фамилии которого входит название птицы, обитающей в дикой природе – снегирь: Снегиревы (ср. также: *снег* – «белый», «чистый»). Кроме того, снегирь – птица, сезонно меняющая место своего обитания, то есть пространство города для семейства Снегиревых не является закрытым. Духовное пространство Скотопригоньевска покидает, умирая, Илюша; его мать уже давно обитает вне пространства города, так как безумие или юродство являются своеобразным отказом от реального пространства и времени; одна из дочерей штабс-капитана уже покинула Скотопригоньевск; сам Снегирев, когда еще жив Илюша, мечтает пере-

ехать в другой город: в *К-ской* губернии у штабс-капитана Снегирева есть знакомый адвокат, который может дать Снегиреву место письмоводителя [6].

Ф.М. Достоевскому важно показать, что жизнь штабс-капитана может измениться, если он покинет Скотопригоньевск, а вот, в какую губернию он отправится, малозначительно. *К-ская* губерния выступает в романе контекстуальным антонимом Скотопригоньевска. Но переезд в другой город останется для Снегирева мечтой, ведь его имя соотносится с именем Николы, который в народных представлениях является покровителем скота, а значит, и патроном Скотопригоньевска: «Наше стадо чудотворец Никола пасет» [5].

Следовательно, название *Скотопригоньевск* выбрано не случайно. В этом городе живет семейство, глава которого из-за своей порочности характеризуется как свинья. Более того, он не считает людьми и своих детей, хотя его мнение нельзя принимать как бесспорное. Р.Л. Бэлнеп в одной из своих работ ссылается на Э. Васиолека, который «подчеркивает, что название города – Скотопригоньевск – может ассоциироваться с понятием «скотство» («свинство») и указывает, что живущие в доме Федора Павловича – Иван, сам Федор Павлович и Смердяков – полностью развращены, тогда как Митя, живущий неподалеку, испорчен и безнравственен лишь наполовину, а Алеша, живущий поодаль в монастыре, почти чист и безупречен» (Wasiolek 1957) [3].

В связи с этим нужно остановиться на частных хронотопах города в романе. Одним из них является хронотоп дома. Дом – это освоенное человеком пространство, несущее охранительную функцию, в пространстве дома человек чувствует себя в безопасности. Но дом Карамазова таковым не является, возможно, это связано с превращением его «в вертеп грязного разврата» [6].

В романе неоднократно указывается, что дом Федора Павловича Карамазова обнесен крепким высоким забором. Но забор, как и стены дома, спасают от внешнего врага, а убийство Федора Павловича происходит в его собственном доме, так как это не только его пространство, но и пространство Павла Федоровича: даже на уровне вывернутого наизнанку имени Смердяков – это тот же старик Карамазов (не случайно в 23 года Смердяков и выглядит как старик) [16].

Интересно противопоставление комнаты Федора Павловича и монастырской кельи старца Зосимы. Пространство Карамазова организуется вокруг китайских ширмочек, несущих «семантику чуждости, чужеродности, и вместе с тем ложности, мнимости (как сообщает нам повествователь, «китайскими» называл их сам Федор Павлович, то есть это не есть их действительная принадлежность)» [10]. Центром пространства кельи старца являются крест и Евангелие.

Дом Карамазова и монастырь, в котором живет старец Зосима, являются олицетворением двух пространств – Города и не Города. Жилище Федора Павловича, как это ни парадоксально, размещено в пространстве сада, келья духовного отца Алеши – в пространстве леса. Но сад около дома Карамазова – это не традиционный символ рая, а олицетворение искусственного пространства. Лес – пространство естественное, которое нужно пересечь и таким образом духовно очиститься, чтобы попасть в монашеский скит, поэтому лес не просто разграничивает локусы города и монастыря, но и отделяет скит от монастыря [6], хотя в самом скиту располагаются цветники, увидев которые Федор Павлович обращается к Миусову: «Посмотрите, в какой долине роз проживают!» [6], а затем следует описание: «Действительно, хоть роз теперь и не было, но было множество редких и прекрасных осенних цветов везде, где только можно было их насадить. Лелеяла их, видимо, опытная рука. Цветники были устроены в оградах церковей и между могил. Домик, в котором находилась келья старца, деревянный, одноэтажный, с галереей перед входом, был тоже обсажен цветами» [6]. Показательно, что цветы растут на границе пространств, на меже, отрицательная символика которой синонимична символике перекрестка, угла. Таким образом, происходит смещение или взаимопроникновение границ, отделяющих мирское от духовного, рай от ада, поэтому становится возможным, например, тлетворный запах, исходящий от тела Зосимы, который правомерно рассматривается С.М.Климовой как «духовное смердение» живых, то есть тех, кто жаждал «телесного чуда»: «Достоевский как бы поменял местами живых и мертвых, описав духовное разложение и смердение живых и телесное естество и закон совести мертвого» [11].

Превращение человека в животное, точнее, в скотину рассматривается Ф.М. Достоевским как катастрофическая неизбежность. Эта проблема затрагивалась писателем уже в романе «Бесы», в человеконенавистнической теории Шигалева говорится о том, что большая часть людей «должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо» [6]. Скотоподобие – это черта не только проживающих в Скотопригоньевске. Ф.М. Достоевский для изображения всеобщности процесса уподобления человека животному использует прием развертывания одного пространства внутри другого, причем пространство внутреннее шире, чем внешнее. Таким своеобразным пространством в пространстве становится трактир «Столичный город».

Особый интерес представляет название трактира, к исследованию которого обращались Л.М. Рейнус и Г.И. Смирнов. По мнению Г.И. Смирнова, первопричиной такого наименования стал трактир «Белград», действительно располагавшийся на Базарной площади в Старой Руссе: «Многие старожилы города утверждают, что название «Белград» для бывшего трактира на Базарной площади является очень старинным. По всей вероятности, это связано было с победой русских войск в русско-турецкой войне 1877-1878 годов, в результате которой получила независимость Сербия, а столицей этого славянского княжества стал город Белград, но это название не могло быть перенесено в роман условно-иронически, что противоречило бы известным патриотическим симпатиям Достоевского к русско-турецкой войне, его выступлениям за освобождение братских славянских народов от турецкого ига и их единение с русским народом» [15].

Л.М. Рейнус ассоциативно связывает название «Столичный город» с названием трактира купца И.А. Земского «Эрмитаж»: «Чем не столичный город, даже свой Эрмитаж имеется. И разве сам столичный город не напоминает чем-то этот трактир с его шумом и суетней, где люди топят свои невеселые думы?» [12].

Мы полагаем, что название «Столичный город» соотносится с тремя знаменитыми столицами. В первую очередь, с Петербургом, ведь именно в трактире Иван раскрывает Алеше свои ультрамодные, столичные мысли.

Нельзя не согласиться с Г.И. Смирновым, который считает, что названием «Столичный город» «проводится параллель с Римом эпохи упадка», а восточнохристианский апокриф «Хождение Богородицы по мукам», идентичный западному апокрифу «Хождение апостола Павла», порождает символическую связь <...> с Италией эпохи междоусобных распрей городов-государств, которая уподобляется кабаку» [15]. Последняя параллель основана на использовании «Хождения апостола Павла» в «Божественной комедии» Данте, имя которого упоминается в романе неоднократно. Именно Данте сравнил Италию с кабаком в 76-й терцине шестой книги «Чистилища»:

Италия, раба, скорбный очаг,
В великой буре судно без кормила,
Не госпожа народов, а кабак [15].

Наименование «Столичный город» вызывает представление о трактире как о суетном месте, где собирается много народа, своего рода вавилонском столпотворении. Таким образом, возникает название еще одного столичного города – Вавилона. Неслучайно поэту Снегирев спрашивает Алешу, пришедшего улаживать конфликт штабс-капитана с Дмитрием Карамазовым: «Так что если б я попросил его светлость стать на колени предо мной в этом самом трактире-с – «Столичный город» ему наименование – или на площади-с, так он и стал бы?» [6]. Здесь реализуется такая коннотация названия трактира, как многолюдность: стать на колени для покаяния Митя должен при всем честном народе.

Интересно также отметить, что Вавилон для человека русской культуры непременно ассоциируется с пьянством: *Вавилоны писать* – о хмельном, ходить, пошатываясь туда и сюда [5].

«Столичный город» является двойником Вавилона, упоминаемого в Апокалипсисе: «пал, пал Вавилон, великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу...»; «...горе, горе тебе, великий город Вавилон, город крепкий! ибо в один час

пришел суд твой». Г.И.Смирнов предлагает другую связь Вавилона и трактира – через чашу, на которой написано «Тайна» [15]. Исследователь имеет в виду слова Откровения от Иоанна: «И на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным».

Все сказанное нами свидетельствует о значимости номинации «Столичный город» в романе. События, разворачивающиеся в уездном городке, проецируются на современный Ф.М.Достоевскому Петербург, на Рим времен упадка (неслучайно Федор Павлович Карамазов предстает нам с физиономией «древнего римского патриция времен упадка» [6], на Вавилон, где произошло/произойдет столпотворение.

Каждый из названных столичных городов вписан в мировую историю, является определенным этапом развития человеческой цивилизации. И если идеи Ивана Карамазова тронут людей *столичного города*, то произойдет очередная катастрофа, которая увековечит в памяти человечества город, название которого Ф.М.Достоевский скрыл за перифразом «Столичный город». Так название трактира меняет хронотоп уездного города на хронотоп каменного города, олицетворением которого являются не только Петербург, Рим и Венеция, но и библейский Вавилон, а столичный хронотоп трансформируется в хронотоп вселенский.

Но, прежде всего, Скотопригоньевск – это Россия. В Скотопригоньевске живут поросята (свиньи), а «Россия, – по мнению Федора Павловича, – свинство» [6]. «Во всяком человеке конечно таится зверь», – утверждает Иван [6]. Но звериное начало, как считал Ф.М.Достоевский, должно подавляться. В романе же утрачиваются человеческие качества, остаются только инстинкты, помогающие выжить животному (в том числе инстинкт размножения, позволяющий «счесть за женщину» Лизавету Смердящую) [6].

Символизация России в образе Скотопригоньевска – Старой Руссы оказалась обусловлена тем, что топоним *Старая Русса* не только созвучен топониму *Русь*, но и, возможно, тем, что «Русь и Руса имеют общий этимон» [9]. Кроме того, как утверждает Г.И. Смирнов, «мысль Карамзина о том, что Старая Русса – древнейший город на Руси, была хорошо знакома с малых детских лет Федору Михайловичу по «Истории государства Российского» и, по всей вероятности, оказала серьезное влияние на выбор места для панорамной экспозиции «Братьев Карамазовых». Древнейший город на Руси, сохранивший в себе ее название, и сама Русь слились в синтезе идеи Достоевского об исторической самобытности русского народа...» [15].

Об обращении человечества в стадо говорится в Легенде о Великом инквизиторе: «А видишь ли сии камни в этой нагой раскаленной пустыне? Обрати их в хлебы, и за тобой побежит человечество как стадо, благодарное и послушное...» [6]. Эту мысль продолжает Ф.М. Достоевский в одном из писем: «Не одним хлебом (то есть как животное) жив человек...» – «Христос прямо объявляет о том, что в человеке, кроме мира животного, есть и духовный... (но скверно, что грехами человек может обратиться опять в скота» [6].

Время в Скотопригоньевске мифологизировано, несмотря на то, что рассказчик общается о событиях тринадцатилетней давности. В.Н. Захаров указывает, что «у Достоевского есть немало произведений, хронология которых накладывается на исторический календарь» [8]. Но роман «Братья Карамазовы» к таковым не относится: «В «Братьях Карамазовых» романное время начинается «в конце августа», следующий день был уже в сентябре, третий день, когда обнаружился «тлетворный дух» от умершего отца Зосимы, был постным днем (средой или пятницей), возобновляется рассказ о судебной ошибке через два месяца, в начале ноября, в воскресенье накануне процесса, который состоялся в понедельник; что случилось на пятый день после суда, описано в «Эпilogue». Таких лет, в которых «ноябрь в начале» (1 – 3-го ноября) приходился бы на воскресенье, а 1 – 2 сентября одновременно было средой (пятницей не могло быть), в календаре немного, но это никак не 1866-й год, на который указывает автор, – и ничего рядом: не 1865-й, не 1867-й годы. Из времени написания романа ближе всего 1881-й год, но вряд ли его имел в виду

Достоевский» [8]. Условность романного хронотопа объясняется желанием автора указать на символичность произошедшего, на возможное возникновение подобных событий в любом другом городе в любое время не только в прошлом, но и в настоящем и будущем. В связи с этим время накладывается не на исторический календарь (история обычно предстает как совокупность дат каких-либо глобальных событий, мелкие происшествия обычно остаются за кадром), а на христианский или народный календари, для которых характерна общеизвестность. Подробный анализ символического значения хрононимов в романе приведен в работах В.Н.Захарова и Е.В. Ковиной [8; 10].

Проблема перевоплощения человека в животное выражена лаконично в вымышленном топониме *Скотопригоньевск*, выбранном Ф.М. Достоевским для обозначения пространства. Нужно сказать, что пространство это можно охарактеризовать как замкнутое после приезда всех членов семейства Карамазовых на родину: вход в Скотопригоньевск есть, выхода нет – именно в момент, когда совершается преступление. Выход за границу Скотопригоньевска расценивается как разрыв пространства, закономерно ведущий к катастрофе: уезжает Иван – совершается убийство. Следующий этап – возвращение, но уже без восстановления целостности пространства. Префикс *при-* в названии города еще раз подчеркивает наше мнение о закрытости пространства. «Скотный двор», Скотопригоньевск, очищается либо за счет истребления одной особью другой, либо за счет самоуничтожения.

Показательно, что в Скотопригоньевске нет реки, обычно выступающей символом жизни, ее целенаправленного течения, город «пронизан канавками» [6], бесчисленное количество которых говорит о заболоченности местности. При этом подчеркивается неприятный запах, исходящий от застоявшейся воды: «... переулочек же выходил на мостки через нашу вонючую и длинную лужу, которую у нас принято называть иногда речкой» [6]. И это не только указание на Старую Руссу. Болото – это символ не просто плохих человеческих отношений, а олицетворение застоя всего и вся. По народной примете, блуждание по болоту предвещает горе. Болото осмысливается в народной культуре через понятия «чужое», «нечистое». Последняя характеристика может рассматриваться как буквально: грязное, мокрое, опасное место, – так и в переносном смысле: болото – это место обитания нечисти. Существуют общеславянские поверья о том, что в болоте живет нечистая сила: черти, богинки, стригони, вредоносные духи: *В тихом болоте (омуте) черти водятся (плодятся), Было бы болото, а черти будут* [5]. В канавистом Скотопригоньевске обитают черти, превратившиеся в свиней, но, вопреки Евангелию от Луки, не утонувшие в болоте: «Тут на горе паслось большое стадо свиней, и они просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, вышедши из человека, вошли в свиней; и бросилось стадо с крутизны в озеро, и потонуло. Пастухи, увидя случившееся, побежали и рассказали в городе и по деревням. И вышли жители смотреть случившееся, и, пришедши к Иисусу, нашли человека, из которого вышли бесы, сидящего у ног Иисусовых, одетого и в здравом уме и ужаснулись. Видевшие же рассказали им, как исцелился бесноватый».

Мотив болота объединяет Скотопригоньевск и Петербург, еще раз доказывая, что столичный хронотоп вписан в хронотоп провинциального городка. Но в болотистом Скотопригоньевске есть место, которое позволяет думать, что не все еще потеряно, что есть еще надежда на исцеление: семья Снегиревых, по мнению О.А. Фарафоновой, обитающая «в инопространстве, пространстве небытия» [16]. Эта семья, на наш взгляд, наоборот, создает пространство жизни, поэтому и проживает на *Озерной* улице, по-видимому, расположенной на окраине города. Озеро противопоставлено канавкам Скотопригоньевска, оно является символом очищения и начала новой жизни. Кстати, недалеко от этой улицы, правда, в переулке снимает квартиру Митя Карамазов.

Семейство Снегиревых занимает домик мещанки Калмыковой. Уже принадлежность хозяйки к сословию мещан указывает на то, что ее дом не мог находиться в центре

города. «Ветхий домишко, перекосившийся, всего в три окна на улицу, с грязным двором, посреди которого уединенно стояла корова» [6], по закону воздействия энергетики локуса превращается в пространство человеческого бытия, обязательным атрибутом которого является семья. Поэтому так важно было Ф.М.Достоевскому поместить корову посреди грязного двора как еще один символ жизни и семьи.

Символика смерти заложена в название другой улицы Скотопригоньевска, на которой живет, что неудивительно, госпожа Хохлакова со своей дочерью. Это улица *Михайловская*, которая располагается параллельно *Большой*, с которой ее разделяет лишь канавка. Название улицы связано с именем Михаила-Архангела, который, по народным верованиям, «отвечает за перевоз душ на тот свет» [1]. Именно на этой улице начинаются в жизни Мити испытания, когда госпожа Хохлакова отвечает отказом на просьбу Мити дать ему денег в долг. Момент смерти старика Карамазова – это и момент смерти Мити, явившийся началом его нравственного перерождения.

Показательно также, что к дому отца Дмитрий идет по *Дмитровской* улице, только для него обозначенным путем, ставшим путем на Голгофу. В Старой Руссе была улица с созвучным названием – Дмитриевская, а также Дмитриевский переулок [12].

Ф.М. Достоевский оставляет читателям надежду. В конце романа описаны похороны Илюши Снегирева, на которые пришли все его знакомые мальчишки. Несмотря на трагичность смерти маленького мальчика, глава «Похороны Илюшечки. Речь у камня» представляется довольно оптимистичной. Вероятно, это связано с древним архетипом смерти как начала новой жизни: по мнению О.М. Фрейденберг, могила – это место, где «умершие находятся временно и тут же оживают; жилище людей, – что и вызывает семантическое тождество «храма», «дома», «могилы»» [18]. Так могила становится для Илюши домом, выполняющим свою основную охранительную функцию. Но знаменательно, что метафора жизни-смерти реализуется в романе не только в свете языческой традиции, описанной О.М. Фрейденберг, но и в свете христианской символики: похороны Илюшечки и, следовательно, речь Алеши Карамазова приходятся на воскресенье.

Проведенное исследование топонима *Скотопригоньевск* и структуры его образной номинации позволяет рассматривать роман концептуально: пространство, так малопривлекательно названное, заставляет задуматься о тех, кто его населяет, то есть приводит к размышлению об образах главных героев и существующих связях между ними.

Библиографический список

1. Алексеева Л.М. Полярные сияния в мифологии славян. Тема змея и змеборца. М.: Радуга, 2001. 446 с.
2. Альтман М.С. Достоевский: По вехам имен. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1975. 280 с.
3. Бэлнеп Р.Л. Структура «Братьев Карамазовых» / Науч. ред. В.С.Баевский; Пер. с англ. В.С.Баевский и др. СПб: Акад. проект, 1997. 143 с.
4. Гурин С.П. Маргинальные прогулки №19. Образ города в культуре // Гурин С.П. Маргинальная антропология. Саратов, 2000.
5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Терра, 1995.
6. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Л.: Наука, 1972–1988.
7. Жолковский А.К. О Смердякове (К проблеме «Булгаков и Достоевский») // Лотмановский сборник / Тартуский ун-т., каф. семиотики и др.; Ред.-сост. Е.В. Пермяков. Т.1. М., 1995.

8. Захаров В.Н. Символика христианского календаря в произведениях Достоевского // Новые аспекты в изучении Достоевского: Сб. науч. тр. / Петрозавод. гос. ун-т; [Отв. ред. В. Н. Захаров]. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1994. С. 37–49.
9. Ковалев Г.Ф. Этнос и имя. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2003 .
10. Ковина Е.В. Художественная картина мира в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: время, пространство, человек: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. СПб, 2005. 266 с.
11. Климова С.М. Агиографические элементы романа Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы» // Человек. 2002. №6. С. 79–85.
12. Рейнус Л.М. Достоевский в Старой Руссе. Изд. 2-е, испр. и доп. Л.: Лениздат, 1971. 79 с.
13. Сизинцева Л.И. Хронотоп провинциала // Русская провинция: Культура XVIII – XX веков. М., 1993. С. 32–36.
14. Скуридина С.А. Поэтика имени у Ф.М.Достоевского (на материале романов «Подросток» и «Братья Карамазовы»). Воронеж: Воронежский государственный университет, 2007. 304 с.
15. Смирнов Г.И. Скотопригоньевск и Старая Русса // Москва. 1991. № 11. С. 187–199.
16. Фарафонова О.А. Мотивная структура романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Новосибирск, 2003. 202 с.
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. 3-е изд., стер. СПб: Терра – Азбука, 1996.
18. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра / Подгот. текста и общ. ред. Н.В.Брагинской. М.: Лабиринт, 1997. 445с.

References

1. Alexeeva L.M. Aurora in Slavonic mythology. Snake and snake-fighter. M., 2001. 446 p.
2. Altman M.S. Dostoevsky: through names. Saratov, 1975. 280 p.
3. Balnep R.L. The structure of “The Karamazov brothers”. SPb., 1997. 143 p.
4. Gourin S.P. Marginal strolls №19. Cultural image of the city // S.P. Gourin. Marginal anthropology. Saratov, 2000.
5. Dahl V. Explanatory dictionary of live Great-Russian language: in 4 vol. M., 1995.
6. Dostoevsky F.M. Full collection of works in 30 vol. L., 1972–1988.
7. Zholkovsky A.K. On Smerdyakov (To the problem “Boulgakov and Dostoevsky”) // Lotman collection. Vol. 1. Tartu. M., 1995.
8. Zakharov V.N. Christian calendar symbols in Dostoevsky’s works // New aspects in researchers on Dostoevsky. Petrozavodsk, 1994. P. 37–49.
9. Kovalev G.F. Ethnos and name. Voronezh, 2003.
10. Kovina E.V. Fiction picture of the world in the novel “The Karamazov brothers” by Dostoevsky. SPb., 2005. 266 p.
11. Klimova S.M. Hagiographical elements in the novel “The Karamazov brothers” by Dostoevsky // The man. 2002. Vol. 6. P. 79–85.
12. Reinus L.M. Dostoevsky in Staraya Russa. L., 1971. 79 p.
13. Sizintseva L.I. The chronotop of a provincial resident // Russian province. The culture 18 – 30 cent. M., 1993. P. 32–36.
14. Skuridina S.A. Poetics of name in Dostoevsky’s works. Voronezh, 2007. 304 p.
15. Smirnov G.I. Scotoprignonievsk and Staraya Russa // Moscow. 1991. Vol. 11. P. 187–199.
16. Farafonova O.A. Motive structure of the novel “The Karamazov brothers” by Dostoevsky. Novosibirsk, 2003. 202 p.
17. Fasmer M. Ethimiological dictionary of Russian language: in 4 vol. SPb., 1996.
18. Freidenberg O.M. Poetics of plots and genres. M., 1997 . 445 p.

УДК 82-14

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Ассистент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Сулемина О.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473) 248-17-33;
e-mail: may2005@yandex.ru

Voronezh State University of Architecture and Building
The chair of Russian language and cross-cultural communication,
assistant lecturer Sulemina O.V.
Russia, Voronezh, tel. +7(473) 248-17-33;
e-mail: may2005@yandex.ru

О.В. Сулемина

УНИВЕРСАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ «СТРАШНОГО» И ЕЕ ВАРИАТИВНОСТЬ В ЛИРИКЕ А.С. ПУШКИНА

Данная статья посвящена исследованию универсальной категории «страшного» на материале пушкинской лирики. Рассмотрение определений страха позволяет обнаружить, что страх может восприниматься в основном как трепет, испуг или ужас. Пушкинское восприятие данных категорий в некоторых аспектах созвучно общепринятому, но порой сильно отличается от литературных и культурных установок его времени. Подобные отличия и выявляют уникальность авторского поведения поэта.

Ключевые слова: лирический субъект, страх, трепет, ужас, испуг.

O.V. Sulemina

THE UNIVERSAL CATEGORY OF FEAR AND IT'S VARIABILITY IN PUSHKIN'S LYRICS

This article is devoted to investigation of the universal category of fear on the material of Pushkin's lyrics. The examination of definitions of fear helps to find out that fear can be mainly accepted as trepidation, fright or horror. Pushkin's accepting of these categories in some aspects is common, but sometimes it is very unusual for his literature and cultural surrounding. These cases reveal uniqueness of poet's creative behaviour.

Keywords: lyric subject, fear, trepidation, horror, creative reality.

Универсальная категория [9] «страшного» значима для лирики А.С. Пушкина, поскольку особенности восприятия страха отражают миропонимание и самосознание пушкинского лирического субъекта и остальных субъектов его лирики.

Попытаемся наметить контуры истолкования «страшного» современной наукой (обратимся к философскому, культурологическому, лингвистическому и отчасти психологическому пониманию страха).

Прежде всего следует сказать, что вопрос о сущности «страха» до сих пор является спорным. А. М. Пятигорский выделяет такие особенности «страха»: «Страх, будучи, как всякое психическое состояние по определению бессодержательным (страхом чего угодно или даже страхом ничего), может через мыслящее о нем мышление соотноситься с любым объектом (содержанием) мышления и, таким образом, является состоянием сознания. Логически же, как одно понятие, страх – бессущностен, ибо в каждом конкретном случае это будет не тот страх, что в каждом другом» [10].

Страх может приостановить процесс осмысливания сознанием самого себя. Идентификация состояния страха возможна только при способности субъекта к рефлексии. Однако в работе упоминается некий «абсолютный страх» [10], который исключает не только рефлексии, но и само сознание. Возможность существования «абсолютного страха» дана в виде вопроса, на который нет положительного ответа. Но, вместе с тем, нет и отрицательного.

С нашей точки зрения, выделение «абсолютного страха» оказывается своеобразным «мостиком» между пониманием страха как состояния сознания и его восприятием в качестве первичного, самостоятельного и объективного явления.

По мнению Л. Липавского, «ужасность, т. е. свойство порождать в живых существах страх, есть объективное свойство вещи, ее консистенции, очертаний, движения и т.д.» [7]. То, что А. М. Пятигорский характеризует как «бессодержательность страха», Липавский называет «собирабельностью». Он видит в «собирабельности» не отсутствие единого начала, а бесконечность форм выражения: «Существует в мире всего один страх, один его принцип, который проявляется в различных вариациях и формах» [7].

Представляется, что предложенные выше трактовки страха относятся к разным ситуациям его проявления. Страх как *объективное свойство вещи* воздействует на «мыслящее мышление» и проявляется как *состояние страха*, то есть одно из состояний сознания. Если же возникает «абсолютный страх», исключающий возможность мышления, реакция на него возникает на уровне инстинкта – подобное состояние можно назвать «животным страхом».

Значимой характеристикой «страха» можно назвать причину его возникновения. С этой точки зрения выделяются: а) «страх» – тревога [11], «свободный страх» [12], который характеризуется отсутствием конкретного объекта («готовность к страху» [12]) и б) «конкретный» страх [5], страх перед внешней опасностью, который имеет объект. Представляется, что в сознании пушкинской эпохи превалирует именно второй «вариант» страха.

Важны аксиологические характеристики «страшного». В научных трудах присутствуют как отрицательная оценка «страха», так и положительная [6]. Столь противоположные характеристики относятся, соответственно, к разным типам «страха». Отрицательно может быть оценен, например, «страх – тревога» как состояние, в котором субъект пребывает постоянно, вследствие чего теряет способность к движению вперед и развитию, или «абсолютный страх» – высшая степень проявления страха, которая вытесняет мышление и сознание. Положительно оценивается страх, концентрирующий волю и влекущий за собой возможность действия, изменения. При этом субъект преодолевает собственные границы и выходит на новый уровень развития. Такой страх относится к «конкретным» и имеет определенный объект (предмет, явление, событие и т. д.).

Выделив некоторые значимые для дальнейшего исследования особенности «страшного», обратимся подробнее к возможным вариантам его проявления.

В словаре В. Даля «страхъ» определяется как «страсть, боязнь, робость, сильное опасенье, тревожное состояние души от испуга, от грозящего или воображаемого бѣдствія» [4]. Сделаем попытку разграничить и ранжировать возможные варианты «страшного», такие как «боязнь, жуть, испуг, кошмар, паника, страх, ужас» [2]. Страх и *боязнь* часто употребляются как синонимы. Хотя некоторые исследователи их разграничивают: «страх означает определенное состояние ожидания опасности и приготовление к последней, если она даже и неизвестна; боязнь предполагает определенный объект, которого бояться» [12]. *Испуг* – «состояние, возникающее при опасности, когда субъект оказывается к ней не подготовлен, он подчеркивает момент неожиданности» [12]. Это мгновенная реакция на внешнее воздействие.

Особое внимание следует уделить состоянию *трепета*, поскольку оно подразумевает под собой как отрицательную, так и положительную эмоциональную нагруженность. В словаре В. Даля «трепетать» значит «страшиться, бояться, ожидать со страхомъ», а также «радоваться, веселиться» [4]. Это состояние погружения в движение жизни, в котором возможны изменения и развитие. Трепет вызывается переходом в новое качество или его предчувствием, соприкосновением с неким внешним активным воздействием. Таким образом, «трепет» как одну из форм выражения страха необходимо исследовать с учетом нюансов значения. У Пушкина *трепет* может быть:

1) выражением страха: «Взад и вперед со страхом оглянулся, / <...> Как вкопанный,

пред белой юбкой стал / Молчал, краснел, смущался, трепетал...» («Монах»,1813) [1]; «Он поднял меч... и с трепетом Эвлега / Падет на дерн, как клок летучий снега...» («Эвлега»,1814) [1]; «Во все пределы Иудеи / Проникнул трепет <...> / Народ завыл, объятый страхом...» («Когда владыка ассирийский...»,1835) [1];

2) любовным томлением: «Осталася – и трепетной рукою / Взял руку ей счастливый пастушок...» («Рассудок и любовь»,1814) ; «Стон неги, вопли, дикий вой / <...> Рождает трепет упоенья...» («Всеволожскому»,1819) ; «Забыло сердце нежный трепет / И пламя юности живой...» («Алексееву», 1821); «За вами сердцем и глазами / С невольным трепетом носушь...» («В альбом кж. А. Д. Абамелек»,1832) [1];

3) творческим вдохновением: «<...> В тиши Парнасской сени / Я с трепетом склонил пред музами колени» («К Жуковскому»,1816); «В минуты вдохновенья / <...> Прозрачный, легкой дым / Носился над тобою / И с трепетом живым / В нем быстрой чередою...» («К моей чернильнице»,1821) [1].

Исследование категории «ужаса / ужасного», представляющей собой «усиленную» вариацию более общего понятия «страшного» и несущей в этой связи различные дополнительные коннотации, подразумевает, прежде всего, разрешение некоторых понятийных вопросов.

Словарь В. Даля характеризует «ужас» как «внезапный и самый сильный страх, страсть, испуг, внутреннее содроганье, трепеть, отъ боязни и отвращенья» [4]. В данном случае акцент делается не только на масштабах страха, но и на его внезапности. Однако на первый план часто выходит первая из данных характеристик, в то время как вторая редуцируется или исключается.

В некоторых работах понятия «ужас» и «страх» употребляются как тождественные: «ужасность, т.е. свойство порождать в живых существах страх...» [7]. Возможно охарактеризовать «ужас» и как «абсолютный страх» [10], исключающий возможность мыслить и осознать происходящее. Но более верным (и, кажется, созвучным в чем-то восприятию пушкинского лирического субъекта) представляется следующее утверждение Н. Бердяева: «Страх, всегда связанный с эмпирической опасностью, нужно отличать от ужаса, который связан не с эмпирической опасностью, а с трансцендентным, с тоской бытия и небытия» [3].

У Пушкина *ужас* может возникать в разных своих аспектах:

1) внезапный, сильный страх: «Задумчивый певец взор тихий обратил / <...> и путник боязливый / Содрогся в ужасе и мимо поспешил...» («Осгар»,1814) ; «Все, все сказал ужасный звук; / Затмилась перед ним природа. / Прости, священная свобода! / Он раб» («Кавказский пленник», 1820-1821) [1];

2) просто сильный страх: «Ужасный рифмачам мертвец» («Тень Фонвизина»,1815) ; «Бегут вакханки по горам / Тимпаны звонкие, кружась меж их перстами, / Гремят и вторят их ужасным голосам.» («Торжество Вакха»,1818) ; «Чудесный твой отец, преступник и герой, / И ужаса людей, и славы был достоин.» («Дочери Карагеоргия», 1820) ; «Ужасна исповедь злодея!» («Вечерня отошла давно...», 1823); «Как легкой звук иль дуновенье, / Иль как ужасное виденье...» («Заклинание»,1830) [1];

3) *тоска бытия// небытия*: «Лишенный всех опор отпавший веры сын / Уж видит с ужасом, что в свете он один, / <...> Во храм ли высшего с толпой он молча входит, / Там умножает лишь тоску души своей» («Безверие»,1817); «<...> моя душа полна / Тоской и ужасом, мучительное бремя / Тягчит меня. <...> Наш город пламени и ветрам обречен...» («Странник»,1835) [1].

Тоска (сопряженная с ужасом) обусловлена *предчувствием* чего-то неизбежного и не зависящего от воли человека (причем это грядущее может быть открыто человеку или скрыто от него (как в случае «Безверия»). Также у Пушкина с *предчувствием* может быть связан *страх*: «Все тихо – страх его объемлет – / <...> Могила на краю дороги / Вдали белеет перед ним / Туда слабеющие ноги / Влачит, предчувствием томим...» («Цыганы»,1824) [1]. Только в описанном выше случае *ужаса-тоски* предчувствие носит *бытийный* характер, а в данном

примере оно связано скорее с *предвидением* ближайших событий.

Помимо этого, в пушкинском лирическом мире ужас может быть оценен положительно (вслед за одической традицией) как восхищение делами Творца: «[Ужасный край чудес]!» («Я видел Азии бесплодные пределы...», 1820) [1].

Таким образом, мы можем наблюдать, что универсалия «страшного» (как и ее «вариации») многогранна и даже амбивалентна, что проявляется и в пушкинском лирическом мире.

Библиографический список

1. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. М.: Воскресенье, 1994 – 1997.
2. Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. 348 с.
3. Бердяев Н. Самопознание. М.: ДЭМ, 1990. С. 45-60.
4. Даль В. Толковый словарь в четырех томах. М.: Русский язык, 1991.
5. Делюмо Ж. Ужасы на Западе. М.: Голос, 1994. 416 с.
6. Кори Р. Страх: история политической идеи / Пер. с англ. А. Георгиева, М. Рудакова. М.: Прогресс-традиция; «Территория будущего», 2007. 368 с.
7. Липавский Л. Исследование ужаса. М.: изд. Ад Маргинем, 2005. 445 с.
8. Словарь языка Пушкина: в 4т. / [под ред. В. В. Виноградова] . М. : АН СССР, 1956.
9. Универсалии русской литературы / Отв. ред. А. А. Фаустов. Воронеж: Воронежский государственный университет; Издательский дом Алейниковых, 2009. 652 с.
10. Пятигорский А. С. Страх из 2009 года// «Неприкосновенный запас», 2009. №5(67). С.3 – 16.
11. Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Время и бытие. М.: Республика, 1993. С.16– 27.
12. Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений. М.: Просвещение, 1989. 448с.

References

1. Pushkin A.S. Complete Works: in 19 v. M., Sunday, 1994-1997.
2. Anthology of concepts / Ed. V.I. Karasik, I.A. Sternin. Volgograd: Paradigm, 2005. 348 p.
3. Berdyayev N. Self-knowledge. M.: DEM, 1990. pp. 45-60.
4. Dahl V. Dictionary in four volumes. M.: Russian language, 1991.
5. Delumeau J. West Horror. M.: Voice, 1994. 416 p.
6. Corey R. Fear: the history of political idea / Trans. from English. A. Georgiev, M. Rudakov. M.: Progress-tradition, «The territory of the Future», 2007. 368 p.
7. Lipavsky L. Study of horror. M.: Ad Marginem, 2005. 445 p.
8. Vocabulary of Pushkin's language: in 4v. / [ed. V. Vinogradov]. M: AS USSR, 1956.
9. Universals of Russian Literature / Ed. A. Faustov. Voronezh: Voronezh State University; Aleinikov's Publishing House, 2009. 652 p.
10. Piatigorsky A. Fear from 2009 year // «The Untouchable stock», 2009. № 5 (67). pp. 3- 16.
11. Heidegger M. What is metaphysics? // Time and being. M.: The Republic, 1993. pp. 16-27.
12. Freud Z. Psychology of the Unconscious: Coll. works. M.: Education, 1989. 448 p.

УДК 801.3136 804.0

Воронежский государственный университет,
кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры русского языка довузовского этапа обучения иностранных учащихся ФГБОУ ВПО ВГУ
В.В. Вязовская
e-mail: v.vyazovskaya@gmail.com

Voronezh State University,
The Chair of the Russian Language FGBOU VPO VGU
PhD, senior lecturer Vyazovskaya V.V.
e-mail: v.vyazovskaya@gmail.com

В.В. Вязовская

ИМЕНА «ДЕМИКОТОНОВОЙ КНИГИ»

В данной статье анализируются имена собственные, употребленные в дневнике главного персонажа романа Н.С. Лескова «Соборяне», анализируется их структура и функции.

Ключевые слова: ономастика, онимы, картина мира, Н.С. Лесков.

V.V. Vyazovskaya

THE NAMES OF THE «DEMICOTTON BOOK»

In the given article we analyze the personal names used in the diary run by the main hero of the novel «Cathedral people» by N.S. Leskov, their structure and function as well.

Key words: onomastics, onyms, world pictures, N.S. Leskov.

Главный герой романа Н.С. Лескова «Соборяне» протопоп Туберозов все свои размышления заносит в дневник, который находится в Евгениевском «Календаре» и называется *Демикотоновая книга протопоп Туберозова*.

Евгениевский «Календарь» – это «Церковный календарь» (1803), изданный Евгением Болховитиновым. Н.С. Лесков не случайно выбирает в качестве дневника для своего героя именно календарь.

Календари интересовали Н.С. Лескова как доступное всем слоям общества и популярное в народе чтение. Как замечает Т.А. Алексеева, он неоднократно рассматривал их в своих статьях: «Календарь графа Толстого» (1887), «О пьесе и о народном календаре графа Л.Н.Толстого» (1887) и «Календарные обновы» (1886) [4].

Название самого дневника – *Демикотоновая книга* – образовано от навания ткани *демикотон* (от франц. *demi* «половина», *coton* «хлопок») [6]. Так называется «плотная хлопчато-бумажная ткань», на что, впрочем, и указывает сам автор: «Евгениевский «Календарь», переплетенный в толстый синий *демикотон*» [1].

Дневник воскрешает историю России недавнего времени, примерно с 1831 по 1864 год. Он представляет собой краткую запись важнейших исторических событий, характеризующих русскую жизнь середины XIX века.

Исследователь Л.В. Черепнин отметил, что всю свою жизнь Н.С. Лесков интересовался жизнеописанием духовных лиц, которым и «посвятил больше всего своих статей. Обычно он серьезно работал над этими статьями, стараясь документировать свое изложение» [9].

Эти имена свидетельствуют о широте религиозных взглядов самого автора. По замечанию Л.Н. Афолина, в библиотеке Н.С. Лескова хранилось 25 книг религиозного содержания: пять различных (русских и зарубежных) изданий Нового Завета, в том числе одно на французском языке, двухтомное (лондонское) издание Ветхого Завета, Псалтырь, сочинения Фомы Кемпийского и Тихона Задонского, труды Ф.В. Фаррара по истории раннего христианства, молитва Кирилла Туровского и другие. Почти все они с большим вниманием читались и перечитывались Н.С. Лесковым, о чем свидетельствуют сотни его помет, особенно в книгах Ветхого Завета, в Евангелии, в Посланиях апостолов [4].

На страницах дневника встречаются имена таких духовных деятелей, как *Игнатий Лойола, Кирилл Белозерский, Мартин Лютер, Иннокентий Херсонский, Бажанов, преосвященный Гавриил, Димитрий Ростовский, Могила*. Туберозов не раз обращается и к сочинениям религиозного содержания: «*О сельском духовенстве*», *Промысел, Евангелие от Иоанна, Писание, Книга Царств*. Свободно цитирует протопоп *Книгу Царств*, толкование *Иннокентия Херсонского*, «*Духовный регламент*» *Феофана Прокоповича*.

Как правило, автор обращается к именам тех проповедников, в сочинениях которых содержалась открытая и резкая критика двора, высшего света и российских порядков. Протопоп вспоминает имена *Могилы* и *Димитрия Ростовского*: «Минули дни Могилы, Ростовского Димитрия и других светил светлых, а настали иные, когда не умнейший слабейшего в разуме наставляет, а обратно, дабы сим уму и чувству человеческому поругаться» [1]. По форме эти строки, как замечает М. Ранчин, – цитата из «Слова о полку Игореве»: «Были вечи Трояни, минула лета Ярославля, были ...Ольговы». Здесь Туберозов, как и древнерусский автор, противопоставлял прежние счастливые времена горестным нынешним [8]. Петр Могила (1596–1647) – это митрополит Киевский, известный делами духовного просвещения. Димитрий Туптало – это митрополит Ростовский (1651–1709), церковный писатель, духовный просветитель. Димитрий Ростовский известен тем, что в присутствии царя Петра I и его сановников смело обличал высший свет и говорил о тяжелом, унижительном положении народа [3].

Цитирует Туберозов и основателя и игумена Белозерского монастыря Кирилла Белозерского (1337–1427): «Какая огромная радость! Ксендзы по Литве учредили общества трезвости: они проповедают против пьянства, и пьянство престаёт, и народ остепеняется, и откупщики-кровопийцы лопаются. Ах, как бы хотелось в сем роде проповедничать! В некоторых православных обществах заведено тоже. Боюсь, не утерплю и скажу слово! Говорил бы по мысли Кирилла Белозерского, како: «крестьяне ся пропивают, а души гибнут» [1].

Поводом к данному обращению послужило не воплотившееся в жизнь учреждение «обществ трезвости» в России во время правления Александра II. Эти общества быстро распространились по Литве и на Жмуди, где откупщиками были евреи, и эти откупщики в здешних местах скоро и основательно разорились, но «вопить против христианской проповеди не посмели», да не придумали и никаких других средств, чтобы повредить распространению трезвости. Совсем не то видим, когда дело дошло до Калуги, где кто-то из местных духовных тоже было пожелал подражать ксендзам в призыве христиан к трезвости. Откупщики русского происхождения и православного предания исповедания тотчас же нашли средство остановить эту попытку отрезвить народ словом христианского убеждения и положили трезвости прочный конец. Уста проповедников трезвости были запечатаны, но только не от иудеев» [8].

Как впоследствии Н.С. Лесков напишет в своей статье «Еврей в России: Несколько замечаний по еврейскому вопросу» за 1883 год, что «откупщики-жиды оказались и ненаходчивыми и бессильными в сравнении с откупщиками из православного купечества и частью из знатного российского дворянства. И эта история нашла отображение в хронике Н.С. Лескова «Соборяне»

Особое место в дневнике протопопа занимает «Духовный регламент» Феофана

Прокоповича. Хотя «Духовный регламент» неоднократно цитируется в тексте «Соборян», но первая встреча Туберозова с ним отмечена в дневнике протопopa 4-го февраля – в его день рождения [3], словно знаменуя важный этап в духовном становлении старгородского священника: «4-е февраля. Вчера, без всякой особой с моей стороны просьбы, получил от келейника отца Трoадия редкостнейшую книгу, которую, однако, даже обязан бы всегда знать, но которая издана как бы для того, чтоб ее в тайности хранить от тех, кто ее знать должен. Сие «Духовный регламент» [1].

Так, Савелий Туберозов записывает в свою «демикотоновую книгу» выпад Феофана против архиерейских служителей, называемых не иначе как «лакомыми скотинами», которые, «как татары, на похищение устремляются». Протопop сопровождает свою запись словами: «Великолепно, государь, великолепно!». В работе И.А. Шляпкина зафиксировано высказывание самого Н.С. Лескова о языке «Соборян»: «Оригинальный язык «Соборян» ... почерпнут... из Духовного регламента и старых указов» [10].

«Духовный регламент» (1721) – это написанное Феофаном Прокоповичем и отредактированное Петром I Положение о церковном управлении и об утверждении вместо патриаршества духовной коллегии, позднее переименованной в синод. В эпоху Н.С. Лескова «Духовный регламент» был труднодоступным сочинением. Он не был запрещен, так как «нельзя было запретить государственный указ, перепечатанный к тому же в начале николаевского царствования (конец 1820-х годов). Но он был труднодоступен, а духовные власти дополнительно всячески мешали знакомству с ним» [3].

«Духовный регламент» содержит резкие критические и даже сатирические выпады против церковной верхушки, которая была склонна противиться петровским нововведениям против невежества и распущенности священников и монахов. Именно эта критическая и сатирическая струя делала «Духовный регламент» своеобразнейшим, оригинальнейшим, непохожим на другие узаконения документом и была главной причиной его ограниченного распространения. Но именно эти критические, сатирические моменты вычитывались из книги Савелием Туберозовым и более всего были ценимы самим Н.С. Лесковым.

Упомянуты на страницах дневника Туберозова и другие редкие и запрещенные сочинения. Так, протопop, желая выписать себе книгу «О сельском духовенстве», узнает, что это «книга запрещенная и в продаже ее нет». И тут же с грустной иронией подмечает: «Вот поистине гениальная чья-то мысль! для нас, духовных, книга о духовенстве запрещена» [1].

Здесь имеется в виду книга священника И.С. Беллюстина «Описание сельского духовенства» (Париж, 1858), написанная по инициативе М.П. Погодина и им отредактированная [1]. Эта книга была известной и живо обсуждалась в современной Н.С. Лескову журналистике, т.к. стала «своего рода громовым ударом для тогдашнего управления» [5].

Труд И.С. Беллюстина рисовал жизнь и материальное положение русского сельского духовенства в самых мрачных красках. Автор правдиво описал взяточничество и самоуправство консисторий и архиереев, бесправное и жалкое материальное положение сельского духовенства, отчужденность его от народа, неизбежное пресмыкательство перед помещиками и полицией, – и книга, само собой запрещенная, стала одной из сенсационных. Автор «заставляет» своего героя интересоваться этой книгой и после долгих розысков восклицать: «О, сколько правды! сколько горькой, но благопотребнейшей правды!» [1].

Таким образом, автор не остается безучастным к событиям реальной жизни – протопop делает запись о книге 29-го сентября 1861 года, что вполне естественно, так как само издание появляется в 1858 году. А. Белецкий утверждает, что у Н.С. Лескова была эта книга. Немаловажно, что А. Белецкий рассматривает труд И.С. Беллюстина в качестве одного из «побуждений» Н.С. Лескова к написанию «Соборян» [5].

Туберозов с сожалением говорит о недоступности сочинения «О подражании Христу» для сельского духовенства: «Книги той духовному нищенству нашему достать не-

где» [1].

Как указывает Л.Н. Афонин в своей работе «Книги из библиотеки Лескова в государственном музее И.С. Тургенева», здесь имеется в виду издание, которое особо ценил Н.С. Лесков: «О подражании Иисусу Христу, четыре книги, Фомы Кемпийского, перевод с латинского графа М.М. Сперанского» (Спб., 1835 г.). Эта книга неоднократно переводилась в России и рекомендовалась деятелям официальной церкви. Это издание было в библиотеке Н.С. Лескова и на страницах содержало более 70-ти его помет [4].

Н.С. Лесков высоко ценит силу художественного потенциала Библии. Так, он пишет по этому поводу С.Н. Терпигореву: «Выведи в конце путешествующего попа или диакона и резюмируй тип его словами из Библии – «Книги Царств»: «Се Ровоам, сын Соломонь!»! <...>. Это бы надо бы поставить эпиграфом, но ты это упустил. – Поставь хоть в конце. Слово библейское очень картинное» [1].

Таким образом, «Демикотоновая книга» прототопопа Туберозова являет собой не только источник душевных переживаний героя, но и представляет эпоху, в которой жил и творил Н.С. Лесков.

Библиографический список

1. Лесков Н.С. Собр. соч. в 11-ти тт. М.: Художественная литература, 1956–1958.
2. Алексеева Т.А. Лесков в «Петербургской газете» [Текст] // Неизданный Лесков: В 2 кн. / Отв. ред. К.П. Богаевская, О.Е. Майорова, Л.М. Роземблюм. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, Б.г. – (Литературное наследство. Т.101), 2000. С. 204-222.
3. Афанасьев Э.Л. Лесков и русская литература XIII века // Лесков и русская литература. М.: Наука, 1988. С. 136-148.
4. Афонин Л.Н. Книги из библиотеки Лескова в государственном музее И.С. Тургенева // Литературное наследство. Из истории русской литературы и общественной мысли 1860 – 1890-х годов. Т.87. М., 1977. С. 130-158.
5. Габель М.О. Академик А.И. Белецкий – исследователь Н.С.Лескова // Литературное наследство. Из истории русской литературы и общественной мысли 1860 – 1890-х годов. Т.87. М., 1977. С. 631-655.
6. Ганшина К.А. Французско-русский словарь: 51 000 слов. М.: Русский язык, 1987. 972с.
7. Лесков Н.С. Мирные толки о весьма немирных историях // Н.С. Лесков Собрание сочинений в бтт. М.: АО Экран, 1993. Т. 3. С. 142–149.
8. Ранчин А. Примечания // Лесков Н.С. Собрание сочинений в бтт. – М.: АО Экран, 1993. Т. 4. С. 600-619.
9. Черепнин Л.В. Исторические взгляды классиков русской литературы. М.: Издательство «Мысль», 1968. 381 с.
10. Шляпкин А.И. К биографии Н.С.Лескова // Русская старина. 1895. № 12. С.205-251.

References

1. Leskov N.S. Collected works in 11 vol. M.: 1956–1958.
2. Alexeeva T.A. Leskov in “Petersburg newspaper”. Vol.2. M.: RAS, 2000. P. 204-222.
3. Afanasiev E.L. Leskov and Russian literature of the 13th century // Leskov and Russian literature. M.: 1988. P. 136-148.
4. Afonin L.N. Books from Leskov’s library in Turgenev’s state museum // Literature hereditary. From the history of Russian literature and social thought in the 1860 – 1890s. Vol.87. M., 1977. – P. 130-158.

5. Gabel M.O. Academician A.I. Beletsky as researcher of N.S. Leskov's works. Literature hereditary. From the history of Russian literature and social thought in the 1860 – 1890s. Vol.87. M., 1977. P. 631-655.
6. Ganshina K.A. French-Russian dictionary: 51 000 words. M.: 1987. 972 p.
8. Ranchin A. Footnotes // Leskov N.S. Collected works in 6 vol. Vol.4. M.: 1993. P. 600-619.
9. Cherepnin L.V. Historical views of Russian classical writers. M.: 1968. 381p.
10. Shlyapkin A.I. To N.S. Leskov' biography // Russian old times. 1895. Vol 12. P. 205-251.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 801.3

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации,

Воронова Т.А.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732)71-50-48;

e-mail: tati82@inbox.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

The chair of Russian language and cross-cultural communication,

PhD, associate professor Voronova T.A.

Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48;

e-mail: tati82@inbox.ru

Т.А. Воронова

ИТАЛИЯ И ИТАЛЬЯНЦЫ В ПОЭЗИИ АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО

В статье рассматриваются ономастические единицы в поэзии А.А. Тарковского, связанные с историей и культурой Италии. Подчеркивается преимущественно личностный характер выбора данных лексических единиц.

Ключевые слова: лексика, оним, топоним, Италия, поэтический текст, контекст, образ.

Т.А. Voronova

ITALY AND ITALIANS IN A. TARKOVSKY'S VERSE

The article sites the onomastic units in A. Tarkovsky's verse which refer to the history and culture of Italy. The personal character of the author's choice in this respect is emphasized.

Key words: lexics, onym, toponym, Italy, poetic text, context, image.

Италия как колыбель Возрождения и весьма значимый культурно-исторический феномен всегда привлекала к себе внимание художников и литераторов, в том числе и русских поэтов. Некоторые историко-географические «константы» Италии (к примеру, Венеция, Рим и т.д.), а также имена итальянских деятелей искусства и науки давно превратились в универсальные образы-символы, шагнувшие далеко за пределы породившей их культуры. Не обошел вниманием эту культуру и ее представителей и Арсений Тарковский; однако его «поэтическая Италия» несколько отличается от образов, созданных его старшими современниками – А. Блоком, А. Ахматовой, Н. Гумилевым, О. Мандельштамом и др.

Выбор Тарковским ономастических единиц и значимых «примет» Италии оказался на

этом фоне несколько неожиданным. Из топонимов можно назвать следующие: само название страны – Италия; Рим; Сиена; косвенно присутствует Флоренция – в выражении «флорентийские башни». Личные имена представлены следующим списком: Алигьери (плюс отсылка к его самому известному произведению в выражении «Дантов ад»), Галилей (в выражении «число Галилея»), Гарибальди, Анжело Секки, Скиапарелли, Ломброзо.

Примечательно, что образы Италии, выбранные Тарковским и вносимые в текст стихотворения при помощи онима или топонима, чаще всего лишены привычного налета романтизма (а иногда даже образно-символического звучания) и, как правило, несут вполне конкретный и, что не менее важно, личностный смысл.

Также представляется интересным тот факт, что из «великих итальянцев» у Тарковского практически отсутствуют имена «собратьев по перу» (единственное исключение – автор «Божественной комедии»), а также знаменитых художников и скульпторов: поэту более интересны деятели науки, причем разделяющие страстное увлечение самого Тарковского, а именно занятия астрономией. Знаменательно, что имя Данте стоит у Тарковского в одном ряду с именем астронома Скиапарелли:

Вы, жившие на свете до меня,
Моя броня и кровная родня,
От *Алигьери* до *Скиапарелли*,
Спасибо вам, вы хорошо горели.

«Вы, жившие на свете до меня...»

Небольшая справка: Джованни Вирджинио Скиапарелли (несколько лет работавший в России и ставший членом Петербургской академии наук) известен прежде всего открытием так называемых «марсианских каналов», положившим начало знаменитым дискуссиям о том, «есть ли жизнь на Марсе». Этим открытием интересовался, в частности, Валерий Тарковский, старший брат будущего поэта; в своих мемуарах Марина Арсеньевна Тарковская упоминает один забавный эпизод из детства отца, связанный с этим интересом [1].

Другому итальянскому астроному, Анжело Секки (он же – «отец астрофизики»), Тарковский посвящает отдельное стихотворение, в котором описывается предсмертное возвращение ученого в Италию, которую он был вынужден покинуть в связи с политическими событиями в стране. В одном из прижизненных интервью сам Тарковский признавался в ощущении «духовного родства с Секки» [2]. Та же мысль звучит и в стихотворном произведении:

Еще ребенком я оплакал эту
Высокую, мне родственную тень,
Чтоб, вслед за ней пройдя по белу свету,
Благословить последнюю ступень.

«Анжело Секки»

Однако эта «высокая тень» возникает у Тарковского и в тех текстах, где тема или мотив астрономии вообще отсутствуют. Как известно, одним из научных достижений Анжело Секки было применение спектрального анализа к исследованию небесных тел, в частности, Солнца и звезд. Для Тарковского «спектральный анализ» становится метафорой той поэтической точности, яркости и ясности, к которой он стремится сам:

Был язык мой правдив, как *спектральный анализ*,
И слова у меня под ногами валялись.

«Я учился траве, раскрывая тетрадь...»

Кроме того, научные термины, которыми, очевидно, оперировал в своих трудах Секки, Тарковский включает в свой поэтический инструментарий:

Был домик в три оконца
В такой окрашен цвет,
Что даже в *спектре солнца*
Такого цвета нет.
Он был еще *спектральной*,
Зеленый до того,
Что я в окошко спальни
Молился на него.

«*Был домик в три оконца...*»

Упоминание Тарковским имени Гарибальди отсылает читателя, как ни странно, не столько к определенному периоду в истории Италии, сколько к семейному прошлому самих Тарковских:

Зато у отца, как в Сибири у ссыльного,
Был плед *Гарибальди* и Герцен под локтем...

«*Тогда еще не воевали с Германией...*»

Отец – это не кто иной, как Александр Карлович Тарковский, младший современник известного итальянского революционера, в молодости сам увлекавшийся революционными идеями и за участие в деятельности народовольческого кружка на несколько лет действительно оказавшийся «ссылным в Сибири». Имена Гарибальди и Герцена – прямые намеки на прошлое Александра Карловича: не случайно они поставлены в один ряд. Не совсем ясным в данном контексте представляется такая деталь, как «плед»; ответ находим у Льва Аннинского, дающего такой комментарий к процитированному нами отрывку: «Правда, и отец — не совсем типичный народоволец. Не с бомбой за пазухой. <...> Быт – интеллектуального ссыльнопоселенца: плед Гарибальди на плечах, том Герцена под локтем» [3]. Таким образом, плед – это накидка, подобная той, которую носил Джузеппе Гарибальди; точнее, панчо – именно это определение мы встречаем в мемуарах самого Гарибальди: «Оглянувшись, я увидел, что на нас неслась вражеская кавалерия. Я едва успел вскочить и, кинувшись со всех ног, добежать до входа в склад, как вражеская пика проткнула мой панчо (род американского плаща или накидки)» [4]. К данной цитате имеется комментарий: «Род плаща, ставший затем традиционной одеждой Гарибальди во время всех его военных походов» [4].

Итак, анализ личных имен показал, что Арсения Тарковского привлекает прежде всего не литературная или историческая, а научная и – в семейной ретроспективе – повстанческая Италия. Обратимся теперь к анализу топонимов.

В одном из ранних текстов Тарковского Италия выступает символом высокой культуры, однако и здесь, судя по контексту, символизм больше соотносится с наукой, чем с искусством:

... В зеленом городе, где царствовал поэт
Над ботанической коллекцией, в надежде
Огонь *Италии* воспламенить в невежде...

«*Я вспомнил города, которых больше нет...*»

Единственный «традиционный» намек на Италию как на страну великих поэтов и художников можно увидеть в перифразе «флорентийские башни». Архитектурная особенность знаменитого итальянского города, с которым связаны такие имена, как Микеланджело, Джотто, Боккаччо, Данте Алигьери и др., по всей видимости, символизирует вклад Италии в мировую культуру, причем довольно обобщенно:

Ну что ж, *флорентийские башни* смахнем,
Развеем число Галилея

И Моцарта флейту продуем огнем,
От первого тлена хмелея.

«Предупреждение»

Кроме Флоренции, в поэтических произведениях Тарковского фигурируют также Рим и Сиена. Однако Рим у него – это отнюдь не символ власти, древности, «периода упадка» и т.д.; данный топоним практически освобожден от символично-смысловых приращений и служит географическим фоном поэтического повествования о последних днях все того же Анжелло Секки. Образ Рима с его «дыханием сухих трав» больше «работает» на создание образа самого астронома, на передачу его чувств и переживаний:

Здесь, в *Риме*, после долгого изгнания, <...>

Один среди небесного сиянья

Стоит он с непокрытой головой. <...>

Дыханье *Рима* – как сухие травы.

Привет тебе, последняя ступень!

Судьба лукава, и цари неправы,

А все-таки настал и этот день.

«Анжелло Секки»

Упоминание Тарковским итальянского города Сиены представляет собой более сложную загадку для исследователя (да и само стихотворение, написанное в 1932 году, представляется нам одним из самых загадочных в творчестве Тарковского). Топоним «Сиена» употреблен в контексте сравнения и тематически не связан с самим поэтическим текстом:

Мне было десять лет, когда песок

Пришел в мой город на краю вселенной

И вечной тягой мне на веки лег,

Как солнце над сожженной *Сиеной*.

Река скрывалась в городе степном,

Поближе к чашке старика слепого...

«Мне было десять лет, когда песок...»

На наш взгляд, «ключ» к образу следует искать в одной широко известной детали внешнего облика данного города. Цвет Сиены – цвет природной темно-желтой краски, издавна добываемой в окрестностях города и получившей от него свое название [5]; его синонимы в данном контексте – рыжий, «выжженный». Подобное сравнение вполне соответствует создаваемому в поэтическом тексте образу «степного города», охваченного зноем и песчаной бурей.

Отметим также интересную деталь, привлекающую внимание исследователя опять же к «династии» Тарковских. Действие одного из последних фильмов Андрея Тарковского – «Ностальгия» – разворачивается именно в Сиене. Образ огня, идущий лейтмотивом в фильме (самосожжение сумасшедшего Доменико; свеча у руках у Горчакова в финальных кадрах; строки самого Арсения Тарковского, читаемые Горчаковым: «Я свеча, я сгорел на пиру...»), невольно возвращает к эпитету «сожженная» в тексте 1932 года, но уже под несколько иным углом зрения. Неизвестно, вспоминал ли Андрей Тарковский загадочное стихотворение собственного отца при работе над фильмом; однако нельзя не заметить очевидную связь образов – ту связь, которая порой возникает в искусстве помимо воли и сознания автора.

Библиографический список

1. Тарковская М. Осколки зеркала. М.: Вагриус, 2006. 416 с.
2. Тарковский А. «От Алигьери до Скиапарелли» // Химия и жизнь. 1982. № 7. С. 82-85.

3. Аннинский Л. Арсений Тарковский: «Все пройдет – останется беда». URL: <http://zavtra.ru/denlit/100/71.html>.
4. Гарибальди Дж. Мемуары. URL: <http://lib.rus.ec/b/353027/read>
5. Толковый словарь русского языка : В 4 т. / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия, 1996.

References

1. Tarkovskaya M. The splinters of the mirrow. M.: 2006. 416 p.
2. Tarkovsky A. «From Alighieri to Sciaparelli» // Chemistry and life. 1982. Vol. 7. P. 82-85.
3. Anninsky L. Arseny Tarkovsky: «All will pass – the grief will stay». URL: <http://zavtra.ru/denlit/100/71.html>
4. Garibaldi J. Memoirs. URL: <http://lib.rus.ec/b/353027/read>
5. Ushakov D. Explanatory dictionary of Russian language: In 4 vol. M.: 1996.

УДК 811.112

Северо-Осетинский государственный университет
Доктор филологических наук, профессор
кафедры иностранных языков для естественнаучных факультетов
Тамерьян Т.Ю.
Россия, г. Владикавказ, +7(8672)61-11-61;
e-mail:tamertu@mail.ru

North Ossetian state university
The chair of foreign languages for natural-
science faculties,
doctor of philology, full professor
Tameryan T.Yu.
Russia, Vladikavkaz, +7(8672)61-11-61;
e-mail:tamertu@mail.ru

Т.Ю. Тамерьян

МНОГОЗНАЧНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ КОМПЛЕКСНОЙ АКСИОЛОГИИ

В статье на материале американского английского языка рассматриваются проблемы формирования гетеростереотипов, анализируются их разновидности и характер оценочности.

Ключевые слова: стереотип, гетеростереотип, разновидности стереотипов, американское языковое сознание.

T.Yu. Tameryan

POLYSEMANTIC STEREOTYPES OF COMPLEX EVALUATION

The problems of formation of heterostereotypes, their typology and axiology are considered in the article on a material of the American English.

Keywords: stereotype, heterostereotype, versions of stereotypes, American language consciousness.

Картина мира каждого этноса содержит не только социальные предписания, нормы, традиции и обычаи, правила поведения, соответствующие определенным этническим сценариям, автопредставления (уникальную комбинацию «мы-образов»), но и стереотипизированные представления о других этносах (систему «они-образов» или образов «чужих»).

В ходе реальной или виртуальной межкультурной коммуникации мощнейшим средством

ориентации, манифестируемом в языке, является гетеростереотип - образ другого народа и страны его проживания. Матрицы стереотипов играют роль эталонов, в соответствии с которыми проектируется коммуникативное поведение и осуществляется оценка этнических образов [1; 2; 3].

В структуру стереотипа входят образы, знания и оценочные суждения – положительные или отрицательные. Поскольку содержание этнических стереотипов об определенной общности может иметь не только позитивные или негативные значения, выделяют третью разновидность – амбивалентные этнические стереотипы.

Положительные стереотипы возникают, как правило, в ситуации мирных межэтнических отношений, когда ресурсы распределяются справедливо с точки зрения обеих сторон и проблемы разрешаются совместно во благо общих целей. Сотрудничество полезно обеим сторонам. В такой ситуации о партнере создаются положительные стереотипы: партнер считается заслуживающим доверия, доброжелательным, дружественным, сильным и умным и т. п. Восприятие партнера становится избирательным: в нем в основном видят достоинства и игнорируют недостатки и ошибки [4].

Бесспорен тот факт, что текущие межэтнические отношения оказывают влияние на содержание стереотипов. Именно от характера отношений - сотрудничества или соперничества, доминирования или подчинения - зависят основные параметры стереотипов: содержание, направленность (общее измерение благоприятности), степень благоприятности, и, в конечном счете, степень их точности [5].

Таким образом, между этническими группами чаще всего устанавливаются три типа взаимоотношений: субординация, противостояние (оппозиция, конфликт) и сотрудничество, которые порождают либо отрицательные, либо (реже) положительные, либо амбивалентные стереотипы.

На основе американских Интернет-блогов и форумов нами были выявлены комплексные виды стереотипов о России и русских различной аксиологии в американском языковом сознании.

Разрушая *полуфольклорный стереотип* о России, американец, работавший в Москве, замечает, что *балалайка, матрешка, самовар, сани, запряженные тройкой лошадей* – это мифы для доверчивых туристов. Приводятся такие атрибуты данного стереотипа:

I hope you know that contemporary life in Russia *has very little to do with playing the balalaika amidst matrioshkas and samovars, or wild rushing in sleighs driven by troika (three horses harnessed abreast) along the streets where bears supposedly wander. All these stories are just myths for naive tourists. Don't believe them.*

Другая составляющая *полуфольклорного стереотипа* – *мороз, шапка-ушанка, медведь и водка.*

There are frost, bear and vodka, frozen drunk bears in ushanka – cap with ear flaps.

Нижеприведенный фрагмент поясняет сложную структуру стереотипов о русских и России, объясняет их причины (голлиевские фильмы и «холодная война») и предлагает наиболее действенный способ их преодоления – посещение России.

Stereotyping is a complex and contradictory field. Also, not all stereotypes are false or bad. There are many strange stereotypes about Russia and most of these are the products of Hollywood movies and the Cold War. For the Russians, the best thing - keep being who they are. Yet, Russia remains hidden from the majority in the USA. That means one must come to Russia and see the beauty of that country.

Мнение американца, посетившего Россию, отражает *бинарно оппозитивные* составляющие стереотипа, сохраняющего *деактуализированный когнитивный пласт* на фоне пророста новых признаков: противопоставляется Россия как фантастическая страна (*положительная оценка*) и русские люди - психически, эмоционально и умственно неполноценные и травмированные (*отрицательная оценка*).

Russia is a fantastic country to visit, I had a two month tourist visit and had the time of my life. Unfortunately, all Russians alive today are traumatised survivors and not mentally well. The incidence of personality disorders such as emotional dysregulatory disorder also known as borderline personality disorder is extraordinarily high.

Опровергается миф о нищете россиян. Американцы подтверждают, что Россия – это страна контрастов, где есть миллионеры и малоимущие люди:

One myth is also the poverty. Yes, there are poor Russians. But there are dozens of billionaires too. Some of the richest men in the world are actually Russian citizens. Yes, they really billionaires. They fly with their own jets into England and buy some of the biggest soccer clubs in the world. Why? Because, it is their hobby.

Стереотип о том, что **русским нельзя верить, от России исходит угроза, а русские люди способны на любое насилие**, чтобы достичь своей цели, зародился во времена холодной войны и до сих пор активно поддерживается американскими средствами массовой информации. Вместе с тем, американцы охотно посещают Россию и восхищаются ее достопримечательностями, что подтверждается данными следующих фрагментов:

Russians can generally not be trusted as they only look out for number one and are willing to use extreme violence to meet their perceived needs. If Russians cannot be generally trusted - which is often how British and American media portrays Russians, why did come to Russia and how it is you had such a pleasurable and memorable experience in while in Russia if the people of Russia cannot be trusted? I did trust and was guided by Russians while I was in Moscow and I felt totally safe in their company.

Американцы, **псевдогенерализируя** русских и этносы Восточной Европы, полагают, что жители всей Восточной Европы ведут себя несдержанно и много времени уделяют развлечениям:

I thought Eastern Europeans are known for being «way too loud and having fun all the time».

I've never been to Russia, so I can't speak about Russians in their home country. However, I stayed in a hotel in Tunisia where a number of the guests were Russian. They were extremely loud in the bar, and drank drinks they had bought cheaper in local shops. The staff told me they were poor payers and did not tip waiters etc. They certainly were not for mixing with other guests and did not come across as very friendly.

Бинарно оппозитивен стереотип о русской **щедрости/жадности**:

Особо отмечу, что русские очень благодарные люди. Они никогда не пожалеют солидных чаевых, если видят, что человек, обслуживающий их, этого заслуживает.

Причем, даже очень богатый человек может не оставить и доллара чаевых в ресторане.

В русском характере выделяется ряд **амбивалентных черт**:

Русские – хорошие люди. Вот только терпения им не хватает. Всегда куда-то торопятся, нервничают, беспокоятся.

Контрадикторный стереотип о том, что русские не имеют способностей в области технических наук, опровергается одним из русских американцев на примере своего родственника-иммигранта:

The stereotype of Russians not being technically incline. My uncle is full blooded Russian, being first generation, his parents immigrated to the US. He is retired now but worked as an engineer in the space program. A very smart man and obviously well able to handle technical subjects.

Другая разновидность стереотипа отражает **оппозитивную оценочность** В. Путина американцами. Ключевыми признаками, описывающими положительный образ российского президента, являются такие когнитивные признаки, как ум, политический талант, яркость, символизм, иконичность образа мужественности для молодежи; отрицательная оценка имиджа В. Путина заключается в признании ординарности его личности:

There is nothing mysterious about Putin. We do not need to know about his private life but as a politician he is out there. I do agree with you that he is brilliant, at least in terms of setting good iconic image of masculinity for Russia's male youth.

К *стереотипам*, возникшим на основе *непроверенной информации*, относятся представления о том, что Р. Абрамович, российский олигарх, нажил свое богатство нечестным путем, являясь близким другом В. Путина:

You have repeated *unwittingly* some of the *silly stereotypes* about Russia in the USA. Roman Abramovich is an oligarchy who got his wealth by stealing from the Russian people. He represents what went wrong with Russia after the fall of Soviet Union. I read somewhere that unlike other members of oligarchy he was allowed to keep his ill *gotten wealth* because he is *a personal friend of Putin!*

Дифференцирована аксиология русских и России – русские иммигранты оцениваются отрицательно, а Россия – положительно, таким образом, достижения культуры и люди, создавшие ее, сегрегируются.

Абсурдно, но американцы испытывают невольный страх перед русскими иммигрантами и одновременно благоговейт перед русской культурой, которая так широко представлена в Америке.

Недифференцированный стереотип-калейдоскоп, наиболее часто служащий спонтанным видом номинации первых всплывающих образов, представляет собой набор разнонаправленных ассоциаций:

Русская *водка*, русская *мафия*, *медведи*, *Кремль*, *коммунизм*. Это первое, что приходит в голову.

Русская культура ассоциируется у меня с *Пушкиным*, *водкой*, *танками* и вашим сегодняшним президентом *Путиным*.

Таким образом, представления американцев, связанные с Россией и русскими включают синкретичный набор представлений, обусловленных отдельными фактами и историческими событиями, относящимися в большей степени к прошлому страны и передающими аксиологически различные оценки, сформировавшиеся на мифологической, актуальной, деактуализированной базе и доминант.

Библиографический список

1. Albig W. Public Opinion and Propaganda. Sturgis Press, 2007. 496 p.
2. Allport G. The Nature of Prejudice. Cambridge, MA: Addison Wesley, 1954. 537p.
3. Edwards A. L. Four Dimensions In Political Stereotypes // Journal of Abnormal and Social Psychology. Vol.35 (4). 1940. P. 566-572.
4. Налчаджян А.А. Этнопсихология. СПб.: Питер, 2004. 381 с.
5. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2007. 268с.

References

1. Albig W. Public Opinion and Propaganda. Sturgis Press, 2007. 496 p.
2. Allport G. The Nature of Prejudice. Cambridge, MA: Addison Wesley, 1954. 537 p.
3. Edwards A. L. Four Dimensions In Political Stereotypes // Journal of Abnormal and Social Psychology. Vol.35 (4). 1940. P. 566-572.
4. Nalchadzhyan A.A. Ethnopsychology. SPb.: St. Petersburg, 2004. 381 p.
5. Stefanenko T.G. Etnopsikhologiya: The textbook for higher educational establishments. M: Aspect of the Press, 2007. 268 p.

УДК 808.2

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Кандидат философских наук, ассистент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Новикова Е.С.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(920) 404-15-05;
e-mail: ekaterina-s-n@mail.ru*

*Voronezh state architectural and construction university
The chair of Russian and cross-cultural communication,
PhD, assistant lecturer Novikova E.S.
Russia, Voronezh, ph. +7(920) 404-15-05;
e-mail: ekaterina-s-n@mail.ru*

Е.С. Новикова

РУССКИЙ ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

В статье рассматривается проблема существования современного человека в контексте постмодернизма, основной тенденцией которого является бесконечный текст. Трансформируясь в бесконечную пустоту, в которой «тонет» смысл, автор и сама реальность, текст, тем не менее, остается сегодня одной из немногих сохранившихся взаимосвязей человека с миром. Поэтому возрождение русского языка в его исконном нравственно-смысловом аспекте является сегодня условием сохранения не только уникальности русской личности, но и бытия в целом.

Ключевые слова: постмодернизм, экзистенция, русский язык, личность.

E.S. Novikova

RUSSIAN LANGUAGE IN MODERN CONTEXT

In article the problem of existence of the modern person in the postmodernism context which main tendency is the infinite text is considered. Being transformed to infinite emptiness in which the sense "sinks", the author and reality, the text, nevertheless, remains today to one of few remained interrelations of the person with the world. Therefore Russian revival in its primordial moral and semantic aspect is today a condition of preservation not only uniqueness of the Russian personality, but also life as a whole.

Keywords: postmodernism, existention, Russian language, personality.

Проблема значимости русского языка в контексте современности требует особого рассмотрения, поскольку эпоха постмодернизма характеризуется глобальным отказом от каких бы то ни было традиционных ценностей и смыслов.

Вместо человеческого существования современность признает наличие безликой структуры, которая исключает присутствие в ней человеческого фактора в силу его непредсказуемости как угрозы для системности.

Человеческий язык также являет собой исторически сложившуюся и оформившуюся разновидность структуры. Несмотря на ее культурную ценность, она, тем не менее, остается системой, которая сегодня обладает одним из непреложных аспектов постмодернизма – контролем за человеком.

В кон. XIX- нач. XX вв. русский язык обогатился аспектом экзистенциальности (от лат. *exsistentia* – существование). Нравственное переживание понятий, чувств, эмоций, размышлений напрямую способствовало онтологическому укоренению качеств русской личности, выражаясь в образовании новых смыслов, слов, поступков и, соответственно, новых личностных качеств.

Изначально нравственно-экзистенциальный диалог формировался в процессе свободного самопознания, результатом которого являлся свободный выбор или нравственное самоопределение.

Первичные словесно-смысловые конструкции обогащались новыми смыслами, а сам язык обрел способность преодолевать изначальноную разъединенность между сущим и существованием.

В силу этого, особого внимания заслуживает специфика этико-экзистенциального языкового общения, поскольку основные «проклятые» (по выражению Ф.М. Достоевского) вопросы буквально «пропитали» язык, всецело сосредоточившись на величайшей проблеме – человеке.

Можно сказать, что благодаря русской религиозной философии основные самостоятельные формы миропонимания – язык, философия, религия – стали единым целым. Разнообразие и богатство русского языка и специфическая религиозная терминология сыграли важную роль для семантики языка, поскольку способствовали максимальному совпадению сущности предмета и суждения о нем.

Экзистенциально-философский диалог придал русскому языку особую онтологическую «открытость» познания мира, «очеловечив» его, то есть преобразовав из объективной системы знаков и семантических структур в духовно-нравственный феномен человеческого бытия.

Благодаря данному преобразованию, человеческий диалог обрел способность снимать трагическое противоречие между идеалом и действительностью, или, согласно философии Н.А. Бердяева, стал возможен процесс субъективации как качественного преобразования объективных систем и смыслов в личностные.

Современный текст переполнен детальными описаниями насилия, извращений, бесконечных форм садизма и унижений человека вперемешку со всевозможными формами наслаждения, которые только может предложить современное общество: «Излюбленной темой литературы является сумасшествие, подлость, моральная и сексуальная распущенность. Налицо буквально беспрецедентная демократизация: каждого призывают позвонить на коммутатор, каждый хочет поделиться своим интимным опытом, каждый желает стать диктором, желает быть услышанным. Но чем больше люди стараются выразить себя, тем меньше смысла мы находим в их выражениях; чем больше они стремятся к субъективности, тем наглядней анонимность и пустота. Это и есть нарциссизм, выражение на все случаи жизни; первичность акта связи относительно характера сообщения, безразличное отношение к его содержанию, «игровое» поглощение смысла; сообщение, не имеющее ни цели, ни слушателей; автор сообщения, ставший его же главным слушателем. Сообщение ради сообщения, самовыражение ради того лишь, чтобы выразить самого себя и убедиться, что тебя слушает хотя бы микроаудитория; в этом случае, впрочем, как и в других, нарциссизм потворствует постмодернистской десубстанциализации, логике пустоты» [1].

Смакование своих и чужих страданий, для описания которых столь мощно используется все богатство великого русского языка, становится новой формой экзистенциального познания реальности. Экзистенция переживания всеобщего хаоса становится образом жизни постмодернистского дива взамен обретения смысла собственного существования.

Сегодня, по определению Ж. Липовецкого, «налицо гибкий, а не механический тоталитарный контроль; в мире вещей, рекламы, СМИ повседневная жизнь и сам индивид утрачивают свою весомость, поскольку они захвачены процессом смены мод и их ускоренного обветшания» [1].

Единая взаимосвязь человека, религии, философии, мира и текста как постмодернистского феномена трансформируется в трагическое противоречие, результатом которого становится абсолютная, всепоглощающая власть текста над автором (человеком как нравственным творцом бытия), языком (духовно-смысловой структурой личности) и самой реально-

стью (возможностью подлинного существования), представляя собой нескончаемую пустоту постмодернизма.

Уничтожая любое проявление диалектики (а значит и диалога), постмодернизм предлагает взамен «дурную» бесконечность плюрализма, тем самым пресекая все возможности человека (и человеческого языка) быть высказанным, т.е. *осуществленным* в бытии. Лишенное духовности существование больше не задается вопросами о смысле жизни, признавая лишь безличные системы.

Отрицая экзистенциально-философский аспект в «дивиде» (по определению И.П. Ильина) [2], современность предстает в виде идола [3], или всепоглощающей пустоты, которая способна поглотить человека без остатка, не давая взамен ни одной возможности бытия.

Личность существует, по выражению русского писателя-постмодерниста Е. Попова, как «сомнамбула в тумане». Являясь отражением ее внутреннего мира, язык также стремится отстраниться от бытия и своего творца – человека, одновременно пытаясь в хаотичном противоречии уничтожить человечность как таковую.

Порождая бесконечный поток бессмысленно-омертвевшего текста, хаос проникает во внутренний мир индивида, и вот уже смерть автора порождает смерть интерпретатора, являя собой суть трагической философии постмодернизма.

В наш обиход прочно вошли такие слова, как смерть, отчаяние, хаос, бессмысленность, бесчеловечность, трагизм, катастрофа.

Современность предстает как неразрешимый парадокс человека, времени и пространства. Тем не менее, именно страдания человека доказывают еще его присутствие в бытии, и можно сказать, что объективно-бессмысленная системность постмодернизма пока еще не избавилась окончательно от непредсказуемой человеческой субъективности.

С точки зрения современной науки синергетики, суть которой, по определению ее представителей, сводится к пониманию сути хаоса как новых возможностей становления бытия, постмодернизм входит в число следующих систем: «Все системы, допускающие несводимое вероятностное описание, по определению, *будем считать хаотическими*». [4].

Данное утверждение в нравственном смысле означает определенный «прорыв» за пределы внешних условий, то есть неизведанное «вероятностное описание», все еще сохраняющее посредством противоречия взаимосвязь человека и хаоса как возможного диалога.

Экзистенция человека протекает в ином измерении, чем простая реальность, это существование в иных смыслах и трансцендентных мирах, которые не подвластны объективированной системе в силу их сверхчувственной природы. Как отмечал К. Ясперс, «экзистенциальная философия – это философия бытия человека, которая вновь выходит за пределы человека. Экзистенциальная философия есть использующее все объективное знание, но выходящее за его пределы мышления, посредством которого человек хочет стать самим собой. Это мышление не познает предметы, а проясняет и выявляет бытие в человеке, который так мыслит. Приведенное к парению посредством выхода за пределы всего фиксирующего бытие познания мира (в качестве философской ориентации в мире) оно апеллирует к своей свободе (в качестве прояснения существования) и создает пространство для своей безусловной деятельности в заклинии трансценденции (в качестве метафизики)» [5].

Таким образом, язык экзистенциальной философии удовлетворяет важнейшему, онтологически-смысловому предназначению человека – стать более высшим существом, чем он изначально является, осуществленной возможностью превзойти свою сущность.

Поэтому в духовно-смысловом выражении (в молчаливом описании или межличностном диалоге) экзистенциально-нравственной ситуации коренится возможность высшего самопознания, вбирающая в себя не только внутренние переживания индивида, но и воздействия внешнего мира. Отраженная в словесных формах, внутренняя (и внешняя) реальность в момент экзистенции находится в точке совпадения, не имеющей завершения, но и не скованной внешней обусловленностью, поскольку выбор самости Я всегда свободен.

Трагическое напряжение пограничной ситуации, в которой человек изначально ощущает себя потерянным и «заброшенным» в мир хаоса и абсурда, в результате свободного нравственного выбора преобразуется в открытую возможность самобытия.

Прорыв за пределы объективных форм и систем в область трансцендентного воссоздает значимость и ценность каждого момента существования, возрождая (и, соответственно, по-новому переосмысливая и *называя*) бытие. В момент пограничной ситуации либо совершается спасение человека в понимании Ф.М. Достоевского (становление богочеловека), либо его падение (человекобог).

Отсюда и неоднозначный выбор терминов, их постоянное употребление и переосмысление в русской речи или создание новых слов, ранее не существовавших, но несущих в себе предпосылки новой самости человека: творчество, любовь, субъективация, сублимация, метафизика.

Любой текст, высказанный или написанный, есть зеркало бытия. Он означает безусловную завершенность определенного пути познания, фиксирующую нравственный вектор личности.

Текст накапливает и несет всем людям информацию, которая впоследствии выступает как сигнал к действию, подменяя собой свободный выбор личности. Время замуровано в современном бессмысленном тексте, пропитанным единственной целью – уничтожением человека. Мир остается вне его, человек – тоже.

Лишенный возможности подлинного познания смысла не только самого себя, но и окружающих его вещей, человек замыкается в себе, сводя на нет самопознание как таковое.

В этом проявляется еще одна особенность постмодернизма: не предоставляя личности возможности диалога или компромисса, он отнимает саму возможность выбора как таковую.

В противовес идее культурного бессмертия, порождающей текст культуры, который открывает высшие ценности и идеалы человечества, текст постмодернизма утверждает культ смерти, иную реальность, подлинность которой составляет не человек, а его отсутствие.

Поэтому экзистенциально-языковой диалог на уровне нравственного самоопределения основных параметров личностного бытия является сегодня почти единственной возможностью спасения человеческого в человеке, поскольку возвращает к истинному пониманию содержания текста как культурно-нравственного наследия: «Человек, который строит свою жизнь как сообщение, как текст, воспринимает свою будущую смерть не как конечное состояние, но как цель, окончательное исчерпание энтропии, как результат движения от более вероятного состояния к менее вероятному. Смерть для него в этом случае представляет собой скорее рождение. Именно таким является этическое религиозное сознание, приписывающее миру творца, автора, то есть подразумевающее исторический телеологизм и тем самым отрицательное движение от смерти (физиологического рождения) к истинному рождению (физиологической смерти)... В тот момент, когда человек культуры умирает, он в полной мере рождается как текст культуры, начинается его подлинная ахронная жизнь, которая начинает читаться с самого начала как нечто телеологическое». [6]

В контексте эпохи постмодернизма сохранение и развитие личностных аспектов по-прежнему возможно через внутреннее переживание, которое есть преобразование основных понятий русского языка – смысл, истина, человек, гуманизм, добро, свобода, творчество, правда и т.д. – в жизненно-гуманистические принципы существования.

Библиографический список

1. Липовецки Жиль. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / Жиль Липовецки. М.: «Владимир Даль», 2001. 317 с.
2. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И.П. Ильин. М.: Интрада, 1996. 209 с.

3. Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах / Э.В. Ильенков. 2-е изд. Киев: Час-Крок, 2006. 312 с.
4. Пригожин И. Время, хаос, квант / И. Пригожин, И. Стенгерс. М., 1994. 263 с.
5. Ясперс К. Духовная ситуация времени / К. Ясперс // Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 417 с.
6. Руднев В.П. Прочь от реальности: Исследования по философии текста / В.П. Руднев. М.: «Аграф», 2000. 432 с.

References

1. Lipovetsky Gilles. Ere du vide essays sur tindividualisme contemporain/ Gilles Lipovetsky. 317 p.
2. Ilyin IP Poststructuralism. Deconstruction. Postmodernism / IP Ilyin. Moscow: Intrada, 1996. 209 p.
3. Penkov EV Of idols and ideals / EV Ilyenkov. 2nd ed. Kiev: Hour-Krok, 2006. 312 p.
4. Prigogine I. Time, chaos, quantum / Prigogine, I. Stengers. M., 1994. 263 p.
5. Jaspers Spiritual Setting time // Karl Jaspers and Goal of History. M. Politizdat, 1991. 417 p.
6. Rudnev VP Away from reality: Studies in Philosophy text / VP Rudnev. M.: "Agraf", 2000. 432 p.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

УДК 347.78.034

*Северо-Кавказский Федеральный университет
Студентка факультета Филологии, журнали-
стики и межкультурной коммуникации Стару-
хина А.А.*

*Руководитель: доцент кафедры теории и
практики перевода Бредихин С.Н.
Россия, г. Ставрополь, тел. +7(8652)354031;
e-mail: smilen91@mail.ru*

*North Caucasus Federal University
The department of linguistics, journalistic
and cross-cultural communication,
student A.A.Starukhina*

*Supervisor: associate professor of Practice
and Theory of translation chair Bredihin S.N.
Russia, Stavropol, tel. +7(8652)354031;
e-mail: smilen91@mail.ru*

А.А. Старухина

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СЛЕНГОВОЙ ЛЕКСИКИ

В статье рассматриваются трудности перевода сленгизмов, а также различные практические варианты перевода данных единиц на примерах из современного английского публицистического текста.

Ключевые слова: сленг, языковая норма, буквальный и косвенный перевод, эвфемистический, дисфемистический.

A.A. Starukhina

PECULIARITIES OF SLANG'S TRANSLATION

The article deals with the difficulties of slang's translation and practical ways of their translation, based on the examples from the modern English declamatory style.

Keywords: slang, the language norm, literal and indirect translation, euphemistic, dis euphemistic.

Любой развитый литературный язык характеризуется множественностью и разнообразием функционально-стилевых регистров. Одним из регистров является разговорная речь, и в частности такой её участок, как относительно замкнутые сниженные разговорные жанры (просторечие, жаргон, арг, сленг). Сниженные жанры обладают яркой национально-языковой и социальной спецификой, поэтому эти элементы чаще всего используются в произведениях художественной литературы для создания колорита и образной характеристики персонажа.

Работа представляется актуальной как в теоретическом, так и в практическом плане. В

теоретическом плане работа интересна потому, что обращена к такому пласту лексики, в котором ярко проявляются культурные признаки речевого общения и особенности национального менталитета. В практическом плане здесь речь идёт о выработке ряда конкретных рекомендаций по переводу сниженной лексики с английского языка на русский и определённых условиях выполнения данных рекомендаций. Устойчивость сниженной лексики строится на нормативном контрасте и отрицании языковой нормы. Однако сила нормативного отрицания в отдельных пластах сниженной лексики может отличаться от языка к языку.

Именно здесь возникают трудности при переводе подобной лексики с языка на язык: то, что недопустимо (но может время от времени использоваться в художественной литературе) в одном языке, оказывается приемлемым в другом, и наоборот. Большое значение получают нормативные (структурно-языковые и стилистические) несоответствия между языками. Все данные обстоятельства делают сниженную лексику в высшей степени характерным объектом лингвистического и переводческого анализа. Анализ и описание сниженной лексики может способствовать значительному углублению опыта межъязыкового сопоставления, установления точных лингвокультурологических причин, обуславливающих предельные случаи межъязыковых расхождений в переводе. Сказанным определяется актуальность и научное значение темы настоящего исследования в теоретическом плане.

Большую проблему данные элементы представляют при переводе - в силу различия образных, выразительных расхождений между языками, которые с наибольшей силой проявляют себя в данной части языка.

Практическая актуальность работы обусловлена тем, что перевод стилистически сниженной лексики, требует от переводчика высокого уровня мастерства, обширных знаний и особого языкового чутья вкупе с чувством меры. При переводе данные элементы представляют большую проблему в силу образных, выразительных расхождений между языками, которые с наибольшей силой проявляют себя в данной части языка. При всей неоднозначности отношения к ней, сейчас без знания этого пласта английского языка и способа его адекватного перевода переводчику обойтись нельзя. В настоящее время опубликовано множество лингвистических работ, посвящённых проблеме перевода сниженной лексики, однако работ, посвящённых данному языковому пласту, написано немного. Изучение этой проблемы современного английского языка поможет переводчику лучше понимать и переводить разговорную речь, понимать остроты, ассоциативный план высказывания, то, без чего сейчас не может обходиться хороший переводчик.

Для перевода сниженной лексики и просторечия можно использовать те же способы перевода, что и для перевода литературной лексики.

Прежде всего, это два основных пути, по которым следует переводчик: прямой или буквальный и косвенный (непрямой) перевод. Мы считаем, что в данной работе целесообразнее использовать терминологию Сдобникова. Он называет эти способы «интерлинеарный» и «трансформационный» перевод.

Первый способ малопримем при переводе единиц сниженной лексики, так как при этом нарушаются принципы переводческой адекватности и узуальные нормы языка перевода.

But if that's true it's only because graffiti writers are just like everyone else in this fucking country. – Но если это и так, то лишь потому, что граффитисты подобны всем остальным в этой чертовой стране.

I held my breath, parted the ivy leaves, and came eyeball to eyeball with a fucking huge kangaroo. – Я затаил дыхание, раздвинул листья плюща, и встретился глазами с чертовски большим кенгуру.

Перевести фразу буквально нельзя, так как это будет нарушением узуальных норм русского языка, или хотя бы потому, что здесь переводчик сталкивается с различиями

коммуникативных норм двух языков: если в современном английском, особенно в американском варианте, употребление грубых слов типа *fuckin*g — почти норма, то в русском такое неприемлемо, потому что русские эквиваленты английских вульгаризмов гораздо грубее.

В некоторых же случаях необходимо использовать именно дословный перевод для сохранения экспрессивности текста.

At which point I very nearly shit myself. - *Причем с его точки зрения, я был практически дерьмом.*

Также можно выделить два переводческих приёма, относящихся к первому способу: транскрипция (транслитерация) и калькирование. Их применение возможно лишь при условии, что значение транскрибированного (транслитерированного) или калькированного слова понятно из контекста и перевод не нарушает узуальные нормы и принципы адекватности и эквивалентности.

We call it bombing when we go out painting, when of course it's more like entertaining the troops in neutral zone, during the peacetime in the country without an army. – *Когда мы выходим рисовать на улицу, то называем это бомбинг, хотя, конечно, это скорее развлечение отряда в нейтральной зоне в мирное время в стране, где нет армии.*

I wasn't sure if Spanish cops used their guns on people running away. – *Я не был уверен, используют ли испанские копы оружие против убегающих людей.*

Сленг может указывать, кроме социального положения, еще и на профессиональную среду говорящего.

We call it bombing when we go out painting, when of course it's more like entertaining the troops in neutral zone, during the peacetime in the country without an army. – *Когда мы выходим рисовать на улицу, то называем это бомбинг, хотя, конечно, это скорее развлечение отряда в нейтральной зоне в мирное время в стране, где нет армии.*

Также к приёмам перевода вульгаризмов и жаргонизмов относятся эвфемистический и дисфемистический перевод. Этими приёмами пользуются, когда в тексте оригинала встречаются вульгаризмы и нецензурная лексика.

Эвфемистический перевод заключается в замене слов оригинала, несущих сильную или грубую экспрессию на слова с менее сильной экспрессией в переводе.

And whereas your famous artist is merely content to fool Mature, I've made the King of the whole country look like a clueless little cunt. – *Пока ваш известный художник довольствовался только тем, что обманул природу, я заставил короля целой страны выглядеть невежественным простаком.*

В приведённом выше примере нецензурное для носителя английского языка ругательство *cunt* заменено просторечным словом *проста*к с более «мягкой» экспрессией.

Дисфемистический перевод, являющийся противоположностью эвфемистическому, представляет собой замену слова из оригинального текста с менее яркой экспрессией при переводе на более грубое. В данной работе этот вид переводческой трансформации не был применен, с целью сохранения схожести эмотивного воздействия оригинала и перевода.

Можно сказать, что при переводе сниженной лексики следует использовать дифференцированный подход, при котором учитываются возрастные, социальные и индивидуальные особенности персонажа. Задача переводчика усложняется тем, что ему требуется найти такие выразительные средства, которые были семантически и стилистически равноценно приемлемыми в оригинале, знакомыми основной массе читателей, на которых рассчитан перевод, и в то же время достоверны в отношении того, что их знает действующее лицо произведения. Переводчику следует также помнить, что в образовании единиц сниженной лексики, часто участвует метафора, особенно это относится к

жаргону и сленгу, поэтому часто приходится прибегать к переводу через образ. Поэтому лишь точное знание значений лексем, их семантических и стилистических особенностей, стиля и образной системы переводимого текста является основным критерием перевода сниженной лексики.

Библиографический список

1. Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика. СПб: «Союз», 2001. 288 с.
2. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. СПб.: Изд. центр «Академия», 2004. 352 с.
3. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М.: «Флинта», 2002. 383с.
4. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: «Международные отношения», 1975. 240 с.
5. Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. М.: УРАО, 1998. 240 с.
6. Виноградов В.С. Введение в переводоведение. М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
7. Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Издательство Московского Университета, 2004. 132 с.
8. Казакова Т.А. Практические основы перевода. СПб.: Издательство «Союз», 2001. 320 с.
9. Федоров А.В. Основы общей теории перевода: лингвистические проблемы. М.: «Высшая школа», 1983. 352 с.
10. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М.: «Воениздат» 1973. 373 с.

References

1. Alekseeva I.S. «Professional training of translators». SPb: «Soiuz», 2001. 288 p.
2. Alekseeva I.S. «Introduction to the theory of translation». SPb: «Akademia», 2004. 352p.
3. Arnold I.V. «Stylistics. Modern English». M.: «Flinta», 2002. 383 p.
4. Barhudarov L.S. «Language and translation». M.: «International relationships», 1975. 240 p.
5. Breus E.V. «Fundamentals of theory and practice of translation from English into Russian». M.: «URAO», 1998. 240p.
6. Vinogradov V.S. «Introduction to the theory of translation». M.: «RAO», 2001. 224p.
7. Gorbovsry N.K. «Theory of translation». M.: Publishing house of Moscow University, 2004. 132 p.
8. Kazakova T.A. «Practical fundamentals of translation». SPb: «Soiuz», 2001. 320p.
9. Fedorov A.V. «Fundamentals of theory of translation: linguistic problems». M.: «Vischay Shkola», 1983. 352p.
10. Shveizer A.D. «Translation and Linguistics». M.: «Voienizdat» 1973. 373p.

УДК 347.78

*Северо-Кавказский Федеральный университет
Магистрант 2 курса кафедры теории и практики перевода Олюнина В.М.
Россия, г. Ставрополь, тел. +7(988) 702-44-81;
e-mail: sweetvilka1990@mail.ru*

*North Caucasian Federal University
The chair of theory and practice of translation,
master of the 2nd year Olyunina V.M.
Russia, Stavropol, tel. +7(988) 702-44-81;
e-mail: sweetvilka1990@mail.ru*

В.М. Олюнина

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКЕ НАЗВАНИЙ АМЕРИКАНСКИХ КИНОФИЛЬМОВ

В статье рассматриваются мнения различных ученых к проблеме заглавия и его основных функций, затрагивается вопрос определения понятий номинация, а также анализируется заголовок как один из важнейших компонентов текста на примере исследуемого материала.

Ключевые слова: заглавие, заголовок, название, номинация, функция, ономасология.

V.M. Olyunina

THE FUNCTIONAL SPECIFICITY OF THE AMERICAN FILM'S HEADINGS.

This article contains thoughts of different scientists to the problem of headings and their main functions, touches on the issues of defining such terms as nomination, semasiology and onomasiology, also studies headings as one of the important component of the text in the example of movie titles.

Key words: heading, title, name, nomination, function, onomasiology.

В современной научной парадигме под заглавием подразумевается название какого-либо произведения (литературного, музыкального), или его частей, в той или иной степени раскрывающее его содержание [10]. Напротив, по мнению другого ученого, **название** – это компрессированное, нераскрытое содержание текста. Название можно метафорически изобразить в идее закрученной пружины, раскрывающей свои возможности в процессе развертывания [8]. Согласно определению В.И. Даля, **заголовок** понимается как «выходной лист, первый листок книги или сочинения, где означено название его». Заголовок обозначает также название отдела, главы книги, а в деловых бумагах значение в начале листа ведомства, место, откуда и куда бумага идет [10]. **Заглавие** произведения – это ключ к его интерпретации, именно поэтому читателя или зрителя по праву можно назвать коммуникативным соавтором, поскольку каждый адресат, произвольно или непроизвольно, строит собственный прогноз относительно содержания произведения уже на первоначальном этапе восприятия названия [4]. Главным образом мы обратим внимание на то, что в нашем исследовании встречаются такие определения как название, заглавие и заголовок. Следует обратить внимание на тот факт, что в нашей работе они выступают в качестве синонимов, но при этом имеют дифференциальные признаки, о которых мы напишем позже.

В монографии «Интерпретация художественного текста» (1989) под редакцией А.И. Домашневой и др. заголовок изучается как организующий элемент текста. «В какой бы функции не выступал заголовок, он всегда является организующим элементом текста. Это проявляется не только в том, что, прочитав текст, читатель ретроспективно осмысливает заголовок в связи со всем текстом художественного произведения, но и в том, что заголовок в полной форме, или в модифицированной, функционирует в тексте как одна или несколько **номинаций** и, таким образом, заголовок участвует в семантической организации текста» [2]. В настоящей работе остановимся на дефинициях трех понятий: название, заголовок и заглавие, и определим их дифференциальные признаки. Заглавие – ведущее книгу словосочетание, выдаваемое автором за главное книги, помещаемое обычно впереди самого произведения, которое неполно раскрывает содержание произведения. Название – словесное обозначение, наименование кого-либо или чего-либо. Заголовок – строка, содержащая такое название и оформленная особым образом для выделения и привлечения внимания.

Кроме перечисленных выше терминов нас заинтересовала точка зрения, описанная еще в одной работе, посвященной изучению кинофильмов. Для обозначения названий кинофильмов в этой работе используется термин **фильмоним**, который, на взгляд автора, целесообразно включить в состав ономастической терминологии [9]. Рассмотрев все данные понятия, следует сделать вывод, что все эти понятия обозначают слово или словосочетание, которое отображает главную мысль произведения. Термин «название» выражает более общее значение, которое может подходить как для книги или статьи, так и для фильма. Термины «заглавие» и «заголовок» наоборот, имеют более узкое значение, которое употребляется в ситуации, когда мы имеем в виду название книги или статьи. Все сказанное позволяет сделать вывод, что в нашем исследовании по отношению к киноиндустрии предпочтительней будет употребление термина «название».

В любом языке, наряду с именами нарицательными, выделяются имена собственные, или **онимы**, которые называют единичные, индивидуальные в своем роде предметы. Языковое и функциональное своеобразие имен собственных отражено в их дефинициях. Например: **оним**, имя собственное – слово или словосочетание, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов: его индивидуализации и идентификации» [11]. В нашей работе под именем собственным или онимом понимается название произведения, так как оно является единственным в своем роде и несет в себе дифференциальные признаки определенного предмета, в данном случае фильма.

Анализ научной литературы свидетельствует о значительном интересе лингвистов к вопросу заголовка. Особенный интерес к нему объясняется уникальным положением заголовка в тексте, его семантической сложностью и разнообразием его **функций**. В нашем случае под художественным текстом и художественным произведением мы будем понимать кинофильм. Специфика заглавия произведения заключается в том, что оно является составной частью именуемого объекта, элементом его структуры, и, занимая **сильную позицию** в тексте, относится к тем композиционным элементам, которые привлекают повышенное внимание при первом знакомстве с текстом [1]. Многие ученые уделяют внимание проблемам заголовка в художественном произведении. Множество функций заголовка объясняется тем, что он выступает актуализатором практически всех текстовых категорий. Категория информативности проявляется в **ономастиологической**, означающей, номинативной функции заголовка, которую он выполняет в строгом соответствии с внутренним механизмом ономастиологического процесса: называет объект (текст) по одному из его признаков – теме [6]. Необходимо рассмотреть заголовок как один из важнейших компонентов текста. Находясь вне основной части текста, заглавие занимает абсолютно сильную позицию в нем. Это первый знак произведения, с которого начинается знакомство с текстом. Заглавие активизирует восприятия читателя и направляет его внимание к тому, что будет изложено далее. Заглавие вводит читателя в мир произведения. Оно в конденсированной форме выражает основную тему текста, определяет его важнейшую сюжетную линию или указывает на его главный

конфликт. Таковы, например, названия фильмов Морской бой / Battleship (2012), Последний день на Земле / Last day on Earth (2011), Тысяча слов / A thousand words (2012), Несносные боссы / Horrible Bosses (2011), Уличные танцы 2 / Street dance 2 (2012), Заражение / Contagion (2011), Убийственная поездка / Roadkill (2011), Экскурсия / Hike (2011). Заглавие может называть главного героя произведения (Диктатор / The Dictator (2012), Воин / Warrior (2011), Ларри Краун / Larry Crowne (2011), Коломбиана / Colombiana (2011), Президент Линкольн: Охотник на вампиров / Abraham Lincoln: Vampire hunter (2012), Красавица из трущоб / Trishna (2011), Вышибала / Goon (2011), Прислуга / The help (2011), Гробовщик / The Mortician (2011), Очень плохая училка / Bad teacher (2011), или выделять сквозной образ текста. Заглавие текста может указывать на время и место действия и тем самым участвовать в создании художественного времени и пространства произведения. Например: Дом грез / Dream house (2011), Ночь страха / Fright night (2011), Поля / Texas killing fields (2011), Выпускной / Prom (2011), Пять дней в августе / Five days of August (2011), Летающая крепость / Fortress (2011), Пробуждающий лес / Wake wood (2011).

Наконец, заглавие произведения содержит прямое определение его жанра или косвенно указывает на него, вызывая у читателя ассоциации с конкретным литературным родом или жанром: История дельфина / Dolphin Tale (2011), Шикарное приключение Шарпея / Sharpey's fabulous adventure (2011), Дневники вампира / Vampire diaries (2011), Ромовый дневник / The rum diary (2011). Заглавие может быть связано с субъектно-речевой организацией произведения. Оно в этом случае выделяет или план повествования, или план персонажа. Так, заглавия текстов могут включать отдельные слова или развернутые реплики персонажей и выражать их оценки: Ищу друга на конец света / Seeking a friend for the end of the world (2012), Думай как мужчина / Think like a man (2012), Не впускай его / Don't let him in (2011), Как я встретил вашу маму / How I met your mother (2011). При этом оценка, выраженная в заглавии, может не совпадать с авторской позицией. Заглавие непосредственно обращено к адресату текста. В связи с этим некоторые заглавия произведений представляют собой вопросительные или побудительные предложения: Сколько у тебя? / What's your number? (2011), Никогда не сдавайся 2 / Never back down 2 (2011), Укуси меня! / Bite me! (2011). Кроме того, заголовок связывает весь текст. При этом с самим словом неизбежно происходят семантические изменения, ведущие к образованию индивидуально-художественного значения.

Осознание этого значения читателем происходит ретроспективно, при возвращении к заголовку, после завершения текста. Заглавие, с которого чтение началось, оказывается рачочным знаком, требующим возвращения к себе. Этим оно еще раз связывает конец и начало, т. е. непосредственно участвует в актуализации не только категории связности, но и категории ретроспекции [6]. В целом, опираясь на исследование Лукина В.А., заголовок – это текстовый знак, являющийся обязательной частью текста и имеющий в нем фиксированное положение. Это, бесспорно, сильная позиция текста. Заголовок выполняет две главные функции – интертекстуальную и внутритекстовую. **Интертекстуальная функция** заголовка основывается на его формально-семантической автономности. В своей интертекстуальной функции заголовок служит для ориентации во множестве текстов. **Внутритекстовая функция** реализуется при восприятии заглавия после прочтения текста [7].

Заглавие вбирает в свой незначительный объем весь художественный мир и обладает колоссальной энергией. Использование всей этой энергии носит сугубо индивидуальный характер, и начинается оно с ожидания знакомства с текстом, с формирования установки на чтение данного произведения, с периода, который условно можно назвать предтекстовым [6]. Кроме двух вышеперечисленных функций, заглавие выполняет следующие:

1. **Номинативная функция.** Это исторически сложившаяся исходная функция заглавий, так как она возникла, чтобы назвать текст. Эта функция объединяет все заголовки, независимо от их структуры и индивидуальных особенностей.

2. **Информативная (коммуникативная) функция.** Эта функция тоже универсальна: всякое заглавие, так или иначе, информирует читателя о тексте.

3. **Разделительная функция.** Заглавие выделяет текст из окружающего пространства. Осуществление этой функции происходит в основном за счет графических средств: заглавие печатается перед текстом, выделяется шрифтом, особым цветом и т.п.

4. **Экспрессивно-апеллятивная функция.** Заглавие может выявлять авторскую позицию, а также психологически готовить читателя к восприятию текста [11]. Экспрессивность заглавия может быть выражена с помощью как языковых, так и внеязыковых средств, например, графических.

5. **Рекламная функция.** Заглавие должно привлечь внимание читателя. С ростом количества издаваемых книг рекламная функция приобретает в обществе все большее значение [3]. Соотношение этих функций зависит от особенностей каждого конкретного текста, его жанра, типа культуры и т. д. Обращаясь к разным типам текстов, лингвисты называют дополнительные функции заглавий, связанные с их особенностями. Так, Н.А. Кожина, говоря о заглавиях художественных текстов, предлагает классификацию функций, несколько отличную от общепринятой. Заглавие художественного текста, считает она, выполняет два типа функций: внутреннюю, «с позиции автора» (назывная; функция изоляции и завершения; текстообразующая) и внешнюю, «с позиции читателя» (репрезентативная; соединительная; функция организации читательского восприятия) [4]. Н.П. Харченко выделяет **номинативную, информативную, рекламную, функцию убеждения и конспективную функцию** заглавия. Если первые три характерны для любого заголовка, то две последние (функция убеждения и конспективная), по мнению автора, присущи заглавиям именно научных текстов [11]. Таким образом, решение вопроса о функциях заглавия определяется, прежде всего, методологией исследователя и типом художественного текста, к которому он обращается.

В заключение отметим, что в современной науке многие ученые уделяют внимание проблемам заголовка в художественном произведении, но при этом может возникнуть ряд определенных трудностей. Данные трудности заключаются в подборе правильного определения термина «заглавие», так как не каждое определение названия в полной мере отображает тему текущего исследования. Следующей проблемой являются первостепенные функции заголовка, выполняемые в исследовательском тексте. В нашем случае под исследовательским текстом понимается название кинофильма на иностранном языке, и главной нашей задачей является правильный перевод названия кинофильма, точная передача интенции автора. При этом необходимо учитывать функции, которые были заложены автором при создании названия кинофильма, они должны быть обязательно сохранены в тексте перевода.

Библиографический список

1. Богданова О.Ю. Заглавие как семантико-композиционный элемент художественного текста. М., 2009. 149 с.
2. Домашнева А.И., Шишкин И.П., Гончарова Е.А. Интерпретация художественного текста. М.: Просвещение, 1989. 195 с.
3. Евса Т.А. Заглавие как первый знак системы целого текста // Системные характеристики лингвистических единиц разных уровней. Куйбышев: Наука, 1986. 85-92 с.
4. Кожина Н.А. Заглавие художественного произведения: структура, функции, типология (на материале русской прозы XIX-XX вв.): Автореф. дис. канд. филол. наук. М.: Наука, 1986. 21 с.
5. Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М.: Наука, 1977. 113с.
6. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988. 192 с.

7. Лукин В.А. Художественный текст. Основы лингвистической теории. М.: «Ось-89», 2005. 560 с.
8. Николина Н.А. Филологический анализ текста. М.: Академия, 2003. 256 с.
9. Подымова Ю.Н. Названия фильмов в структурно-семантическом и функционально-прагматическом аспектах: дис. канд. филол. наук. Майкоп: Издательство АГУ, 2006. 205 с.
10. Ожегов С.И. Толковый словарь. М.: Издательство «АЗЪ», 1992. 660 с.
11. Харченко Н.П. Заглавия, их функция и структура (на материале научного стиля): Автореф. дис. канд. филол. наук. Л., Наука, 1968. 21 с.

References

1. Bogdanova O. Y. dis. The title as a semantic composition element of a literary text. M., 2009. 149 p.
2. Domashnev A. I. Shishkin I. P., Goncharova E. A. Interpretation of a literary text. M.: Education, 1989. 195 p.
3. Evsa T. A. Title as the first character of a text // System specifications of linguistic units at different levels. Kuibyshev: Science, 1986. 85-92 p.
4. Kozhin N. A. The title of the book: The structure, functions, types (based on Russian prose XIX-XX centuries.): Author. dis. . Candidate. Philology. Science. M.: Science, 1986. 21 p.
5. Kubryakova E. S. Parts of speech in onomasiological aspect. M: Science, 1977. 113 p.
6. Kukharenko V. A. Interpretation of the text. M.: Education, 1988. 192 p.
7. Lukin V. A. Literary text. Foundations of linguistic theory. M.: "Os-89", 2005. 560 p.
8. Nikolina N. A. Philological analysis of the text. M: The Academy, 2003. 256 p.
9. Podymova Y. N. dis. Movie titles in the structural-functional-semantic and pragmatic aspects. Maikop: Publisher ASU, 2006. 205 p.
10. Ozhegov S. I. Definition Dictionary. M.: Publishing house "Az", 1992. 660 p.
11. Kharchenko N.P. Title, their function and structure (based on scientific style). Author. dis. Leningrad, Nauka, 1968. 21 p.

КОНЦЕПТОЛОГИЯ CONCEPTS STUDIES

УДК 801.3=82(045/046):26

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Бугакова Н.Б.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473)271-50-48;
e-mail: ya_witch@mail.ru*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-cultural communication,
PhD, associate professor Bugakova N.B.
Russia, Voronezh, tel. +7(473) 271-50-48;
e-mail: ya_witch@mail.ru*

Н.Б. Бугакова

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ИКОНА» В РОМАНЕ И.С. ШМЕЛЕВА «ПУТИ НЕБЕСНЫЕ»

В данном исследовании анализируются когнитивные признаки концепта «икона», выявленные нами при рассмотрении произведения И.С. Шмелева «Пути небесные», также приводятся способы вербализации исследуемого концепта.

Ключевые слова: концепт, когнитивные признаки, вербализация, икона, праздник.

N.B. Bugakova

TO THE QUESTION OF THE WAYS OF VERBALIZATION OF THE CONCEPT «ICON» IN THE NOVEL «WAYS OF HEAVENS» BY I.S. SHMELYOV

The present research the cognitive features of the concept «icon» in the novel «Ways of heavens» by I.S. Shmelyov are analyzed and the ways of verbalization of the given concept are considered.

Key words: concept, cognitive features, verbalization, icon, festival.

Исследование языковых средств объективации концептов является одним из наиболее эффективных способов проникновения в концептосферу носителей языка с целью выявления ее специфических черт, осмысления миропонимания и поведения людей [4].

Концепты, репрезентированные религиозной лексикой, занимают в русской концептосфере значительное место, в связи с чем нуждаются в глубоком изучении.

Задачей данного исследования является рассмотрение способов вербализации концепта *икона* в романе И.С. Шмелева «Пути небесные».

В русском языке выделяются следующие значения лексемы *икона*: 1) живописное изображение Бога, Божьей Матери, ангелов, святых угодников, сцен из Священного Писания, являющееся предметом поклонения у верующих; 2) предмет культа, являющийся посредником между молящимся и первообразом; 3) предмет поклонения, почитаемый молящимися как святой и настраивающий на нужный лад при общении с Богом, Божьей Матерью, ангелами, святыми; 4) предмет, обладающий чудодейственными свойствами, способностью исцелять [1].

Рассмотрим лексему *икона* и проанализируем ее употребление для объективации концепта *икона* в романе И.С. Шмелева «Пути небесные».

Лексема *икона* появилась на Руси одновременно с искусством иконописи, пришедшим из православной Византии. Изображение святых имело культовое значение, что и было зафиксировано во многих словарях. Так, например, этимологические словари появления в русском языке лексемы *икона* объясняют следующим образом: «слово заимствовано древнерусским языком из греческого, где существительное *eikon* имеет значение «изображение, подобие» [8].

Традиционно под иконой принято понимать живописное изображение Бога, Божьей Матери, ангелов, святых угодников, а также евангельского или церковно-исторического события.

Поскольку икона является предметом религиозного культа, православные традиции предполагают непременно освящение этого изображения святой водой, через которое иконе сообщается благодать Святого Духа, после чего икона почитается как святая.

Икона, в первую очередь, является посредником между молящимся и первообразом, от которого она зачастую получает чудотворную силу. Многие иконы, по народным поверьям, являются чудодейственными, они исцеляют больных, приносят удачу.

По молитве перед иконами Спасителя, Богородицы, святых совершалось и продолжает совершаться большое количество чудес: исцеления, избавления от врагов, помощь в житейских нуждах и т. д. [5].

По мнению А.Д. Шмемана, икона призвана обозначать «... единение Церкви земной с Церковью Небесной, или, вернее, их тождество. Собранные в храме, мы – видимое выражение всей Церкви, глава которой – Христос, а мать Божия, пророки, апостолы, мученики, святые – члены, как и мы. Мы вместе с ними образуем ... Тело Христово» [11].

Икона является неотъемлемой частью православного богослужения, в отличие от других религий, например, ислама, которые в принципе не предусматривают изображение Бога. «Возможность созерцать Бога в человеческом образе является изначальной сущностью христианства. Она пробуждает в верующем сердце потребность увидеть Спасителя в человеческом облике, вести себя соответственно этой потребности» [3].

Православный человек поклоняется иконе потому, что она настраивает и вдохновляет молящегося на нужный лад для общения с Богом. Иконы, будучи посвященными Богу, обладают тем, что присуще Самому Богу — святостью, а потому почитание икон, равно как и святых, и всего того, что имеет отношение к Богу, является почитанием Самого Бога. «Иконы ... почитают ... как исполненный замысел, символ, связанный с личностью святого, как художественно-образный повод для вчувствования в этот святой индивидуальный образ, как способ воображаемого присутствия отсутствующего и, может быть, невидимого, но любимого и почитаемого образца совершенства, как художественно-чувственный центр сверхчувственного молитвенного сосредоточения. ... Икона становится ... духовным накопителем, молитвенным аккумулятором, который воспринимает и концентрирует в себе излучения пламенной молитвы целой череды поколений и тем самым становится народной святыней» [3].

Поэтому иконы обязательно присутствовали в каждой русской семье, для них отводилось специальное место, называемое святым (красным) углом, или даже целая комната, также иконы часто передавались по наследству.

Рассмотрим когнитивные признаки концепта *икона*, актуализируемого лексемой *икона* и ее синонимами в произведении И.С. Шмелева.

«...иконы сияли ризами, венчиками из розочек, голубыми лампадками Рождества» [10]; актуализируется когнитивный признак «изображение, украшаемое на праздник».

«С тяжелым сердцем склонилась она перед *Иконой*, стараясь собрать мысли; но не было сил молиться. Она собирала силы, твердила: «Прости, очисти... в соблазне я... дай мне силы, Пречистая!...» [10]; актуализируется когнитивный признак «предмет культа, настраивающий на нужный лад при общении с Божьей Матерью».

«Эту комнатку попросила она себе молиться... Там стояли большие пядьцы, висели душевные *иконы* – Рождества Иоанна Крестителя, Рождества Богородицы, Анастасии-Узорешительницы, и лежал коврик перед подставкой с молитвословом» [10]; актуализируется когнитивный признак «любимое изображение».

«Долго взирала на *иконы* молящим взглядом» [10]; актуализируется когнитивный признак «живописное изображение Бога, Божьей Матери, ангелов, святых угодников, сцен из Священного Писания, являющееся предметом поклонения у верующих».

«После чая она ... помолилась глазами на *иконы* ...» [10]; актуализируется когнитивный признак «живописное изображение Бога, Божьей Матери, ангелов, святых угодников, сцен из Священного Писания, являющееся предметом поклонения у верующих».

«Пошла в спальню, встала перед Казанской, сложила в немой мольбе ладони и с болью вспоминала, как благословляла ее матушка Агния, как тайком пронесла она эту *икону* из обители, обманула матушку Вириною...» ([10]; актуализируется когнитивный признак «изображение, осуществляющее покровительство».

Для объективации концепта *икона* автором используются также следующие лексемы: *иконная*; *образ*; *имена собственные, обозначающие название праздника, в честь которого была создана икона*; *Владычица*; *Пречистая*, *ФС Страстная Мать Божия*, а также *составные номинации*, в которых автор использует лексемы *икона* и *образ* в сочетании с именами собственными, называющими святого или праздник, в честь которого создана икона:

- *Иконная.*

Данная лексема образована от производящего существительного «икона» при помощи суффикса «н», который придает лексеме торжественную окраску.

« - Она была *новая* для меня, *явленная... иконная!* – рассказывал восторженно Виктор Алексеевич. – Уже тогда показалось мне, что не от мира этого она» [10]; актуализируется когнитивный признак «почитается как относящаяся к миру Бога, святых».

- *Образ.* Данная лексема зафиксирована во многих словарях.

Так, историко-этимологический словарь дает следующее определение лексемы *образ*: «икона», имеет славянское происхождение: от болгарского **вобраз**, **вобразны**, сербско-хорватск. **Образац**, **образ** – лицо, щека, или честь; польск. *obraz* – картина, образ [9]. В русском языке данная лексема получила значение «изображение Иисуса Христа, Богоматери, святых, сцен из Священного писания, имеющее культовое значение» [9]. «То же, что икона, то есть у православных и католиков: предмет поклонения – живописное изображение Бога, святого или святых» [6].

Обратимся к примерам:

«В комнатах висели *образа*, разысканные в сундуках, старинные» [10]; актуализируется когнитивный признак «живописное изображение Бога, святого или святых».

«...она подбежала к милостынному столику, положила серебреца на блюдо, перекрестилась на *образок* и ... поклонилась в пояс...» [10]; актуализируется когнитивный признак «небольшое живописное изображение Бога, святого или святых, являющееся предметом поклонения».

«Дариньке понравилось, что все крестились на *образа...*» [10]; актуализируется когнитивный признак «живописное изображение Бога, святого или святых, являющееся предметом поклонения».

«Она перекрестилась на мигавший за елкой *образ* и с тоской прошептала: «Господи!» [10]; актуализируется когнитивный признак «живописное изображение Бога, святого или святых, являющееся предметом поклонения».

«Ей стало страшно, и она отошла от *образа*» [10]; актуализируется когнитивный признак «изображение Бога, святых, внушающее страх».

- *имена собственные, обозначающие название праздника, в честь которого была создана икона:*

«Как-то ночью он услышал, что она горько плачет, детскими всхлипами. ... Он стал утешать ее, спрашивать, что случилось. Прильнув к нему, она поведала, что ей страшно, что Господь не простит ее, что она грешница из грешниц, ... что у них даже и лампадочка не горит, а она боится без лампадочки, и *Матушка-Казанская* ... «во тьме висит» [10]; актуализируется когнитивный признак «живописное изображение Божьей Матери, перед которым следует зажигать лампаду».

«Она взглянула на него, «разумными глазами», и лихорадочно-быстро стала говорить, вполне сознательно: «Так нельзя, в темноте, без лампадочки... затепли, миленький... поставь поближе ко мне на столик, благословение мое... *Казанскую-Матушку*» [10]; актуализируется когнитивный признак «живописное изображение Божьей Матери, осуществляющее покровительство».

«У *Казанской* не теплилась лампадка: забыла ее оправить» [10]; актуализируется когнитивный признак «живописное изображение Божьей Матери, являющееся предметом поклонения».

«Эту комнатку попросила она себе молиться... Там стояли большие пальцы, висели душевные иконы – *Рождества Иоанна Крестителя, Рождества Богородицы, Анастасии-Узорешительницы*, и лежал коврик перед подставкой с молитвословом» [10]; актуализируется когнитивный признак «любимое изображение».

- *Лексема Владычица:*

«Ждала только, церковь когда откроют, помолиться перед *Владычицей*»; актуализируется когнитивный признак «изображение Божьей Матери, являющееся предметом поклонения» [10].

- *Лексема Пречистая:*

«С тяжелым сердцем склонилась она перед Иконой, стараясь собрать мысли; но не было сил молиться. Она собирала силы, твердила: «Прости, очисти... в соблазне я... дай мне силы, *Пречистая!*...» [10]; актуализируется когнитивный признак «живописное изображение Божьей Матери, являющееся объектом просьбы».

- *ФС Страстная Мать Божия:*

«Взглянула на *Страстную Мать Божию* и подумала в сердце, будто Пречистая мне велит: «Все прими, испей» [10]; актуализируется когнитивный признак «изображение Божьей Матери, с которым можно разговаривать».

- *Составные номинации*, в которых автор использует лексемы *икона* и *образ* в сочетании с именами собственными, называющими святого или праздник, в честь которого создана икона:

«Обрадованный, что она говорит разумно, что, должно быть, ей стало лучше, он перенес и устроил на столике у ее постели *образ Богородицы Казанской*, благословение матушки Агнии...» [10]; актуализируется когнитивный признак «живописное изображение Божьей Матери, осуществляющее покровительство».

« - Было, конечно, глупо передавать ей пошлости, - рассказывал Виктор Алексеевич, - но я тогда этими пустяками упивался, и восторги других от Дариньки ... были приятны мне. Помню, этот сюсюкающий бароша встретил меня тогда словами: «Она – пре-ле-стна, твоя монашка! Она – жемчужина ... с чудотворной *иконы Страстной Богоматери*...» [10]; акту-

ализируется когнитивный признак «ценное изображение Божьей Матери, способное исцелять».

«Как всегда, к ночи, топила лежанка, полыхала. В пламени от нее светился розовым серебром оклада *образ Рождества Богородицы*» [10]; актуализируется когнитивный признак «ценное изображение».

«Даринька перекрестилась на *икону Казанской* – благословение матушки Агнии, и с ужасом увидала, что опять не оправила лампадку» [10]; актуализируется когнитивный признак «живописное изображение Божьей Матери, осуществляющее покровительство».

Проведенное исследование позволило выявить и описать способы вербализации концепта *икона* в романе И.С. Шмелева «Пути небесные».

Итак, в русской национальной концептосфере по данным словарей можно выделить следующие основные лексические значения лексемы *икона*:

«живописное изображение Бога, Божьей Матери, ангелов, святых угодников, сцен из Священного Писания, являющееся предметом поклонения у верующих»; «предмет культа, являющийся посредником между молящимся и первообразом»; «предмет поклонения, почитающийся молящимися как святой и настраивающий на нужный лад при общении с Богом, Божьей Матерью, ангелами, святыми»; «предмет религиозного культа, обладающий чудодейственными свойствами, способностью исцелять».

В анализируемом произведении концепт *икона* актуализирует следующие когнитивные признаки:

«изображение, украшаемое на праздник»; «предмет культа, настраивающий на нужный лад при общении с Божьей Матерью»; «любимое изображение»; «живописное изображение Бога, Божьей Матери, ангелов, святых угодников, сцен из Священного Писания, являющееся предметом поклонения у верующих»; «изображение, осуществляющее покровительство»; «почитается как относящаяся к миру Бога, святых»; «живописное изображение Бога, святого или святых»; «живописное изображение Бога, святого или святых, являющееся предметом поклонения»; «изображение Бога, святых, внушающее страх»; «живописное изображение Божьей Матери, перед которым следует зажигать лампаду»; «живописное изображение Божьей Матери, являющееся предметом поклонения»; «любимое изображение»; «живописное изображение Божьей Матери, являющееся объектом просьб»; «изображение Божьей Матери, с которым можно разговаривать»; «ценное изображение Божьей Матери, способное исцелять»; «ценное изображение»; «живописное изображение Божьей Матери, осуществляющее покровительство».

Индивидуально-авторскими когнитивными признаками концепта *икона* в языковой картине мира являются следующие:

«изображение, украшаемое на праздник»; «предмет культа, настраивающий на нужный лад при общении с Божьей Матерью»; «любимое изображение»; «изображение, осуществляющее покровительство»; «почитается как относящаяся к миру Бога, святых»; «изображение Бога, святых, внушающее страх»; «живописное изображение Божьей Матери, перед которым следует зажигать лампаду»; «любимое изображение»; «живописное изображение Божьей Матери, являющееся объектом просьб»; «изображение Божьей Матери, с которым можно разговаривать»; «ценное изображение Божьей Матери, способное исцелять»; «ценное изображение»; «живописное изображение Божьей Матери, осуществляющее покровительство».

Для объективации данных когнитивных признаков используются лексемы *икона*, *иконная*, *образ*, *образок*, лексемы - *имена собственные*, *обозначающие название праздника, в честь которого была создана икона*, лексемы *Владычица*, *Пречистая*, *ФС Страстная Божия Матерь*, а также *составные номинации*, в которых автор использует лексемы *икона* и *образ* в сочетании с именами собственными, называющими святого или праздник, в честь которого создана икона.

Библиографический список

1. Большой академический словарь русского языка: В 17 т. / Гл. ред. К.С. Горбачевич. М., СПб.: «Наука», 2007.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 тт. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006.
3. Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга – XXI век, 2007. 464 с.
4. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, П.Г. Лузина. М.: Изд-во МГУ, 1996. 245 с.
5. Малый православный толковый словарь. М.: Рус. яз. Медиа, 2005. 527 с.
6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; РАН. Ин-т русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2003. 939 с.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. К методологии лингвокогнитивного анализа // Филология и культура. Материалы III Международной научной конференции. Часть 2. Тамбов, 2001. С. 19–24.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. / пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева. 4-е изд., стереотип. М.: Астрель: АСТ, 2007.
9. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 тт. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1999.
10. Шмелев И.С. Пути небесные. М.: «Даръ», 2007. 848 с.
11. Шмеман А.Д. Литургия и жизнь: христианское образование через литературный опыт. М., 2002. 159 с.
12. Этимологический словарь русского языка / Сост. Е. Грубер. М.: Изд-во ЛОКИД-пресс, 2007. 576 с.

References

1. Great academic dictionary Russian language: in 17 vol. M. – SPb., 2007.
2. Dahl V. I. Explanatory dictionary of live Great-Russian language: in 4 vol. M., 2006.
3. Ilyin I.A. Essence and peculiarity of Russian culture. M., 2007. 464 p.
4. Short dictionary of cognitive terms. M., 1996. 245 p.
5. Minor orthodox explanatory dictionary. M., 2005. 527 p.
6. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of Russian language. M., 2003. 939 p.
7. Popova Z.D., Sternin I.A. To the methods of lingvocognitive analysis // Philology and culture. Part 2. Tambov, 2001. P. 19 -24.
8. Fasmer M. Etymological dictionary of Russian language: in 4 vol. M.: 2007.
9. Chernykh P.Y. Historical and etymological dictionary of modern Russian language. M., 1999.
10. Shmelyov I.S. Ways of heavens. M., 2007. 848 p.
11. Shmeman A.D. Liturgy and life: Christian education through literature experience. M., 2002. 159 p.
12. Explanatory dictionary of Russian language. M., 2007. 576 p.

УДК 811.161.1 ББК 81.2 Рус-5

Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске

Кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры языкознания

Морозова Н.С.

Россия, г. Северодвинск, тел. +7(88182)53-84-00

e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Institute of Humanities of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (branch in Severodvinsk)

The department of linguistics,

PhD, senior lecturer Morozova N.S.

Russia, Severodvinsk, phone: +7(88182)53-84-00

e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег. На материале поэзии XIX – начала XXI вв. выявляются образы, созданные по моделям «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*» и «*некий объект как первый снег*», тем самым устанавливается эстетическое значение сочетания *первый снег* и определяется круг реалий, при описании которых актуализируется образ первого снега.

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, художественная концептуализация, признаки образа, повторяющееся поэтическое сочетание.

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow. The images created according to the models «the first snow as an object having certain features» and «an object like the first snow» are described on the basis of poetry from the 19th to the early 21st c. It helps to reveal the aesthetic meaning of «the first snow» and to determine the range of objects whose descriptions contain actualized images of the first snow.

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, repeated poetis combination.

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина, И.З. Суриков и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небес полуночной страны* [4]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания как его современники (А.И. Тургенев, А.С. Пушкин), так и впоследствии исследователи его творчества (Л.Я. Гинзбург, Б.С. Мейлах, К.И. Соколова и др.).

© Морозова Н.С., 2013

Поэтический текст содержит результаты эстетического освоения действительности, наряду с национальным языком, отражающим результаты обыденного познания мира, и наря-

ду с научными текстами, фиксирующими результаты научного освоения мира природы и человека.

Снег является значимым фрагментом русской языковой картины мира, в силу этого снег – важный компонент художественной модели мира: образы снега, метели, снегопада присутствуют в творчестве многих авторов XVIII – начала XXI вв., о чем говорят более 8 тысяч контекстов, выявленных методом сплошной выборки из произведений русских поэтов. Особое место среди всего корпуса «снежного» поэтического материала составляют контексты, целые произведения, в которых создан образ первого снега. Постоянное обращение поэтов разных эпох и различных эстетических взглядов к данному образу дает основание предположить, что первый снег (как явление природы) обладает особым эстетическим и символическим смыслом.

Материалом для данного исследования послужили контексты, в которых использованы сочетания *первый снег*, *первый снежок*, *первый снегопад*, *первые сугробы*, *первая пороша*. Наблюдения над контекстуальным окружением названных сочетаний позволяют определить особенности художественной концептуализации первого снега как фрагмента действительности и тем самым установить, какие новые значения появляются у образа первого снега на каждом этапе развития русской поэзии. Так, в этом аспекте рассмотрены контексты, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*». Под признаками в данной модели понимаются как различные физические проявления первого снегопада («мелкий», «мокрый», «утренний» и пр.), так и художественные признаки, представляющие особые ассоциативные связи, которые возникают в поэтическом сознании авторов при виде снега (например, первый снег как напоминание о каких-либо событиях в жизни человека). Кроме того, привлечение большого корпуса текстов XIX – начала XXI вв. делает возможным определить круг объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируются признаки первого снега и в описании которых используется сочетание *первый снег* в роли предмета сравнения. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа «*некий объект как первый снег*».

Среди названных выше сочетаний регулярность употребления характерна для синтагмы *первый снег*, что подтверждается использованием его в функции заглавия произведений поэтов разных эпох: П.А. Вяземского, А.М. Жемчужникова, С.А. Есенина, В. Брюсова, Б.Л. Пастернака, А. Вознесенского, Н. Рубцова, Л. Мартынова, Т. Алферовой, В. Осипова, В. Шнейдера и др. Кроме того, сочетание *первый снег* наряду с названными синтагмами отличается большей частотой употребления. Эти условия позволяют отнести синтагму *первый снег* к повторяющимся поэтическим сочетаниям, под которыми мы понимаем элементы общей системы поэтического языка, совпадающие у разных авторов, вычлененные из поэтического текста единицы, которые не утрачивают своей экспрессивности при неоднократном использовании поэтами, принадлежащими к одному или разным поколениям.

Анализ материала показал, что сочетание *первый снег* функционирует в русских поэтических текстах с различной контекстуально-смысловой нагрузкой. Заметим, что в нашем материале практически не встретились контексты из произведений XVIII в., что объясняется типом художественного мышления того времени – господством монументализма и масштабности. Это в свою очередь проявляется и в незначительном количестве произведений с описанием пейзажей, в том числе – зимних. Заметим, что для поэзии XVII в. характерна статичность в изображении природы, тогда как первый снег (в реальном мире и в художественной его модели) – это мимолетное, порой быстро исчезающее явление погоды.

Обозначим группы контекстов, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*». В первую очередь к этой группе относятся контексты, в которых эстетическое значение синтагмы *первый снег* совпадает с визуальным значением составляющих ее единиц *первый* и *снег* в национальном языке. Например, *Поникли тополя. / Ложится первый снег. Пусты поля...* (Г. Адамович), *Завершился листопад, / Первый снег упал на крыши* (Л. Мартынов), *Уж мороз серебром темный лес разукрашивал, /*

Подмерзала земля и снежок, / Первый, мягкий снежок припорошивал (Д. Бедный), *Первый снег плотину ярко выбелил* (А. Тимирева), *Выпал за окнами первый снежок, / Блекнет закат, догорая...* (М. Светлов), *Первый снег сапог хватает* (О. Фокина), *Три алые розы на первом снегу / У края лежат тротуара. / Их кто-то швырнул на ходу, на бегу. / Три искры ночного пожара* (И. Николюкин) и др. В ряде случаев снег, являясь предметом изображения, становится и объектом эстетического осмысления. Сравнивая первый снег с каким-либо предметом из мира человека или с объектом природы, поэты подчеркивают различные оттенки проявления этого погодного состояния. Например, *Ручей прозрачный / Замедлит свой журчащий бег. / И на него фатой брачной / Небрежно ляжет первый снег* (К. Фофанов); *Я по первому снегу бреду <...> / Может, вместо зимы на полях, / Это лебеди сели на луг* (С. Есенин). Сравнение снега в первом случае с фатой, а во втором – с лебедями создает картину легкого, прозрачного, неплотного слоя, покрывающего воду, и картину темной земли, неравномерно покрытой белым снегом.

Кроме того, в эстетическом описании первого снега в текстах XX в. встречаются атрибуты с общим значением «характеристика человека», которые, с одной стороны, передают особенности падения первого снега, создавая неповторимый образ, а с другой – выражают эмоции, чувства и ощущения, появляющиеся у лирического героя в эту погоду. И в этом случае образное осмысление первого снегопада различно. Например, *То идет он сверху вниз, / то снизу вверх – / озабоченный, растерянный, / чудной... / Я прекрасно понимаю / первый снег, / потому что так же было и со мной. / Время встало. / А потом пошло назад!* (Р. Рождественский), *Первым злым / Колючим снегом / Дрожит озябшая земля – / Зима жестоким печенегом / Пришла на мирные поля* (А. Жигулин), *На нашей долгой бытности / Казалось нам не раз, / Что снег идет из скрытности / И для отвода глаз. / Утайщик нераскаянный, – / Под белой бахромой / Как часто вас с окраины / Он разводил домой!* (Б. Пастернак).

Итак, к группе контекстов, в которых созданы образы по модели «первый снег как объект, обладающий определенными признаками», относятся контексты, актуализирующие физические явления этого погодного состояния (*мягкий, пушистый, белый* и пр.), а также передающие их эмоциональное восприятие лирическим героем (*злой, озабоченный, растерянный*). Выдвижение тезиса о значимости образа первого снега для русской поэтической модели мира требует рассмотрения жизни образа в текстах XIX – начала XXI вв. в эволюционном аспекте, что дает возможность установить, как менялось значение образа, как и когда у него появились новые смыслы.

Обозначим контексты, в которых созданы образы по модели «первый снег как объект, обладающий определенными признаками», составляющие группу с актуализацией ассоциативных связей образа снега. Так, достаточно устойчивым для поэтического сознания русских авторов является осмысление первого снега как «погодного явления, напоминающего о чем-либо важном или связанного со значимыми событиями в жизни лирического героя (и его автора)». Например, *Живо вспомнил я старое время, / Поздней осенью первый снежок, / И темнеющий сумрак вечерний, / И в окошке твоём огонек* (Л. Пальмин), *Ловит память тонким клювом / Первый снег и первопуток* (С. Есенин), *Сегодня мне немного непривычно, / Вокруг бело. И около Карпат / Такая тишь, которая обычно / Бывает только в первый снегопад <...> / Но каждый видит памятные дали / И первый снег, упавший на село* (К. Ваншенкин), *Очень гордая, / сама пришла ко мне, / равнодушие, обидное стерпя. / На твоих ресницах / тает первый снег...* (Р. Рождественский), *Пусть падают листки календаря, / пусть будет долог жизненный твой путь. / Но день двадцать шестого октября, / но первый снег его – забудь, / совсем забудь. / Как не было...* (О. Берггольц), *Погода напомнила / Осень в Тайшетте / И первый на шпалах / Колючий снежок* (А. Жигулин), *Первый снег мне былое напомнил / О судьбе, о земле, о Тебе, / Я оделся и вышел из комнат / Успокаивать горе в ходьбе* (Б. Поплавский), *О как легко плеча плечо / Касалось той поры <...> / Стелила свежий первый снег / Нам улица одна <...> / Еще идет там первый снег, / Есть улица одна, / И мы увидим белый свет / Из одного окна* (Л. Мочалов).

Другим доминирующим художественным признаком выражения эстетического значения образа первого снега является «особое эмоциональное состояние, которое появляется у лирического героя при любовании этой погодой». Впервые в русской поэзии своим восторгом при виде первого снега поделился с читателями П.А. Вяземский: *Приветствую душой и песнью первый снег* («Первый снег», 1819 г.). Запечатлеть исчезающую мимолетную красоту первого снега стремился А.М. Жемчужников в стихотворении «Первый снег» (1888 г.): *Так первый снег мне этот мил! / Скорей подметить! Он победу / Уступит солнечному дню; / И к деревенскому обеду / Уж я всего не оценю.*

Этот оттенок эстетического значения образа первого снега является актуальным для авторов на протяжении всего XX и начала XXI вв.: *Я по первому снегу бреду. / В сердце ландыши вспыхнувших сил* (С. Есенин), *Счастлив видеть первый снег, / Стройных сосен колоннаду* (К. Ваншенкин), *А нынче, землю веселя, / Упала первая пороша* (Н. Браун), *По первому снегу так хочется ехать куда-то, / чтоб ночь, и вокзал, и билеты с проставленной датой, / но без указания станции – / вперед, наугад, что достанется* (Т. Алферова), [О первом снеге. – Н.М.] *<...> Снег прикрыл только ворохи бурой листвы, / А зеленых трав – не осилил. / С новым снегом становится кровь горячей / И смелей для пьянящего шага. / Черной жилкой пульсирует нервный ручей / В побелевшей бездне оврага. / С первым снегом тебя!* (А. Бобров).

Особенно ярко эмоциональное восприятие первого снега проявилось в произведении Д. Самойлова, где создана трогательная картина первого снегопада, который настолько гармоничен внутреннему миру героя, что у него при виде первого снега создается впечатление встречи с родственной душой: *Рано утром почувался снег. / Он не падал. Он лишь намечался. / А потом полетел, заметался. / Было чувство, что вдруг повстречался / По дороге родной человек. / А ведь это был попросту снег – / Первый снег и пейзаж Подмосковья.*

В эту же группу контекстов вошли те, в которых образ первого снега связывается с творческим настроением героя, воспринимающего первый снег как время поэтического вдохновения. Заметим, что данный оттенок значения образа актуален лишь для современных авторов. Например, *Стихи идут по первому снежку* (Н. Горбаневская), *На белый лист строка ложится, / На белый лист. / А в небе первый снег кружится, Безгрешно чист. / Он до земли не долетает, / Неуследим. / И с ним душа моя витает / Над сном твоим* (В. Халупович).

Материал показал, что в поэзии XX в. за счет актуализации узуального значения прилагательного *первый* «первоначальный, ранний, происходящий ранее всех других» [3] образ первого снега приобретает еще одно значение. Семантика слова *первый* обуславливает «прочтение» этого образа в связи с общефилософской категорией начала, а сочетание *первый снег* приобретает символическое значение «начала чего-либо». Например, в стихотворении О. Берггольц образ первого снега актуализируется при описании первых (в прямом и переносном значении) шагов в жизни человека: *Точно детство вернулось и – в школу. / Завтрак, валенки, воробьи... / Это первый снег. Это первый холод / губы стягивают мои <...> / Точно первый снег, / первый шаг у дочки, / удивительный в октябре* (О. Берггольц). В стихотворении Е. Евтушенко образ первого снега появляется при осмыслении важных этапов жизни человека. Снег наделяется индивидуализированным значением: «у каждого свой первый снег (каждый по-своему воспринимает его)»: *И если умирает человек, / с ним умирает первый его снег, / и первый поцелуй, и первый бой... / все это забирает он с собой.* Повторение слова *первый* в сочетании со словами *снег, поцелуй, бой* в контексте этих строк позволяет интерпретировать данные субстантивы как обозначение понятий «начало жизни», «любовь», «борьба» – важные составляющие пути человека. Кроме того, в ряду *первый снег, первый поцелуй, первый бой* слово *снег* занимает особое положение: он открывает данный ряд и, обозначая в действительности часть природы, а не жизни человека, благодаря контекстуальному окружению приобретает символическое значение «всего первого, что произошло в жизни человека».

Так, у поэтического сочетания *первый снег* к концу XX в. постепенно расширяется контекстуальное окружение, которое формирует новые обертоны смысла. Образ первого снега на каждом следующем витке развития русской поэзии обогащается текстовыми семантическими приращениями, которые естественно связаны с многообразием поэтических индивидуально-авторских систем.

Второй аспект анализа полученного материала состоит в выявлении круга реалий, объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируется первый снег, его концептуальные признаки. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа «некий объект как первый снег».

В поэзии XIX в. природная белизна снега устойчиво актуализируется при описании цвета кожи: *спрыгнув с коня ретивого, / Точно первый снег бела, / Без рыданий к мужу мертвому / Василиса подошла* (И. Суриков), *Как первый снег та длань бела* (В. Кюхельбекер), *седины: Ветр власы его взвевае, / Белые, как первый снег!* (А. Бунина), в конце XIX в. при описании небесного тела: <...> *светлая лазури высота / Горит незыблемо над нами. / И тусклая луна, бледна как первый снег / В лучах вечернего заката, бледна как первый снег* (К. Фофанов).

Для поэтического языка рубежа XIX – XX вв. характерны открытия новых метафорических возможностей поэтического слова, это время изменения семантического строя, структуры поэтического образа; период активного освоения новых пластов лексики [1], эпоха «глубокой трансформации образного мышления в эстетическом сознании России» [2]. Эти тенденции развития поэтического языка проявились и в функционировании сочетания *первый снег*. Например, новым, неожиданным для языка поэзии стало сравнение звучания голоса смеющегося человека с первым снегом: *И серый глаз светлей воды с колодца, / И смех свежей, чем первый белый снег...* В этом случае актуализируется не только природный цвет снега, но и та прохлада, которая возникает в воздухе при первом снеге. Тем самым создается образ на основе синестезии: в передаче впечатлений от смеха (особого звука, издаваемого человеком) совмещаются признаки снега «цвет» и «холод».

Заметим, что названные черты поэтического языка сохранились на протяжении всего XX в.: образ первого снега актуализируется при описании человека, его внутреннего мира, душевного состояния. Например, *И таеет первый снег / На сердце у меня* (А. Межиров). Обстоятельный компонент *на сердце* в конструкции *таеет первый снег на сердце* дополняет содержание образа первого снега: в данном случае сочетание *первый снег* обозначает внутренний, эмоциональный холод, который был вызван событиями в жизни героя. Интересным представляется функционирование в этих строках глагола *таеет*. С одной стороны, он актуализирует концептуальный признак снега как вида атмосферных осадков – свойство «превращаться в жидкое состояние под действием тепла», а с другой стороны, благодаря соседству с сочетанием *на сердце* приобретает переносное значение «исчезать, постепенно сокращаясь, прекращаясь» [3]. В строках Ю. Кузнецова *Выхожу – а девушка смеется, / Весело смеется у ворот. / Вся она, как легкая пушинка. / И душой чиста, как первый снег* при создании образа невинно чистой девушки актуализируется признак белизны первого снега. Заметим, что такое осмысление белого цвета снега к этому времени становится традиционным для русской поэзии, однако в данном случае подчеркивается первоначальная белизна снега, тем самым усиливается символическое значение белого цвета.

Наряду с этим образ первого снега актуализируется и при описании жизненных ситуаций. Например, *И покроется жухлая зелень / Первым снегом осенних невзгод* (А. Жигулин). В строке *первый снег осенних невзгод* синтагма *первый снег* приобретает дополнительное эстетическое значение «изменения в жизни человека и в природе, которые связаны с наступлением холодов». Генетивная метафора *снег невзгод* раскрывает комплекс ассоциаций: текущее время, неблагоприятные, менее всего ожидаемые нежелательные события, их близость и неизбежность.

Еще большее разнообразие художественных ассоциаций у образа первого снега находим в поэзии конца XX – начала XXI вв. Так, В. Лапшин использует образ первого снега при передаче красоты цветущей черемухи: *Он черемуху колышет. / А она-то, а она – / Снега первого белее.* Однако более актуальным образ первого снега оказывается при описании внутреннего мира человека. Например, В. Болохов точно передает эмоциональные переживания пожилого человека, увидевшего первый снег через окно вагона: *И не одна душа / от суеты седая, / извечностью дыша, / вдруг стала молодая. <...> / Хотя была слеза – / как снег... / тот самый – первый...*

Особую философскую «пронзительность» приобретает образ первого снега в строках Е. Матусовской, передающей осмысление жизненной несправедливости при виде умирающих больных детей, осознание неизбежности ухода их из жизни: *Но тщетно к ним [Больные умирающие дети. – Н.М.] идти с вопросом. / Как первый снег, как лёгкий дым / Они уходят. И уносят / Ту тайну, что открылась им* (Е. Матусовская).

Наблюдения над контекстуально-смысловыми изменениями отдельной единицы поэтического языка (в данном случае повторяющегося поэтического сочетания) привели к интересным результатам. Так, проследив характер использования синтагмы *первый снег* в текстах русских авторов начала XIX – начала XXI вв., мы выяснили, что образ первого снега является неотъемлемой частью русской поэтической картины мира, на протяжении развития русской поэзии он обогащается новыми ассоциациями, обрастая различными смысловыми обертонами, которые в свою очередь свидетельствуют о постепенной символизации первого снега в художественном мире.

Библиографический список

1. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.
2. Келдыш В.А. Русская литература конца XIX – начала XX века как сложная целостность // Русская литература конца XIX – начала XX века. В 2 т. Т. 1. / отв. ред. В.А. Келдыш. М.: Академия, 2007. 287 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
4. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

References

1. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.
2. Keldysh V.A. Russian literature of the late 19th – early 20th c. as a complicated unity // Russian literature of the late 19th – early 20th c. in 2 vol. Vol. 1 / ed. by V.A. Keldysh. M., 2007. 287 p.
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Russian language dictionary. M., 1997. 944 p.
4. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

УДК 801.3136 804.0

*Воронежский государственный
университет инженерных технологий,
кандидат филологических наук, доцент ка-
федры русского языка ФГБОУ ВПО ВГУИТ
Ядрихинская Е.А.
e-mail: helen_ya@list.ru*

*Voronezh State University
of Engineering Technologies,
Ph. D., Associate Professor the Chair of the
Russian Language FGBOU VPO VGUIT
Yadrikhinskaya E.A.
e-mail: helen_ya@list.ru*

Е.А. Ядрихинская

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ МАКРОПОЛЕ «L'HOMME» (ЧЕЛОВЕК)
ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА А. КАМЮ
(на материале романа А. Камю «Чума»)**

В данной статье анализируются лексические средства, объективирующие концепт «l'homme» (человек) в произведениях А. Камю и рассматривается структура лексико-семантического поля «l'homme» (человек) в индивидуально-авторской картине мира А. Камю.

Ключевые слова: концепт, картина мира, лексико-семантическое поле, ядро, периферия.

Е.А. Yadrikhinskaya

**THE LEXICAL AND SEMANTIC MACROFIELD «L'HOMME»
IN THE INDIVIDUAL AND AUTHOR PICTURE OF THE WORLD BY A. CAMUS
(on the basis of the book A. Camus «La peste»)**

The article describes the lexical means expressing the names of the concept «l'homme» in the works by A. Camus. The structure of lexical and semantic field «l'homme» in the the individual and author picture of the world by A. Camus.

Key words: concept, the picture of the world, lexical and semantic field, kernel, periphery.

В вербально-эстетической картине мира А. Камю макроконцепт «l'homme» (человек) многосторонне объективирован, богато лексикализован, входит в синонимические ряды общесловарного и окказионального характера, обладает сложной семантической структурой, в которой доминируют денотативные компоненты, обогащенные многослойной коннотативной системой.

Лексико-семантический анализ вербальных репрезентантов макроконцепта «l'homme» (человек) показал, что лексические единицы, вербализующие данный макроконцепт, составляют квалификативно-квантитативную иерархическую структуру. В этой структуре статус отдельных групп определяется следующими характеристиками: социально-профессиональным признаком, антропологически-биологическими признаками, социально-статусным и характерологическим признаком, признаком родства, интерперсональным, социально-генерализирующим, гендерным, теологическим, национальным признаками.

Макроконцепт «l'homme» (человек) представлен большим количеством разнохарактерных номинаций, вербализующих его различные стороны. В свою очередь, эти номинации соотносятся с индивидуально-авторской картиной мира А. Камю, в составе которой они являются собой окказиональные синонимы.

Своеобразие и окказиональность их использования обусловлены индивидуальным замыслом писателя, особенностями его языка, стиля, контекстуальным и интертекстуальным измерениями, при сочетании универсальных общеязыковых характеристик и индивидуально-креативных. Так, следует отметить, что высокая степень окказиональной синонимичности представленных номинаций, лексикализирующих концепт «l'homme» (человек), соответствует смыслу, содержанию произведения и прагмакоммуникативным задачам писателя, в данном случае надындивидуальный (социальный, политический, общечеловеческий экзистенциальный выбор героев).

Практически все номинативные единицы, репрезентирующие концепт «l'homme» (человек) в индивидуально-авторской картине мира А. Камю, относятся к маскулино-гендерной категории, а к феминино-гендерной категории относятся только четыре номинации: *femme* (f), *mamant* (f), *mère* (f), *sœur* (f).

Макроконцепт «l'homme» (человек) в вербально-эстетической картине мира А. Камю является достаточно гетерогенным, так как включает в себя 9 квалификативно-квантитативных семантических групп. Наиболее значимыми являются социально-профессиональный признак (29%) и антропологически-биологический признак (15%). Количественно и иерархически в вербально-эстетической картине мира А. Камю преобладают лексемы, репрезентирующие архетипические, сущностные характеристики человека (85%), вместо антропологически-биологических (15%).

В связи с тем, что лексико-семантическое пространство художественного текста и система его макро- и микрополей изоморфны семантической системе языка, но обладают собственной спецификой, они рассматриваются на основе данных, представленных в исследуемых текстах. В соответствии с вышесказанным описываются парадигматические, синтагматические и ассоциативно-деривационные связи концепта «l'homme» (человек) в границах лексико-семантического поля (ЛСП).

В творчестве А. Камю в лексико-семантическое макрополе «l'homme» (человек), помимо семантически близких единиц, включаются ассоциативно близкие единицы. Макрополе, как и любое ЛСП, – иерархическое устройство лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением, связанных семантически и ассоциативно и отражающих определенную понятийную сферу в художественном мировоззрении писателя.

Ядерными компонентами названного макрополя, формируемого из лексических единиц, эксплицирующих соответствующий макроконцепт в текстах А. Камю, являются узуальные синонимы и антонимы к имени поля, так как они составляют инвариантную часть концепта, известную всем носителям языка и отразившуюся в текстах писателя. Область центра и периферии представляют окказиональные синонимы и антонимы, выражающие вариативное содержание концепта, производное из индивидуально-авторской картины мира Камю. Они обусловлены индивидуальным замыслом писателя, особенностями его языка, стиля и т.д., привязаны к контексту и имеют единичный характер семантики. В обычном употреблении эти слова не являются синонимами (не связаны близостью значения) и антонимами (вне контекста не выражают противоположных значений), их сближение происходит на основе общности ассоциативных связей.

Учитывая теорию Ф. де Соссюра [1] о синтагматических и парадигматических отношениях между словами, а также концепцию З.Д. Поповой и И.А. Стернина [2] о составляющих лексико-семантического поля, и опираясь на компонентный анализ М.В. Жгенти [3], нами было выделено лексико-семантическое макрополе «l'homme» (человек) в индивидуально-авторской картине мира.

Структура лексико-семантического макрополя «l'homme» (человек) в индивидуально-авторской картине мира А. Камю делится на ядерные и периферийные значения. В свою очередь, **ядро ЛСП «l'homme» (человек) состоит из 42 единиц** и делится на несколько составляющих:

1. Макросема (имя поля) – 1 единица: *l'homme*;

2. Микросемы (синонимы к имени поля) включают в себя как компоненты общесловарной языковой сферы – 15 единиц: *être (m) – personnage (m) – individu (m) – gens (pl m) – population (f) – créature (f)*, так и окказиональные компоненты: *docteur (m) – habitant (m) – malade (m) – pestiféré (m) – condamné (m) – concitoyen (m) – société (f) – peuple (f) – tout le monde* индивидуально-авторской картины мира А. Камю;

3. Вторичные семы (варианты или словообразовательная парадигма) – 1 единица: *hommage (m)*;

4. Добавочные семы (антонимы к имени поля) – 4 единицы: *enfant (m) – Dieu (m) – Maître (m) – Lucifer (m)*.

Периферия лексико-семантического макрополя «*l'homme*» включает **57 единиц** и делится на:

1. Ближнюю периферию (парадигма лексем, выражающих признаки макросемы) составляют человеческие качества и характеристики – 45 единиц:

-социально-профессиональный признак – 6 единиц: *concierge (m), journaliste (m), juge (m), employé (m), préfet (m), fonctionnaire (m)*;

-социально-статусные и характерологические признаки – 18 единиц: социально-статусные признаки – 11 единиц: *malade (m), prisonnier (m), pestiféré (m), victime (f); criminel (m), étranger (m), meurtrier (m), ennemi (m), homme (m) emprisonné, homme (m) vivant, homme (m) solitaire*;

положительные качества – 2 единицы: *honnête homme (m), travailleur (m) infatigable*;
внешние признаки – 5 единиц: *grand homme (m) maigre, petit homme (m), vieil homme (m), jeune homme (m), homme (m) lassé du monde*;

-признак родства – 4 единицы: *mère (f), père (m), fils (m), enfant (m)*;

-интерперсональный признак – 6 единиц: *ami (m), voisin (m), copain (m), amant (m), confrère (m), femme (f)*;

-социально-генерализирующий признак – 5 единиц: *formation (f) sanitaire, monde (m), société (f) des morts, société (f) des vivants, jeunesse (f)*;

-гендерный признак – 2 единицы: *femme (f), homme (m)*;

-теологический признак – 3 единицы: *père (m); chretien (m); jésuite (m)*;

-национальный признак – 1 единица: *Oranais (m)*.

2. Дальнюю периферию (идиоматические выражения) – 9 единиц:

-«... *il semblait à l'aise dans la vie...*»;

-«*Il alla droit au but* »;

-«... *nous sommes comme tout le monde*»;

-«... *on voit les choses comme elles sont*»;

-«... *vieux comme la peine humaine, mais nouveau comme le jeune espoir*»;

-«*Il ne faut jamais remettre au lendemain...* »;

-«*Il y aura plus de paille que de grain, plus d'appelés que d'élus...*»;

-«*Il faut appeler les choses par leur nom*»;

- «*La peste c'est la vie, et voilà tout*».

3. Крайнюю периферию (фамильярная лексика) – 3 единицы: *bonhomme (m) – type (m) – foule (f)*.

Из всего вышперечисленного следует, что парадигматическая «вертикаль» является ядром лексико-семантического поля «*l'homme*» (человек), а синтагматическая «горизонталь» широко представлена периферийными компонентами исследуемого поля.

Ядро индивидуально-авторского ЛСП включает в себя компоненты как общесловарной языковой сферы (*être (m) – personnage (m) – individu (m) – gens (pl m) – population (f) – créature (f)*), так и представлено окказиональными компонентами (*docteur (m) – habitant (m) – malade (m) – pestiféré (m) – condamné (m) – concitoyen (m) – société (f) – peuple (f) – tout le monde*).

К периферии исследуемого поля относятся номинации, обладающие более сложной семантической и стилистической структурой и референцией (фразеологические единицы, сленговые, обще- или книжно-литературные единицы, семантико-денотативные, коннотативные, сигнификативные, аксиологические, эмотивные единицы).

В ходе исследования установлено, что семантическое поле «l'homme» (человек) в полной мере обладает основными качествами семантических полей, ему присуща определенная организация (ядро-периферийная), его составляющие взаимосвязаны между собой определенными типами отношений.

Необходимо отметить, что периферия богаче, чем ядро ЛСП «l'homme» (человек). Так из 78 лексических единиц (100%) к ядру поля относится 21 лексическая единица (27%), а периферия представлена 57 единицами (73%). Это объясняется тем, что на ближней периферии доминирует принцип приращения семантики за счет лингвистических и экстралингвистических факторов.

При анализе ЛСП «l'homme» (человек) были сделаны некоторые выводы:

- 1) ЛСП «l'homme» (человек) является системным образованием;
- 2) в составе ЛСП выделяется ядро и периферия, но их объем различен;
- 3) ядерная зона преимущественно представлена парадигматической «вертикалью», а периферийная зона входит в состав синтагматической «горизонталю».

Лексико-семантическое макрополе «l'homme» (человек) в вербально-эстетической, философско-эстетической картине мира А. Камю является макрополем, структурированным несколькими микрополями, что соответствует структуре самого макроконцепта и образующих его микроконцептов: «человек трагический»; «человек мыслящий», «человек выбирающий / человек, отказывающийся от своего выбора», «человек сущностный / человек, отказывающийся от своей сущности». В то же время макрополе «l'homme» (человек), лексикализующее макроконцепт, может быть выделено в автономную структуру, вступающую в многочисленные и самые разнообразные взаимосвязи с микрополями микроконцептов, как и других лексических групп. Вступая в сложные процессы взаимовлияния, они обогащают и обогащаются лексико-семантическим составом друг друга.

Библиографический список

1. Соссюр Ф. Труды по языкознанию / Перевод с фр. А.А. Холодович. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
2. Попова З.Д. Общее языкознание: учебное пособие / З. Д. Попова, И. А. Стернин. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 408 с.
3. Аникеева, Т. Р. Системность малых групп лексики на материале английского семантического поля «deception» (в сопоставлении с его русским аналогом): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002. 23 с.

References

1. Saussure, F. Studies on linguistics / F. Saussure ; translate from fr. A.A. Kholodovich. – M. : Progress, 1977. – 695 p.
2. Popova, Z. D. General linguistics : tutorial / Z. D. Popova, I. A. Sternin. – M. : AST : East-West, 2007. – 408 p.
3. Anikeeva, T. R. Systematization of small lexical groups in the material of English semantic field «deception» (in comparison with Russian analogue) : synopsis of dis. ... kand. of philology / T. R. Anikeeva. – Voronezh, 2002. – 23 p.

УДК 801/3=82(045/046):22

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Ст. преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Суханова Т.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732)71-50-48

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-cultural communication,
senior lecturer Suhanova T.V.
Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48

Т.В. Суханова

ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА» В РАССКАЗАХ Т. ТОЛСТОЙ

В статье рассматриваются некоторые тенденции, характеризующие репрезентацию концепта «женщина» в рассказах Т. Толстой. Выявлены когнитивные признаки концепта «женщина» в анализируемых произведениях и описаны номинативные единицы, репрезентирующие данные признаки.

Ключевые слова: концепт, когнитивные признаки, женщина, лексема.

T.V. Suhanova

LEXICAL REPRESENTATION OF THE CONCEPT «WOMAN» IN STORIES BY T. TOLSTAYA

The article sites some tendencies characterizing the representation of the concept «woman» in stories by T Tolstaya. The cognitive features of the given concept are discovered and nominative unites representing these features are described.

Key words: concept, cognitive features, woman, lexeme.

Образ женщины является одним из главных образов в произведениях Т. Толстой. В своих рассказах Толстая рассматривает женщину, ее жизнь, ее социальные роли, стереотипы, связанные с женщиной, с различных позиций и точек зрения. В том числе Татьяна Толстая делает попытку показать мужской взгляд на женщину, показать образ женщины в мужском сознании.

В данной работе описаны лексем-репрезентанты и выявлены когнитивные признаки концепта «женщина» в произведениях Т. Толстой. Для анализа были отобраны рассказы, в которых главным героем является мужчина – «Ночь», «Спи спокойно, сынок», «Петерс», «Круг», «Чистый Лист»[1].

В настоящее время в лингвистике сформировались три основных подхода к пониманию концепта. Все они базируются на общем положении, что концепт – это то, что называет содержание понятия.

Представители первого подхода (Ю.С. Степанов, В.Н. Телия) определяют концепт как основную ячейку в ментальном мире человека. С их точки зрения, культура – это совокупность концептов и отношений между ними.

Сторонники второго подхода постулируют семантический подход к концепту, понимая его как единицу когнитивной семантики (Н.Д. Артюнова, А.Д. Шмелев).

Третий подход базируется на представлении о концепте как о посреднике между словами и действительностью. Так, например, Д.С. Лихачев и Е.С. Кубрякова считают, что концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения значения слова с личным и народным опытом человека [2].

Общим для этих подходов является утверждение неоспоримой связи между языком и культурой, расхождения же связаны с разным пониманием роли языка в формировании концепта.

Термин *концепт* до сих пор не имеет единого определения. Период утверждения термина *концепт* связан с определенной произвольностью его употребления, размытостью границ, смешением с близкими по значению терминами.

В «Большом энциклопедическом словаре» дается следующее определение концепта: «Концепт (от лат. *Conceptus* – мысль, понятие) – смысловое значение имени (знака), т.е. содержание понятия, объект которого есть предмет (денотат) этого имени».

С.Г. Воркачев определяет концепт как культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму, как единицу коллективного знания, имеющую языковое выражение и отмеченную этнокультурной спецификой [2].

З.Д. Попова и И.А. Стернин предлагают определение термина *концепт* на основе психологических и психолингвистических исследований Выготского Л.С., Жинкина Н.И., Горелова И.Н. «Концепты – это комплексные дискретные единицы сознания, при помощи которых осуществляется процесс человеческого мышления. Концепты выступают как единицы хранения человеческого знания» [3]. Они считают, что концепт не обязательно имеет языковое выражение, многие концепты имеют эмпирический характер. Также не обязательно наличие этнокультурной специфики и ценностной составляющей.

Таким образом, под *концептом* понимается дискретная комплексная единица человеческого мышления, которая содержит определенную совокупность знаний о том или ином явлении объективной или субъективной реальности, представленная в виде чувственных данных опыта, информационных данных, а также в виде мнений и представлений.

Исходя из разных определений концепта, можно выделить его инвариантные признаки:

- это минимальная единица человеческого опыта, вербализующаяся с помощью слова или группы слов и имеющая полевую структуру;
- это основная единица обработки, хранения и передачи знаний о мире;
- концепт имеет подвижные границы и выполняет конкретные функции;
- концепт социален;
- это основная ячейка культуры.

Концепты представляют мир в сознании человека, образуя концептуальную систему, а знаки человеческого языка кодируют в слове содержание этой системы.

Концепт обладает сложной структурой, включающей помимо понятийной основы социо-психо-культурную часть, которая не столько мыслится носителем языка, сколько переживается им, она включает в себя ассоциации, эмоции, оценки, национальные образы и коннотации [3].

В анализируемых произведениях концепт «женщина» вербализуется следующим образом:

1) Лексемами «мать», «мамочка».

В словарях дается следующее определение лексемы «мать»: мать – а) женщина по отношению к ее детям; б) обращение к пожилой женщине; в) обращение, присоединяемое к

имени или званию монахини [4]. Лексема «мамочка» - уменьшительно-ласкательное от существительного «мама».

В рассказах Толстой лексемы «мать», «мамочка» репрезентируют следующие когнитивные признаки концепта «женщина»:

«главная женщина в жизни мужчины»:

«Тихо ела его тоска по матери, которой не было нигде. Он выдумывал себе матерей, воображал себя сыном любимой учительницы – будто бы у нее потерялся маленький мальчик и она ищет его, спрашивает у всех – не встречался ли?»;

«мягкость, женственный внешний облик»:

«Мягкая, чудесная, понимающая женщина – Марья Максимовна. Станный этот пунктик – не может забыть шубу. Все-таки женщина, им это важно. Она ему о шубе, Сергей ей о шапке. Сочувствовала. Леночка улыбалась обоим, витая в своих неясных мыслях. Ровный бесстрастный характер у Леночки, будто не жена ему, а сестра. Мать и сестра – о чем еще мечтать потерявшемуся мальчику?».

«всевластная», «та, что распоряжается жизнью»:

«Мамочка распорядится. Мамочка такая громкая, большая, просторная, а Алексей Петрович маленький. Мамочка знает, может, всюду пройдет. Мамочка всевластна. Как она скажет, так и будет»;

«Мамочка лучше знает. Буду слушать Мамочку. Только она знает верную тропку через дебри мира».

«защитница», «спасительница»:

«Мамочка спасет, она уже несется локомотивом, стучит красными колесами, гудит: прочь с дороги!»;

«Мамочка, где ты? Мамочка, плачет, умирает твое дитя... Мамочка бежит, мамочка задыхается, протягивает руки, кричит, хватает, прижимает к груди, ощупывает, целует. Мамочка рыдает – нашла, нашла! Мамочка ведет под уздцы Алексея Петровича в теплую нору. В мягкое гнездо, под белое крыло».

2) Лексемой «теща» и словосочетанием «прелестное дитя».

В словарях лексема «теща» определяется как мать жены. Данная лексема репрезентирует признак «изысканная внешне»:

«Теща – прелестное дитя, бровки выщипаны, каблучки стучат, - поехала на барахолку, взяв с собой Параню, домработницу...».

3) Лексемами «девочка», «блондинка», «красавица». *Девочка* - а) ребенок или подросток женского пола; б) молодая девушка. *Блондинка* - белокурая, светловолосая женщина. *Красавица* - а) красивая женщина; б) ласково-фамильярное обращение к девушке, женщине. [4].

Данные лексемы актуализируют признаки:

«беззащитная», «нежная, милая»:

«Она – нежная девочка, он защитник, опора...»;

«Милая, тихая блондинка. Она склонила ему голову на плечо. Он читает вслух Гельдерлина»;

«неземное, нереальное существо»:

«И под локтем его возникла, завязалась откуда-то из воздуха, из цветного сигаретного дыма девочка-мотылек... Он махнул, чтобы дали еще розового спирта, боясь заговорить, спугнуть девочку, чудную перы, летучий цветок, и они сидели молча, удивляясь друг другу, как удивились бы, встретившись, козел и ангел»;

«Доели – пошли! – скомандовала одна красавица другой, и, расправив прозрачные зонтики, как знаки иного, высшего существования, они выплыли в дождь и поднялись на небеса».

«лживая, равнодушная»:

«Вы тоже смешной-смешной, - упорствовала, не слушая, равнодушная девочка. – У вас что-то на пол упало. Когда он наконец выбрался из-под стола, ангел уже вознесся, а с ним и петерсов кошелек с деньгами».

4) Лексемой «женщина». В словаре лексема женщина определяется как: а) лицо, противоположное по полу мужчине; б) лицо женского пола как воплощение свойств, качеств этого пола; в) лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке [4].

В произведениях Т. Толстой лексема «женщина» репрезентирует признаки:

«загадочная, непонятная, пугающая»:

«Женщины – очень страшно. Зачем они – неясно, но очень беспокоит. Мимо идут – пахнут так... и у них Ноги. На улице их очень много, и в каждом доме, за каждой дверью притаились, что-то делают, копаются, хихикают в кулак, знают, да не скажут Алексею Петровичу»;

«изумительная, желанная»:

«Изумительная женщина – как леопард. И он сам, как тигр. Какие-то страусовые перья, гибкий силуэт на диване...»;

«холодная, приземленная, расчетливая»:

«...как-то нечаянно, мимоходом, женился на холодной, твердой женщине, с большими ногами, с глухим именем. Женщина строго глядела на людей. Зная, что люди – мошенники, что верить никому нельзя: из кошелки ее пахло черствым хлебом»;

«неестественная, искусственная»:

«Женщина, женщина, есть ли ты? Что ты такое? Твои розовые щеки – в коробках с летучей пылью, улыбка – в золотых футлярах с малиновой начинкой, гладкая кожа – в тюбиках с жиром, взгляд в прозрачных банках... Он купил для Евгении Ивановны пачку ресниц»;

5) Лексемой «девушка». *Девушка* - лицо женского пола, достигшее половой зрелости, но не состоящее в браке [4]. Данная лексема вербализует признак «привлекательная, но опасная»:

«А вон там – опаснейшая, глазастая, хвостатая Морская девушка, скользкая, злобная, заманчивая...»;

«... на пороге стоит наглая Морская Девушка, ухмыляется, вся набекрень, высунула ногу, расставила сети: не хочешь ли попасться?».

б) Лексемой «сотрудница». Лексема «сотрудница» актуализирует признак «волнующая, привлекательная»:

«Когда в библиотеке появилась новая сотрудница, темная и душистая, в платье цвета брусники, Петерс взволновался».

7) Лексемой «жена». Данная лексема вербализует признак «лишающая свободы»:

«Жен не выбирают, они сами, неизвестно откуда взявшись, возникают рядом с вами, и вот вы уже бьетесь в сетях с мелкими ячейками, опутаны по рукам и ногам, и вас, стреноженного, с кляпом во рту, обучают тысячам тысяч удушающих подробностей переходящего бытия, ставят на колени, подрезают крылья...»

8) Женскими именами *Леночка, Валентина, Клара, Светлана, Изольда, Евгения Ивановна*. Данные лексеммы репрезентируют следующие когнитивные признаки:

«завораживающая», «прелестная», «слабая»:

«Бледные щеки, волосы – водорослями вдоль щек, слабые руки, легкие ноги – все завораживало, и хотя Сергей вообще-то любил женщин крепких, ярких, чернобровых, как вятская игрушка, но перед водянистой прелестью Леночки устоять не смог. А она обвилась вокруг него, нежаркая, душой зыбкая и недоступная, со слабенькими женскими проблемками: кашель, туфельки велики, сюда гвоздик вбей. Сережа...»;

«прекрасная, молодая»:

«Он загляделся на Валентину, маленькую, безбожно молодую, - она покупала весенние открытки на солнечной набережной, и счастливый ветер, налетая порывами, стоил, ме-

нял прически на ее черной стриженной голове... Спортивные юноши подбежали к прекрасной, смеясь, она ушла с ними вприпрыжку...»;

«хозяйственная, поглощенная бытом»:

«У Клары дома все было такое же, как у Василия Михайловича, такая же чистая кухня, такая же тахта, и, ложась в крахмальную Кларину постель, Василий Михайлович видел в углу подушки еще один телефонный номер, вряд ли там ждала его судьба, но, наскучив Klarой, он все же позвонил и обрел женщину Светлану... в Светланином шкафу тоже стопочкой лежало переложное кусками хорошего мыла чистое белье»;

«Евгения Ивановна купила и шубу, и крокодиловые туфли, и японский кошелек, и платок с люрексом, и шкурку песка на шапку, и пока, поддерживая друг друга, они нашаривали путь по темной лестнице, объясняла Василию Михайловичу, что песцовый мех надо чистить манной крупой, раскаленной на сухой сковородке, и что мездра воды боится, и что теперь надо купить полметра простой тесьмы. Василий Михайлович, стараясь ничего не запомнить, думал о том, какой была лилипутка в юности...»;

«привлекательная, неповторимая»:

«Изольда была, как диковинная серебряная птица, изготовленная природой в единственном экземпляре»;

«жертвенная, отрешенная от материального, земного»:

«Изольда ничего не просила у Василия Михайловича: ни туалета хрустального, ни цветного кушака царицы шемаханской, все бы ей сидеть у его изголовья, все бы ей гореть венчальной свечой, гореть не сгорая ровным тихим пламенем»;

«прозаичная, стандартная, обыкновенная»:

«Она должна была обвить его своими слабыми голубыми руками и шагнуть с ним в новое измерение, чтобы молния, сверкнув, расколола обыденный мир, как яичную скорлупу. Но ничего похожего не происходило. Изольда все трепетала да трепетала, и Василию Михайловичу было скучновато... часы тикали, Изольда плакала, ничего не понимая, обещала умереть, под окном была слякоть. И чего нюни распускать? Сказал: уйду, - значит, уйду. Что тут неясного?»;

«собственница»:

«Евгения Ивановна что-то чувствовала, искала следы, рылась в карманах, разворачивала бумажки...»;

«Евгения Ивановна почувяла Изольдину тень, и рыла ямы, и натягивала колючую проволоку, и выковывывала цепь, чтобы Василий Михайлович не мог уйти».

Кроме того, в проанализированных рассказах находят отражение стереотипы, существующие в сознании мужчин:

«Женщину необходимо завоевывать, подчинять, управлять ею»:

«Он заарканит, приторочит к седлу, приручит уклончивую, ускользящую Анастасию. Он поднимет землистое, опущенное лицо дорогой, измученной жены. Противоречия не будут разрывать его. Ясно, справедливо уравниваются достойные. Вот твое место, жена. Владей. Вот твое место, Анастасия. Цари».

«Женщина любит сильных, доминантных мужчин»:

«Карьера. Успех. Спорт. Женщины. Прочь комплексы, прочь занудство! Ты посмотри на себя: на кого ты похож? Нытик. Трус! Будь мужчиной, Игнатъев! Мужчиной! Тогда тебя и женщины любить будут. А так - ты кто? Тряпка!».

«С женщиной необходимо вести себя с позиции силы»:

«Женщине, чтоб ты знал, Игнатъев, будь она хоть Софи Лорен, надо говорить: пшла вон! Тогда и будет уважать. А так-то ты, конечно, не котируешься. – Да как я ей такое скажу? Я преклоняюсь, я трепещу... - Во-во. Трепещи. Ты трепещи, а я пошел».

Итак, проанализировав рассказы Толстой, мы можем сделать вывод, что в для героев-мужчин образ женщины представлен прежде всего ее социальными ролями: женщина – это мать, жена, теща. Женщина имеет определенные внутренние и внешние характеристики,

признаки, в сознании мужчины они делятся на «идеальные» - то, какой должна быть женщина в их представлении, - это «женственность, незащищенность, мягкость, загадочность, таинственность, нереальность, красота, высшее существо, неземное существо» и другие, и «реальные», которые не всегда совпадают с «идеальными»: «лживость, неестественность, приземленность» и прочие. В рассказах Толстой находят также отражение стереотипы поведения женщины.

Библиографический список

1. Толстая Т. Река Оккервиль. М., 2005. 464 с.
2. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М., 2007. 289 с.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М., 2007. 256 с.
4. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. М., 2011. 960 с.

References

1. Tolstaya T.N. The river Okkerville. M., 2005. 464 p.
2. Maslova V.A. Introduction to cognitive linguistics. M., 2007. 289 p.
3. Popova Z.D., Sternin I.A. Cognitive linguistics. M., 2007. 256 p.
4. Ushakov D.N. Great explanatory dictionary of Russian language. M., 2011. 960 p.

Правила оформления статей в Научном Вестнике

Уважаемые авторы, пожалуйста, следуйте правилам оформления статей для опубликования в Научном Вестнике.

Статьи представляются в электронном виде. Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4. Статья должна включать:

- 1) УДК;
- 2) Сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт Times New Roman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;
- 3) Инициалы и фамилии авторов (шрифт Times New Roman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);
- 4) Название статьи на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);
- 5) Аннотацию на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 6) Ключевые слова на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 7) Основной текст (шрифт Times New Roman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);
- 8) **Библиографический список** на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см. **Выравнивание текста – по ширине.** Для обеспечения однородности стиля не подчеркивайте текст. Отступ первой строки абзаца – 1 см. Не допускается для оформления статьи использовать Open Office. Просим, при наборе текста используйте клавишу «ПРОБЕЛ» только по основному назначению – для отделения одного слова от другого, для этого достаточно нажать клавишу «Пробел» **1 раз**. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе Corel Draw либо в любом из графических приложений MS Office. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал.

Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм).

Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы - пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются **в квадратные скобки [1; с. 54-67]** с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТа. После слов **Библиографический список** точка или двоеточие **не ставятся**. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине стра-

ницы, красная строка 1 см. **Оформлять в алфавитном порядке библиографический список необходимо по ГОСТу Р 7.05-2008.**

В одном номере публикуются не более двух статей одного автора.

С уважением, редакционная коллегия серии

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 811.161.1 ББК 81.2 Рус-5

Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске
Кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск, тел. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Institute of Humanities of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (branch in Severodvinsk)
The department of linguistics,
PhD, senior lecturer Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk, phone: +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег. На материале поэзии XIX – начала XXI вв. выявляются образы, созданные по моделям «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*» и «*некий объект как первый снег*», тем самым устанавливается эстетическое значение сочетания *первый снег* и определяется круг реалий, при описании которых актуализируется образ первого снега.

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, художественная концептуализация, признаки образа, повторяющееся поэтическое сочетание.

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow. The images created according to the models «*the first snow as an object having certain features*» and «*an object like the first snow*» are described on the basis of poetry from the 19th to the early 21st c. It helps to reveal the aesthetic meaning of «*the first snow*» and to determine the range of objects whose descriptions contain actualized images of the first snow.

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, repeated poetic combination.

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина, И.З. Суриков и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небес полуночной страны* [4]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог

средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания как его современники (А.И. Тургенев, А.С. Пушкин), так и впоследствии исследователи его творчества (Л.Я. Гинзбург, Б.С. Мейлах, К.И. Соколова и др.).

Поэтический текст содержит результаты эстетического освоения действительности, наряду с национальным языком, отражающим результаты обыденного познания мира, и наряду с научными текстами, фиксирующими результаты научного освоения мира природы и человека.

Снег является значимым фрагментом русской языковой картины мира, в силу этого снег – важный компонент художественной модели мира: образы снега, метели, снегопада присутствуют в творчестве многих авторов XVIII – начала XXI вв., о чем говорят более 8 тысяч контекстов, выявленных методом сплошной выборки из произведений русских поэтов. Особое место среди всего корпуса «снежного» поэтического материала составляют контексты, целые произведения, в которых создан образ первого снега. Постоянное обращение поэтов разных эпох и различных эстетических взглядов к данному образу дает основание предположить, что первый снег (как явление природы) обладает особым эстетическим и символическим смыслом.

Материалом для данного исследования послужили контексты, в которых использованы сочетания *первый снег*, *первый снежок*, *первый снегопад*, *первые сугробы*, *первая пороша*. Наблюдения над контекстуальным окружением названных сочетаний позволяют определить особенности художественной концептуализации первого снега как фрагмента действительности и тем самым установить, какие новые значения появляются у образа первого снега на каждом этапе развития русской поэзии. Так, в этом аспекте рассмотрены контексты, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*». Под признаками в данной модели понимаются как различные физические проявления первого снегопада («мелкий», «мокрый», «утренний» и пр.), так и художественные признаки, представляющие особые ассоциативные связи, которые возникают в поэтическом сознании авторов при виде снега (например, первый снег как напоминание о каких-либо событиях в жизни человека). Кроме того, привлечение большого корпуса текстов XIX – начала XXI вв. делает возможным определить круг объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируются признаки первого снега и в описании которых используется сочетание *первый снег* в роли предмета сравнения. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа «*некий объект как первый снег*».

Среди названных выше сочетаний регулярность употребления характерна для синтагмы *первый снег*, что подтверждается использованием его в функции заглавия произведений поэтов разных эпох: П.А. Вяземского, А.М. Жемчужникова, С.А. Есенина, В. Брюсова, Б.Л. Пастернака, А. Вознесенского, Н. Рубцова, Л. Мартынова, Т. Алферовой, В. Осипова, В. Шнейдера и др. Кроме того, сочетание *первый снег* наряду с названными синтагмами отличается большей частотой употребления. Эти условия позволяют отнести синтагму *первый снег* к повторяющимся поэтическим сочетаниям, под которыми мы понимаем элементы общей системы поэтического языка, совпадающие у разных авторов, вычлененные из поэтического текста единицы, которые не утрачивают своей экспрессивности при неоднократном использовании поэтами, принадлежащими к одному или разным поколениям.

Анализ материала показал, что сочетание *первый снег* функционирует в русских поэтических текстах с различной контекстуально-смысловой нагрузкой. Заметим, что в нашем материале практически не встретились контексты из произведений XVIII в., что объясняется типом художественного мышления того времени – господством монументализма и масштабности. Это в свою очередь проявляется и в незначительном количестве произведений с описанием пейзажей, в том числе – зимних. Заметим, что для поэзии XVII в. характерна статичность в изображении природы, тогда как первый снег (в реальном мире и в художественной его модели) – это мимолетное, порой быстро исчезающее явление погоды.

Обозначим группы контекстов, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*». В первую очередь к этой группе относят-

ся контексты, в которых эстетическое значение синтагмы *первый снег* совпадает с узуальным значением составляющих ее единиц *первый* и *снег* в национальном языке. Например, *Поникли тополя. / Ложится первый снег. Пусты поля...* (Г. Адамович), *Завершился листопад, / Первый снег упал на крыши* (Л. Мартынов), *Уж мороз серебром темный лес разукрашивал, /*

Подмерзала земля и снежок, / Первый, мягкий снежок припорошивал (Д. Бедный), *Первый снег плотину ярко выбелил* (А. Тимирева), *Выпал за окнами первый снежок, / Блекнет закат, догорая...* (М. Светлов), *Первый снег сапог хватает* (О. Фокина), *Три алые розы на первом снегу / У края лежат тротуара. / Их кто-то швырнул на ходу, на бегу. / Три искры ночного пожара* (И. Николукин) и др. В ряде случаев снег, являясь предметом изображения, становится и объектом эстетического осмысления. Сравнивая первый снег с каким-либо предметом из мира человека или с объектом природы, поэты подчеркивают различные оттенки проявления этого погодного состояния. Например, *Ручей прозрачный / Замедлит свой журчащий бег. / И на него фатюю брачной / Небрежно ляжет первый снег* (К. Фофанов); *Я по первому снегу бреду <...> / Может, вместо зимы на полях, / Это лебеди сели на луг* (С. Есенин). Сравнение снега в первом случае с фатой, а во втором – с лебедями создает картину легкого, прозрачного, неплотного слоя, покрывающего воду, и картину темной земли, неравномерно покрытой белым снегом.

Кроме того, в эстетическом описании первого снега в текстах XX в. встречаются атрибутивы с общим значением «характеристика человека», которые, с одной стороны, передают особенности падения первого снега, создавая неповторимый образ, а с другой – выражают эмоции, чувства и ощущения, появляющиеся у лирического героя в эту погоду. И в этом случае образное осмысление первого снегопада различно. Например, *То идет он сверху вниз, / то снизу вверх – / озабоченный, растерянный, / чудной... / Я прекрасно понимаю / первый снег, / потому что так же было и со мной. / Время встало. / А потом пошло назад!* (Р. Рождественский), *Первым злым / Колючим снегом / Дрожит озябшая земля – / Зима жестоким печенегом / Пришла на мирные поля* (А. Жигулин), *На нашей долгой бытности / Казалось нам не раз, / Что снег идет из скрытности / И для отвода глаз. / Утайщик нераскаянный, – / Под белой бахромой / Как часто вас с окраины / Он разводил домой!* (Б. Пастернак).

Итак, к группе контекстов, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*», относятся контексты, актуализирующие физические явления этого погодного состояния (*мягкий, пушистый, белый* и пр.), а также передающие их эмоциональное восприятие лирическим героем (*злой, озабоченный, растерянный*). Выдвижение тезиса о значимости образа первого снега для русской поэтической модели мира требует рассмотрения жизни образа в текстах XIX – начала XXI вв. в эволюционном аспекте, что дает возможность установить, как менялось значение образа, как и когда у него появились новые смыслы.

Обозначим контексты, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*», составляющие группу с актуализацией ассоциативных связей образа снега. Так, достаточно устойчивым для поэтического сознания русских авторов является осмысление первого снега как «погодного явления, напоминающего о чем-либо важном или связанного со значимыми событиями в жизни лирического героя (и его автора)». Например, *Живо вспомнил я старое время, / Поздней осенью первый снежок, / И темнеющий сумрак вечерний, / И в окошке твоим огонек* (Л. Пальмин), *Ловит память тонким клювом / Первый снег и первопуток* (С. Есенин), *Сегодня мне немного непривычно, / Вокруг бело. И около Карпат / Такая тишь, которая обычно / Бывает только в первый снегопад <...> / Но каждый видит памятные дали / И первый снег, упавший на село* (К. Ваншенкин), *Очень гордая, / сама пришла ко мне, / равнодушие, обидное стерпя. / На твоих ресницах / тает первый снег...* (Р. Рождественский), *Пусть падают листки календаря, / пусть будет долог жизненный твой путь. / Но день двадцать шестого октября, / но первый снег его – забудь, / совсем забудь. / Как не было...* (О. Берггольц), *Погода напомнила / Осень в Тайшете / И первый на шпалах / Колючий снежок* (А. Жигулин), *Первый снег мне былое*

напомнил / О судьбе, о земле, о Тебе, / Я оделся и вышел из комнат / Успокаивать горе в ходьбе (Б. Поплавский), *О как легко плеча плечо / Касалось той поры <...> / Стелила свежий первый снег / Нам улица одна <...> / Еще идет там первый снег, / Есть улица одна, / И мы увидим белый свет / Из одного окна* (Л. Мочалов).

Другим доминирующим художественным признаком выражения эстетического значения образа первого снега является «особое эмоциональное состояние, которое появляется у лирического героя при любовании этой погодой». Впервые в русской поэзии своим восторгом при виде первого снега поделился с читателями П.А. Вяземский: *Приветствую душой и песнью первый снег* («Первый снег», 1819 г.). Запечатлеть исчезающую мимолетную красоту первого снега стремился А.М. Жемчужников в стихотворении «Первый снег» (1888 г.): *Так первый снег мне этот мил! / Скорей подметить! Он победу / Уступит солнечному дню; / И к деревенскому обеду / Уж я всего не оценю.*

Этот оттенок эстетического значения образа первого снега является актуальным для авторов на протяжении всего XX и начала XXI вв.: *Я по первому снегу бреду. / В сердце ландыши вспыхнувших сил* (С. Есенин), *Счастлив видеть первый снег, / Стройных сосен колоннаду* (К. Ваншенкин), *А нынче, землю веселя, / Упала первая пороша* (Н. Браун), *По первому снегу так хочется ехать куда-то, / чтоб ночь, и вокзал, и билеты с проставленной датой, / но без указания станции – / вперед, наугад, что достанется* (Т. Алферова), [О первом снеге. – Н.М.] *<...> Снег прикрыл только ворохи бурой листвы, / А зеленых трав – не осилил. / С новым снегом становится кровь горячей / И смелей для пьянящего шага. / Черной жилкой пульсирует нервный ручей / В побелевшей бездне оврага. / С первым снегом тебя!* (А. Бобров).

Особенно ярко эмоциональное восприятие первого снега проявилось в произведении Д. Самойлова, где создана трогательная картина первого снегопада, который настолько гармоничен внутреннему миру героя, что у него при виде первого снега создается впечатление встречи с родственной душой: *Рано утром почувался снег. / Он не падал. Он лишь намечался. / А потом полетел, заметался. / Было чувство, что вдруг повстречался / По дороге родной человек. / А ведь это был попросту снег – / Первый снег и пейзаж Подмосковья.*

В эту же группу контекстов вошли те, в которых образ первого снега связывается с творческим настроением героя, воспринимающего первый снег как время поэтического вдохновения. Заметим, что данный оттенок значения образа актуален лишь для современных авторов. Например, *Стихи идут по первому снежку* (Н. Горбаневская), *На белый лист строка ложится, / На белый лист. / А в небе первый снег кружится, Безгрешно чист. / Он до земли не долетает, / Неуследим. / И с ним душа моя витает / Над сном твоим* (В. Халупович).

Материал показал, что в поэзии XX в. за счет актуализации узуального значения прилагательного *первый* «первоначальный, ранний, происходящий ранее всех других» [3] образ первого снега приобретает еще одно значение. Семантика слова *первый* обуславливает «прочтение» этого образа в связи с общефилософской категорией начала, а сочетание *первый снег* приобретает символическое значение «начала чего-либо». Например, в стихотворении О. Берггольц образ первого снега актуализируется при описании первых (в прямом и переносном значении) шагов в жизни человека: *Точно детство вернулось и – в школу. / Завтрак, валенки, воробьи... / Это первый снег. Это первый холод / губы стягивают мои <...> / Точно первый снег, / первый шаг у дочки, / удивительный в октябре* (О. Берггольц). В стихотворении Е. Евтушенко образ первого снега появляется при осмыслении важных этапов жизни человека. Снег наделяется индивидуализированным значением: «у каждого свой первый снег (каждый по-своему воспринимает его)»: *И если умирает человек, / с ним умирает первый его снег, / и первый поцелуй, и первый бой... / все это забирает он с собой.* Повторение слова *первый* в сочетании со словами *снег, поцелуй, бой* в контексте этих строк позволяет интерпретировать данные субстантивы как обозначение понятий «начало жизни», «любовь», «борьба» – важные составляющие пути человека. Кроме того, в ряду *первый снег, первый поцелуй, первый бой* слово *снег* занимает особое положение: он открывает данный ряд и, обозначая в действительности часть природы, а не жизни человека, благодаря контекстуальному

окружению приобретает символическое значение «всего первого, что произошло в жизни человека».

Так, у поэтического сочетания *первый снег* к концу XX в. постепенно расширяется контекстуальное окружение, которое формирует новые обертоны смысла. Образ первого снега на каждом следующем витке развития русской поэзии обогащается текстовыми семантическими приращениями, которые естественно связаны с многообразием поэтических индивидуально-авторских систем.

Второй аспект анализа полученного материала состоит в выявлении круга реалий, объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируется первый снег, его концептуальные признаки. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа «некий объект как первый снег».

В поэзии XIX в. природная белизна снега устойчиво актуализируется при описании цвета кожи: *спрыгнув с коня ретивого, / Точно первый снег бела, / Без рыданий к мужу мертвому / Василиса подошла* (И. Суриков), *Как первый снег та длань бела* (В. Кюхельбекер), седины: *Ветр власы его взвеивает, / Белые, как первый снег!* (А. Бунина), в конце XIX в. при описании небесного тела: <...> *светлая лазури высота / Горит незыблемо над нами. / И тусклая луна, бледна как первый снег / В лучах вечернего заката, бледна как первый снег* (К. Фофанов).

Для поэтического языка рубежа XIX – XX вв. характерны открытия новых метафорических возможностей поэтического слова, это время изменения семантического строя, структуры поэтического образа; период активного освоения новых пластов лексики [1], эпоха «глубокой трансформации образного мышления в эстетическом сознании России» [2]. Эти тенденции развития поэтического языка проявились и в функционировании сочетания *первый снег*. Например, новым, неожиданным для языка поэзии стало сравнение звучания голоса смеющегося человека с первым снегом: *И серый глаз светлей воды с колодца, / И смех свежей, чем первый белый снег...* В этом случае актуализируется не только природный цвет снега, но и та прохлада, которая возникает в воздухе при первом снеге. Тем самым создается образ на основе синестезии: в передаче впечатлений от смеха (особого звука, издаваемого человеком) совмещаются признаки снега «цвет» и «холод».

Заметим, что названные черты поэтического языка сохранились на протяжении всего XX в.: образ первого снега актуализируется при описании человека, его внутреннего мира, душевного состояния. Например, *И тает первый снег / На сердце у меня* (А. Межиров). Обстоятельный компонент *на сердце* в конструкции *тает первый снег на сердце* дополняет содержание образа первого снега: в данном случае сочетание *первый снег* обозначает внутренний, эмоциональный холод, который был вызван событиями в жизни героя. Интересным представляется функционирование в этих строках глагола *тает*. С одной стороны, он актуализирует концептуальный признак снега как вида атмосферных осадков – свойство «превращаться в жидкое состояние под действием тепла», а с другой стороны, благодаря соседству с сочетанием *на сердце* приобретает переносное значение «исчезать, постепенно сокращаясь, прекращаясь» [3]. В строках Ю. Кузнецова *Выхожу – а девушка смеется, / Весело смеется у ворот. / Вся она, как легкая пушинка. / И душой чиста, как первый снег* при создании образа невинно чистой девушки актуализируется признак белизны первого снега. Заметим, что такое осмысление белого цвета снега к этому времени становится традиционным для русской поэзии, однако в данном случае подчеркивается первозданная белизна снега, тем самым усиливается символическое значение белого цвета.

Наряду с этим образ первого снега актуализируется и при описании жизненных ситуаций. Например, *И покроется жухлая зелень / Первым снегом осенних невзгод* (А. Жигулин). В строке *первый снег осенних невзгод* синтагма *первый снег* приобретает дополнительное эстетическое значение «изменения в жизни человека и в природе, которые связаны с наступлением холодов». Генетивная метафора *снег невзгод* раскрывает комплекс ассоциаций: теку-

честь времени, неблагоприятные, менее всего ожидаемые нежелательные события, их близость и неизбежность.

Еще большее разнообразие художественных ассоциаций у образа первого снега находим в поэзии конца XX – начала XXI вв. Так, В. Лапшин использует образ первого снега при передаче красоты цветущей черемухи: *Он черемуху колышет. / А она-то, а она – / Снега первого белее.* Однако более актуальным образ первого снега оказывается при описании внутреннего мира человека. Например, В. Болохов точно передает эмоциональные переживания пожилого человека, увидевшего первый снег через окно вагона: *И не одна душа / от суеты седая, / извечностью дыша, / вдруг стала молодая. <...> / Хотя была слеза – / как снег... / тот самый – первый...*

Особую философскую «пронзительность» приобретает образ первого снега в строках Е. Матусовской, передающей осмысление жизненной несправедливости при виде умирающих больных детей, осознание неизбежности ухода их из жизни: *Но тщетно к ним [Больные умирающие дети. – Н.М.] идти с вопросом. / Как первый снег, как лёгкий дым / Они уходят. И уносят / Ту тайну, что открылась им* (Е. Матусовская).

Наблюдения над контекстуально-смысловыми изменениями отдельной единицы поэтического языка (в данном случае повторяющегося поэтического сочетания) привели к интересным результатам. Так, проследив характер использования синтагмы *первый снег* в текстах русских авторов начала XIX – начала XXI вв., мы выяснили, что образ первого снега является неотъемлемой частью русской поэтической картины мира, на протяжении развития русской поэзии он обогащается новыми ассоциациями, обрастая различными смысловыми обертонами, которые в свою очередь свидетельствуют о постепенной символизации первого снега в художественном мире.

Библиографический список

1. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.
2. Келдыш В.А. Русская литература конца XIX – начала XX века как сложная целостность // Русская литература конца XIX – начала XX века. В 2 т. Т. 1. / отв. ред. В.А. Келдыш. М.: Академия, 2007. 287 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
4. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

References

1. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.
2. Keldysh V.A. Russian literature of the late 19th – early 20th c. as a complicated unity // Russian literature of the late 19th – early 20th c. in 2 vol. Vol. 1 / ed. by V.A. Keldysh. M., 2007. 287 p.
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Russian language dictionary. M., 1997. 944 p.
4. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

Научное издание

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Воронежского государственного
архитектурно-строительного университета

**ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск №9, 2013 г.

Научный журнал

Подписано в печать 04.02.2013. Формат 60*84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 18. Усл.-печ. л. 19. Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства учебной и учебно-методической литературы Воронежского ГАСУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84